Москва.

В 3/11

МНЕМОЗИНА,

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ,

Издаваемая

Кн. В. Одоевскимъ и В. Кюхельбекеромъ,

ЧАСТЬ I.

МОСКВА.
Въ Типографіи Императорскаго Московскаго Театра, 1824 года.
У Содержателя А. Похорскаго.

0,10
250

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска въ публику, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ екземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Народнаго Просвѣщенія, два екземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. 1824 года Генваря 17 дня, книгу сію разсматривалъ Ординарный Профессоръ Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ

Михаилъ Каченовскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Старики или островъ Панхаи (Кн. В. Одоевскаго) . . . . . 1.
II. Извлеченіе изъ Записокъ Генералъ-Маіора Д. В. Давыдова . . . . . 13.
III. Давидъ А. Г. . . . . 24.
IV. Отрывки изъ Комедіи: Аристофанъ (Князя Шаховскаго) . . . . . 26.
V. Къ Графу Чернышеву въ деревню (Князя Вяземскаго) . . . . . 47.
VI. Къ Богу (В. Кюхельбекера) . . . . 51.
VII. Святополкъ Окаянный (В. Кюхельбекера) . . . . . 53.
VIII. Отрывокъ изъ Путешествія по Германіи (В. Кюхельбекера) . . . . . 61.
IX. Епиграммы (Кн. В..скаго) . . . . . 110.
X. Елегія (Н. Павлова) . . . . . 111.
XI. Ручей Улькушъ С. Н. . . . . 112.
XII. Конналъ и Гальвина (В. Вердеревскаго) 116.
XIII. Адо (В. Кюхельбекера) . . . . . 119.
XIV. Отрывокъ изъ Поемы: Искусство любить (Вас. Головина) . . . . . 168.
XV. Къ * * * при посвященіи Трагедіи: Марія Стуартъ (Н. Павлова) . . . . 171.
XVI. Извлеченіе изъ письма къ Е. А. Э..ду 172.
XVII. Листки, вырванные изъ Парнасскихъ Вѣдомостей (— д в с к.) . . . . . 177.
XVIII. Многомѣры изъ Жанъ-Поля Рихтера 182.

Имена Особъ, благоволившихъ подписаться на Мнемозину, будутъ напечатаны въ концѣ послѣдней части.

Также будутъ въ оной исправлены всѣ Типографическія погрѣшности, могущія случиться въ семъ изданіи.

Мнемозина Ч. I. Старики.

Чему смѣешься ты? — твое изображенье

I.

СТАРИКИ или ОСТРОВЪ ПАНХАИ (*).

(*Дневникъ Аристa* (**).

Какъ памятно мнѣ время моего перехода изъ юности въ возрастъ зрѣлый, время сего перехода, когда человѣкъ, внезапно пораженный опытностію, — рѣшается оставить ту простосердечную довѣрчивость, которая составляетъ блаженство младенца, рѣшается и — еще жалѣетъ о ней, любитъ ее!

Прежде еще сего перехода я помню — одна мечта, какъ игрушка, занимала меня: съ величайшимъ благоговѣніемъ взиралъ я на старость. Божественнымъ казался мнѣ сей возрастъ, въ которомъ, мнилъ я, укрощаются буйныя, постыдныя страсти; умол-

(*) См. приложенную при семъ картинку.

(**) Можетъ быть, нѣкоторымъ изъ моихъ читателей и знакомъ уже Аристъ. Но чтобы избавиться отъ всякихъ притязаній, я почитаю нужнымъ и здѣсь сказать слѣдующее: само собою разумѣется, что мысли Ари-

кающъ мѣлкія, суетныя желанія, — ничтожными становятся препоны, задерживающія человѣка на пути къ высокой метѣ его — совершенствованію! На покрытомъ морщинами челѣ старца — я читалъ сладкое чувствованіе усталаго путника, близкаго желанной цѣли и уже готоваго въ прахъ сбросить и запыленную одѣжду и ношу, къ которой, не смотря на тягость, привыкли плеча его; каждый старецъ казался мнѣ счастливцемъ, покорившимъ силу бренія — силою духа; — и до того даже доходила моя слѣпота въ семъ случаѣ, что тотъ пріобрѣталъ право на мое нелицемѣрное почтеніе, кто былъ меня хотя нѣсколькими годами старѣе. Еслибъ тогда старшій меня, сказалъ: *я мудрѣйшій изъ смертныхъ*, я бы и не повѣрилъ ему — но

ста не суть собственныя мои мысли. Мнѣ хотѣлось изобразить въ Аристѣ человѣка, пламенно привязаннаго къ своимъ собственнымъ мнѣніямъ, и съ горестію смѣющагося надъ людскими, по его мыслямъ, заблужденіями, — словомъ, Демокрита въ нашихъ нравахъ. Мнѣ показалось, что можетъ быть любопытнымъ образъ сужденія съ точки зрѣнія человѣка, каковымъ представляю себѣ Ариста.

Од.

не смѣлъ бы противурѣчить: онъ *опытнѣе* меня, сказалъ бы я самому себѣ!

Теперь же вы знаете меня, друзья! — суетная наружность не ослѣпляетъ глазъ моихъ! Грозный взоръ вельможи, потрясающій всю нервную систему твари, имъ созданной — производитъ во мнѣ лишь улыбку, столь не рѣдко бывающую на устахъ моихъ: я привыкъ, дерзостной рукою срывая личину съ спѣсивой знатности — находить отсутствіе всѣхъ достоинствъ, а подъ мишурою пышныхъ словъ — вялое слабоуміе. Но чувство благоговѣнія къ старости до сихъ поръ еще сохранилося въ душѣ моей, только съ тою разницею, что прежде всякой старецъ казался мнѣ существомъ совершеннымъ; теперь же и въ старцахъ я смѣю открывать недостатки. Но таковыя открытія всегда были тягостны моему сердцу: онѣ, разочаровывая меня, возмущали душу мою; въ семъ только случаѣ, я не могъ смѣяться. Нѣсколько же дней тому назадъ, произошла со мною большая перемѣна и въ семъ отношеніи, и вотъ какимъ образомъ:

Прижавшись къ углу въ моемъ кабинетѣ, съ Діодоромъ Сицилійскимъ въ одной рукѣ и съ Греческимъ Словаремъ въ другой, я путешествовалъ по Аравіи, по цвѣтущему острову Панхаи, наслаждался ви-

домъ колесницы Урановой (*) и стоящаго на оной храма.

Воды, омывавшія сей храмъ, названныя *водами солнца*, имѣли, какъ говорятъ, даръ чудный: испившій отъ нихъ молодѣлъ постепенно и, дошедши до возраста юноши, содѣлывался безсмертнымъ; но горе тому, которой хотѣлъ въ одно мгновеніе сдѣлаться юнымъ! Желаніе его исполнялось, — но безразсудный продолжалъ молодѣть безпрестанно и умиралъ, пришедши въ состояніе однодневнаго младенца.

На свѣчѣ моей нагорѣло, глаза утрудились отъ долгаго чтенія, голова отяжалѣла отъ Греческихъ Аористовъ, сумракъ, усталость, баснословное сказаніе, мною читанное, — все это вмѣстѣ погрузило меня въ то сладостное состояніе, которое извѣстно всякому знакомому съ умственными напряженіями, въ то состояніе, когда мы еще не можемъ отдать себѣ отчета въ новыхъ впечатлѣніяхъ, нами полученныхъ, когда родившіяся отъ нихъ бѣглыя, разнородныя мысли роятся въ головѣ нашей и мѣшаются съ чуждыми, часто безобразными призраками.

(*) Такъ называлося на баснословномъ островѣ Панхаи мѣсто, гдѣ находился храмъ, посвященный Юпитеру Триффилійскому.

Въ такомъ состояніи былъ я: не знаю спалъ ли, или нѣтъ, — но слушайте, друзья мои, что нарисовало предо мною причудливое воображеніе:

Взору моему представился храмъ Геміеи, осѣненный пальмовыми деревьями, — мнѣ слышалося журчаніе *водъ солнца*, тихій зефиръ, вѣчно-вѣющій надъ сими водами, касался лица моего. Берега сихъ водъ были покрыты толпами людей обоего пола, всѣхъ народовъ и состояній; но ни одного старца не было видно въ сихъ толпахъ: вездѣ были — *дѣти*.

Приближаюсь, всматриваюся, — и какое удивленіе меня поразило, когда я увидѣлъ, что всѣ тѣ, которые мнѣ казалися издали младенцами — были ими только по тѣлесной немощи и по своимъ занятіямъ; лице измѣняло имъ: почти у всѣхъ оно было изрыто морщинами; впалые, ссузившіеся глаза, беззубой ротъ, трясущіяся колѣна и другія принадлежности глубокой старости, спорили съ младенческимъ ростомъ и ребяческимъ выраженіемъ. Не льзя описать, какое сильное отвращеніе производилъ видъ сихъ *старцевъ-младенцевъ!* Я содрогнулся, хотѣлъ бѣжать, но невидимая рука остановила меня и невидимый голосъ говорилъ мнѣ: „Наблюдай! Здѣсь видишь ты свѣтъ и людей живущихъ въ немъ, въ истинномъ ихъ видѣ. Тотъ свѣтъ, въ которомъ ты

обитаешь, есть мечтательный, и всѣ дѣйствія, *здѣсь* происходящія, кажутся *тамъ* совсѣмъ иными!"

Я послушался и, скрѣпя сердце, продолжалъ протираться сквозь толпу младенцевъ. О! сколько тутъ знакомыхъ моихъ я увидѣлъ и какъ странны были ихъ занятія!

Многіе изъ младенцевъ подходили другъ къ другу; одинъ изъ нихъ съ величайшею важностію вынималъ мишурный мячикъ и кидалъ къ своему товарищу; товарищъ съ такою же важностію отвѣчалъ ему тѣмъ же мячикомъ; — перекинувши его нѣсколько разъ такимъ образомъ, младенцы, не теряя своей важности, расходилися!

„Что ето за игра такая?" спросилъ я. Она называется, отвѣчалъ мнѣ невидимый голосъ: *свѣтскими разговорами*. Ета игра весьма скучна, какъ ты видишь, но любимая у младенцевъ. Есть многіе изъ нихъ, которые до самой смерти безпрестанно занимаются ею и ни чѣмъ болѣе.

Къ дереву, возлѣ котораго я стоялъ, была прислонена тоненькая жердочка; многіе изъ младенцевъ старалися взобраться по ней на дерево; чего не дѣлали они для достиженія своей цѣли! и низко сгибали спину, и ползли, и то хваталися за младенцевъ, окружавшихъ дерево, то отталкивали ихъ; странно было то только,

что, когда кто поднимался нѣсколько выше другаго по жердочкѣ, то младенцы старалися того назадъ отдергивать, а между тѣмъ рукоплескали и кланялися ему; упавшаго же гнали и били немилосердо. Я замѣтилъ, что предметъ, привлекавшій болѣе всего младенцевъ къ етому дереву, были прекрасные плоды на немъ висѣвшіе. Младенцы съ *низу* не замѣчали, что ети плоды были прекрасны только издали, но въ самомъ дѣлѣ были гнилы. „И ето игра, сказалъ мнѣ голосъ; она называется *почестями безъ заслуги.*"

Весьма жалко мнѣ было смотрѣть на нѣкоторыхъ *юношей*, которыхъ *старики младенцы* приводили къ дереву и показывая имъ плоды, на немъ росшіе, — съ важностію говорили, что ето плоды чрезвычайно вкусны и должны быть цѣлію жизни человѣческой, — что единственное средство для достиженія оной, есть искусное перекидываніе мишурнаго мячика. Тщетно злополучные *юноши* обращали взоры къ чему-то высшему, непонятному для *стариковъ-младенцевъ*; упрямые старики, не давая имъ отдыха, заставляли перекидывать мячикъ.

„Не жалѣй! сказалъ мнѣ голосъ, ето также игра, называемая *свѣтскимъ воспитаніемъ*. *Старики-младенцы*, правда, соблазнятъ многихъ *юношей*, но не остано-

вятъ истинно презирающихъ ету ничтожную игру. Посмотри сюда, и ты увидишь подтвержденіе словъ моихъ."

Я обратился, увидѣлъ.... О! какъ мнѣ выразить словами то, что увидѣлъ я? — Небеснымъ огнемъ пламенѣли *ихъ* очи; ихъ не туманило ничтожное земное; душевная дѣятельность пылала во всѣхъ чертахъ, во всѣхъ движеніяхъ; они презирали шумный, суетный крикъ младенцевъ, — ихъ взоры быстро стремились къ *возвышенному*.

„Кто сіи недовѣдомые?" воскликнулъ я отъ избытка сердца.

Ето *безсмертные!* — отвѣчалъ голосъ. Старики-младенцы не замѣчаютъ, что симъ безсмертнымъ юношамъ они обязаны почти существованіемъ, что сіи юноши, стремясь къ возвышенной цѣли своей, *мимоходомъ*, съ отеческою нѣжностію разливаютъ на нихъ дары свои; неблагодарные не понимаютъ ни дѣйствій, ни цѣли безсмертныхъ: одни смѣются надъ ними, другіе презираютъ, иные не обращаютъ вниманія, большая часть даже не знаетъ о существованіи сихъ юношей. Но вращаются вѣки, быстрые круго-вороты времени поглощаютъ въ безднѣ забвенія ничтожную толпу *стариковъ-младенцевъ*, и живутъ *безсмертные* — живутъ и нѣтъ предѣла ихъ возвышенной жизни!

Кружокъ стариковъ-младенцевъ привлекъ мое вниманіе. Всѣ, составлявшіе оный, сидѣли наморщивъ брови, и съ важностію, тщательно складывали песчинку къ песчинкѣ; имъ хотѣлось такимъ образомъ соорудить зданіе, подобное храму Гемиеен. „У васъ нѣтъ *основанія*, сказалъ улыбаяся одинъ изъ безсмертныхъ юношей, — у васъ даже нѣтъ *связи*, которая бы могла соединить ваши песчинки.“

Младенцы, презрительно посмотрѣли на юношу — и спѣсиво указали ему на десять кое-какъ сложенныхъ песчинокъ, какъ бы говоря: вотъ гдѣ истинная мудрость!

„Тщетно! сказалъ мнѣ голосъ; отъ етой игры ихъ не отучишь; она называется: *опытными знаніями!*

Возлѣ сего кружка, нѣсколько стариковъ-младенцевъ, еще болѣе угрюмыхъ, — размѣривали землю для построенія того же зданія; но ни какъ у нихъ дѣло не ладилось: только что безпрестанно ссорились и бранились! — и не мудрено! у всѣхъ были разномѣрные аршины!

„Мѣряйте однимъ и тѣмъ же аршиномъ!“ сказалъ безсмертный юноша. — Мой лучшій! мой лучшій! закричали они всѣ вмѣстѣ.

Ети старики-младенцы думаютъ, сказалъ голосъ, что они нѣсколькими степенями выше младенцевъ, складывающихъ песчинки; но въ самомъ дѣлѣ также *въ игрушки играютъ*, лишь съ тою разницею, что ета игра имѣетъ другое названіе; она называется: *офранцуженными теоріями*.

Возлѣ меня нѣсколько стариковъ-младенцевъ играли въ игру весьма странную: одинъ изъ нихъ завязывалъ себѣ глаза, приходилъ въ мѣсто совершенно ему незнакомое и приказывалъ нѣкоторымъ юношамъ идти по дорогѣ, которую онъ, не видя, имъ указывалъ. Бѣдные юноши, спотыкались безпрестанно, слѣдуя въ точности руководству его; но упрямый старикъ увѣрялъ, что юноши спотыкаются отъ несовершеннаго исполненія его наставленій, и ежеминутно твердилъ о своей *опытности*.

„Ета игра въ большемъ употребленіи у *стариковъ - младенцевъ*, сказалъ мнѣ голосъ; она истинное торжество для ихъ слабоумія — и называется: *искусствомъ подавать совѣты*.“

Удаленный отъ всѣхъ подъ тѣнію миртоваго кусточка, сидѣлъ одинъ изъ *стариковъ-младенцевъ*; онъ подзывалъ каждаго проходящаго и съ глупою радостію показывалъ свою работу, но никто не обра-

щалъ на нее вниманія; по етому и по розовому платочку я тотчасъ узналъ моего друга Ахалкина; подхожу — и что же? Онъ вырѣзывалъ солдатиковъ изъ листочковъ розы, и мнилъ такою арміею въ прахъ разразить своего грознаго Аристарха! Повѣялъ легкій вѣтерокъ, — исчезли труды Ахалкина; только на лицѣ его осталося никѣмъ не замѣченное выраженіе, которое не знаю, какъ назвать — улыбкою или плачемъ, лишь знаю, что оно было — отвратительное!

Какъ исчислить мнѣ всѣ суетныя занятія *стариковъ-младенцевъ*, какъ исчислить — неисчислимое? Одни пускали мыльные пузыри и увѣряли, что для сего потребны величайшія усилія и умъ высокій; другіе вили въ кудри сѣдые волосы и восхищалися своею безобразною красотою; третіе прозябали въ бездѣйствіи, но у всѣхъ на языкѣ вертѣлася *опытность!*

Не знаю, долго ли продолжалося мое видѣніе, но когда оно исчезло, я сдѣлался гораздо спокойнѣе.

Теперь, слышу ли я старика, порицающаго ученость, потому что самъ не имѣетъ ее, порицающаго всякую новизну за то, что она новизна; — вижу ли старика, которой хочетъ обмануть время не пріобрѣтеніемъ познаній, но подкрашенными волосами — ихъ

невѣжество и слабоуміе не возмущаютъ меня болѣе; я вспоминаю о моемъ видѣніи и спокойно говорю себѣ: „ето *старикъ-младенецъ!*“

Увы! я уже вижу поднимающуюся грозно-смѣшную толпу *стариковъ-младенцевъ*; они обвиняютъ меня даже за то, что мнѣ могло представиться такое видѣніе. Но вы, юные друзье мои, скажите мнѣ: не тогда ли только долгая жизнь можетъ содѣлать человѣка *опытнымъ*, когда каждый день оной—есть новый рядъ умствованій;—гдѣже опытность *стариковъ-младенцевъ*, которою они столько хвалятся, когда бездѣйственность, или ничтожныя занятія потушили въ ихъ головахъ и послѣднюю искру размышленія?

Зевсъ посылаетъ намъ сны, говорили древніе. Мое видѣніе—не должно возбудить непочтеніе къ старости, но напротивъ еще большее произвесть благоговѣніе къ *старцамъ*, въ истинномъ, высокомъ значеніи сего слова.

Друзья! улыбку *старикамъ-младенцамъ* и на колѣна предъ *вѣчно-юными старцами!*

Одесс.

1823.

II.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

Генералъ-Маіора Д. В. Давыдова.

Компанія 1808 года.

Финляндія.

Война въ Финляндіи во время самаго пылу своего не обратила на себя взоровъ ни гражданъ, ни военныхъ людей. Не до того было общему любопытству, утомленному огромнѣйшими событіями въ Моравіи и въ Восточной Пруссіи; оно не въ силахъ было заниматься войною, въ коей число сражавшихся едва ли доходило до числа убитыхъ и раненныхъ въ одномъ изъ сраженій предшествующихъ компаній. Къ тому же первая епоха сей войны ничѣмъ другимъ не была ознаменована, какъ вооруженною прогулкою войскъ нашихъ почти до границы Лапландіи и покореніемъ первоклассной крѣпости, слабыми канонадами и наскоками трехъ сотенъ козаковъ. Надо согласиться, что сред-

ства, доставившія намъ такія важныя приобрѣтенія, мало имѣли и права на общее вниманіе. За то увѣренность въ незатруднительномъ завоеваніи края сего такъ усилилась, что когда сосредоточенный непріятель напалъ на разбросанныя по клокамъ войска наши, когда вспыхнула война народная, когда подвозы съ пищею и съ зарядами прекратились отъ набѣговъ жителей, когда пожары разлились по неизмѣримому пространству лѣсовъ, сквозь которые надлежало намъ пробиваться, когда каждый шагъ впередъ и назадъ требовалъ всеминутныхъ пожертвованій жизни: тогда мирные соотечественники наши не хотѣли вѣрить слухамъ, до нихъ доходившимъ, и, въ заблужденіи своемъ, приглашали насъ письмами на веселіе столицы и семейственныя удовольствія.

А между тѣмъ кровь храбрыхъ орошала тундры Финскія, запекалась на скалахъ по нихъ усѣянныхъ! между тѣмъ лучшую часть жизни мы провождали подъ инеями Сѣвера, средь океана вѣковыхъ лѣсовъ, на берегахъ озеръ пустынныхъ, гоняясь за славою, которой не было и отголоска въ отечествѣ!

По заключеніи мира со Швеціею новыя грозы нахлынули, новыя бѣдствія, новыя торжества увлекли и участія и обѣты и усилія въ другую сторону, и Финляндская война, поглотясь событіями еще огромнѣе

предшествующихъ, погибла въ неизвѣстности.

Я пишу не исторію, слѣдовательно не беру на себя обязанности вызывать сію войну къ безсмертію; — писатель-наѣздникъ, я и тѣмъ буду доволенъ, если записки сіи съ иныхъ сорвутъ улыбку, другимъ нахмурятъ брови, а товарищамъ моимъ напомнятъ очаровательныя минуты нашей юности, и мечты и надежды честолюбія и опасности, на кои мы бросались, и кочевья и бесѣды Оссіановскія, у пылающихъ пней подъ пасмурнымъ небомъ!

Да простятъ мнѣ сухо-геометрическое изложеніе театра войны — оно необходимо.

При первомъ взглядѣ на образъ Финляндіи, мы видимъ, что оный составленъ изъ неправильнаго *четвероугольника*, плотно приставленнаго къ равно-бедренному *треугольнику*.

Основаніемъ первому служитъ Сѣверный берегъ Финляндскаго залива; боками: Восточный берегъ Ботническаго залива отъ *Або* до *Вазы* и перпендикуляръ, падающій отъ *Куопіо* на *Аберфорсъ*.

Крышею онаго: дорога, лежащая отъ *Вазы* на *Лаппо*, *Линдулаксъ* и *Койсисто* въ *Куопіо*.

Сія крыша четвероугольника есть основаніе треугольника, коего одинъ бокъ образуемъ продолженіемъ Восточнаго берега Ботническаго залива отъ *Вазы* до *Улеаборга* и другой дорогою идущею отъ *Куопіо* къ сему же городу. Непрерывная трѣсина, усыпанная скалами и осѣненная дремучимъ лѣсомъ; обширныя озера однѣ въ другія впадающія, и дороги направляющіяся въ видѣ *радіусовъ* къ малому числу *средоточій* и рѣдко гдѣ имѣющія между собою поперешныя сообщенія — составляютъ поверхность Финляндіи.

Тавастгустъ есть главное средоточіе дорогъ четвероугольника; сверхъ того пунктъ сей имѣетъ сообщенія и со всѣми средоточіями треугольника, а именно: чрезъ *Лаппо* съ *Ни-Карлеби*, чрезъ *Линдулаксъ* съ *Гамле-Карлеби*, чрезъ *Койвисто* и *Куопіо* или чрезъ *Гейнолу*, *Сентъ-Михель* и *Куопіо* съ *Улеаборгомъ*. Послѣдній городъ есть, такъ сказать, застяжка всѣхъ дорогъ Финляндіи и единственное сообщеніе съ Швеціею въ лѣтнее время. Зима прибавляетъ еще два сообщенія: одно чрезъ Аландскіе острова, близь *Або*, другое чрезъ Кваркенской проливъ, близь *Вазы*.

Все пространство Финляндіи, такъ какъ и Восточный берегъ Ботническаго залива, не имѣютъ искуственныхъ укрѣпленій. Но Сѣверный берегъ Финляндскаго залива защи-

щаемъ *Свеаборгомъ*, крѣпостію перваго класса, коей портъ можетъ помѣстить до 60-ти линѣйныхъ кораблей; крѣпостцею *Свартгольмомъ* и укрѣпленными мысами *Перкслаутомъ* и *Гангоутомъ*, прикрывающими пристани для гребныхъ флотилій.

Вся приморская часть края сего весьма отличается отъ внутренности онаго, относительно благосостоянія, опрятности, кротости нравовъ и даже просвѣщенія жителей. Можно сказать, что пока ѣдешь отъ *Аберфорса* до *Або* и отъ *Або* до *Улеаборга* — ѣдешь еще Европою: торговля, сближая людей, стираетъ съ нихъ кору природы и однообразитъ обычаи и общежитіе; но чѣмъ болѣе погружаешься въ глубину сей области, тѣмъ болѣе видишь, что нравы народа оттѣняясь мало по малу сливаются наконецъ съ суровою и мрачною его обителью.

Военная сила Финляндіи доходила до двѣнадцати тысячь войска, разбросаннаго по всей области. Сіи войска имѣли повелѣніе немедленно приливать къ опредѣленнымъ имъ пунктамъ, при первомъ извѣстіи о наступательномъ нашемъ движеніи. *Тавастгустъ* былъ назначенъ сборнымъ мѣстомъ тѣхъ, кои обитали въ Южной части четвероугольника; *Ваза* и оба *Карлеби* — находившихся въ Сѣверной части онаго и въ Южной части треугольника; *Куопіо* — живущихъ въ Саволакской провин-

ціи, а *Улеаборгъ*—сборнымъ мѣстомъ всѣхъ частей, собравшихся въ *Товастгустѣ*, въ *Куопіо* и въ обѣихъ *Карлебяхъ*.

Сверьхъ того наистрожайше повелѣно было Генералу Клингспору, назначенному главнокомадующимъ оныхъ войскъ, не принимать сраженія до собранія оныхъ въ *Улеабургѣ*.

Въ концѣ Генваря армія наша расположена была между *Фридрихсгамомъ* и *Нейшлотомъ*. Она состояла изъ трехъ девизій: 5-й, 17-й и 21-й.

Первою командовалъ Генералъ-Лейтенантъ (Николай) Тучковъ; второю: Генералъ-Лейтенантъ Князь (Алексѣй) Горчаковъ, послѣднею Князь Богратіонъ.

Къ онымъ дивизіямъ присоединены были три ескадрона лейбъ-казаковъ и полки: Финляндской драгунской, Гродненской гусарской и одинъ козачій (Лощилина).

Все ополченіе составляло 17,400 человѣкъ пѣхоты и 1500 кавалеріи, слѣдовательно почти 19 тысячь человѣкъ.

5-я Дивизія раздѣлена была на три отдѣленія: два, подъ личнымъ надзоромъ дивизіоннаго командира, находились въ окрестностяхъ *Нейшлота*; одно отдѣленіе, подъ командою Генералъ-Маіора *Булатова*, въ окрестностяхъ *Вильминштранда*.

21-я Дивизія раздѣлена была также на три отдѣленія: первое подъ командою Генералъ-Маіора Миллера; второе подъ командою Генералъ-Маіора Сазонова; третье подъ командою Генералъ-Маіора Шепелева.

Дивизія сія занимала окрестности *Давыдовской крѣпости.*

17-я Дивизія занимала *Фридрихсгамъ* и раздѣлена была на два отдѣленія и авангардъ: первое подъ командою Генералъ-Маіора (Павла) Тучкова, второе подъ командою Генералъ-Маіора (Николая) Бороздина, авангардъ подъ командою Графа Орлова-Денисова. Дивизіонный Командиръ и Главнокомандующій Генералъ отъ Инфантеріи Графъ Буксгевденъ находились при второмъ отдѣленіи.

Два эскадрона Гродненскихъ гусаръ присоединены были къ 5-й дивизіи; весь же полкъ кромѣ оныхъ находился при 21-й дивизіи.

Финляндской драгунской полкъ и три ескадрона лейбъ-козаковъ при второмъ отдѣленіи 17-й девизіи и при авангардѣ оной.

Донской полкъ раздѣленъ былъ по всѣмъ тремъ дивизіямъ.

Много было толковъ на счетъ времени, когда удобнѣе начинать дѣйствіе; нѣкоторые предлагали перейти границу немедленно, другіе совѣтовали отсрочить до весны.

Выгоды зимней компаніи состояли въ томъ, что Швеція не была еще въ готовности. Финскіе и Шведскіе полки, разсѣянные по всему пространству Финляндіи, не начинали еще собираться. Область сія лишена была тѣхъ естественныхъ преградъ, коими она, освобожденная отъ льдовъ и снѣговъ, изобилуетъ. Свеаборгская крѣпость не была ни совершенно вооружена для регулярной обороны, ни достаточно снабжена военными и съѣстными потребностями. Сверьхъ того расположенная на островахъ, она доступнѣе зимою, нежели по вскрытіи водъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ острововъ требовали еще окончательной достройки; да и тѣ, кои были достроены, имѣли предметомъ защиту гавани; слѣдовательно все вооруженіе оныхъ обращено было къ морю, а не къ твердой землѣ, откуда должны были придти наши войска. Не въ лучшемъ положеніи находились и прочія укрѣпленія Сѣвернаго берега Финляндскаго залива.

Безспорно, что отсрочка до весны способствовала намъ дождаться войскъ, слѣдующихъ изъ внутри Россіи и начать дѣйствіе съ большими силами; что весною движеніемъ на *Улеаборгъ* мы могли отрѣзать отъ Швеціи Финскія войска, лишенныя зимнихъ проходовъ чрезъ Кваркенъ и Аландъ. Но сравнились ли бы выгоды сіи съ выгодами зимней компаніи и не потеряли ли

бы онѣ значимости отъ неудобствъ съ ними сопряженныхъ и ихъ превышающихъ? Во первыхъ: видя армію нашу живущею нѣсколько мѣсяцовъ на границѣ Финляндіи, Шведское Правительство могло воспользоваться симъ временемъ, чтобы собрать Финскія войска, усилить ихъ своими и принять всѣ мѣры къ укрѣпленію важнѣйшихъ пунктовъ театра войны, какъ *Тавастгуста*, *Куопіо*, *Лаппо*, *Кайвисто* и *Улеаборга*.

Обладая *Свеаборгомъ* и всѣми укрѣпленными пристанями Сѣвернаго берега, Финляндскаго залива, тогда долженствующими уже быть въ готовности, ему подручно было предпринимать значительныя высадки и дѣйствія во флангъ и въ тылъ нашей арміи, въ случаѣ углубленія оной въ нѣдра Финляндіи. Наконецъ вскрытіе рѣкъ и озеръ вжимало войска наши въ дороги врѣзанныя, подобно жолобамъ въ непреходимую поверьхность и лишало и равнинъ и полей и прямыхъ сообщеній, словомъ того необходимаго простора для наступательной войны, который столь неудобенъ для предположеній и разсчетовъ войскамъ, оборонительно дѣйствующимъ.

Правительство весьма благоразумно предпочло зимнію кампанію весенней.

Въ слѣдствіе чего дивизіи Горчакова назначено были дѣйствовать на *Свеаборгъ*; дивизіи Багратіона на *Тавастгустъ*, дивизіи Тучкова чрезъ *Куопіо* на *Вазу*.

Сей планъ, гибельный во всякомъ другомъ случаѣ, не подвергалъ насъ ни малѣйшей опасности по причинѣ разсѣянія противныхъ войскъ на чрезмѣрномъ пространствѣ и по невозможности въ коей находились онѣ предпринять что либо совокупное и рѣшительное; онъ заключалъ въ себѣ нѣкоторую даже пользу: чрезъ появленіе наше вездѣ и повсюду, мы могли изумить жителей, показаться сильнѣе нежели были дѣйствительно; чрезъ то укротить готовность ихъ къ подъятію противъ насъ оружія. Ето было хорошо; но къ симъ политическимъ видамъ для чего было не присовокупить и военные?, Соображая отдаленность Тучкова отъ *Вазы* съ близкимъ разстояніемъ дивизіи Горчакова и Багратіона съ *Свеаборгомъ* и *Тавастгустомъ*, что мѣшало начать движеніе правымъ флангомъ уступами къ лѣвому, такъ чтобы 5-я дивизія была по крайней мѣрѣ на высотѣ *Койвиста* во время перехода за границу послѣднихъ двухъ дивизій? Безъ сей предупредительной мѣры предпріятіе Тучкова ни къ чему не служило, ибо выходъ непріятеля въ Щвецію чрезъ Кваркенъ и Улеаборгъ оставался свободнымъ; сдѣлали иначе:

Первое отдѣленіе перешло границу при *Страмфорсѣ* и вступило въ *Хордомъ*.

10-я Дивизія Багратіона перешла границу въ *Ротцалѣ* и заняла *Нюби* и *Елиму*. Генералъ Мухановъ, съ 1800 человѣкъ пѣхо-

ты и 20-ю орудіями, оставленъ былъ для блокады *Шварттольма.*

16 Дивизія Горчакова и главная квартира вступила въ *Борго;* Богратіонъ въ *Менцелу.* Въ сей только день Тучкова дивизія перешла границу, двумя отдѣленіями при *Паркумяки*, третьимъ при *Курпе.* Первыя въ тотъ же день заняли *Рондосальми* и *Сулкаву*, а послѣднее Кристинскую дорогу.

18-го, дивизія Горчакова и главная квартира заняли *Гельзингфорсъ.*

19-го, онѣ обратились къ *Товастгусту* для содѣйствія Богратіону, коему велѣно было остановиться въ *Менцелѣ* до прибытія Горчакова на одну съ нимъ высоту.

Довольно замѣчательно, что Генералъ Раевскій оставленъ былъ съ однимъ пѣхотнымъ полкомъ, въ открытомъ городѣ *Гельзингфорсѣ* для прикрытія тыла Горчакова дивизіи, отъ покушенія 6-ти тысячнаго гарнизона, первоклассной крѣпости, отстоящей отъ *Гельзингфорса* на пушечный выстрѣлъ. Преступное равнодушіе Коменданта къ пользѣ отечества спасло Раевскаго, Горчакова, а можетъ быть и успѣхи всей компаніи (*).

(*) Почтенный Авторъ обѣщалъ намъ доставить продолженіе сей статьи — для одной изъ слѣдующихъ частей Мнемозины. *Изд.*

III.

ДАВИДЪ.

Не славенъ въ братіяхъ измлада,
Юнѣйшій у отца я былъ,
Пастухъ родительскаго стада;
И се! внезапно Богу силъ
Органъ мои создали руки,
Псалтырь устроили персты.
О! кто до горней высоты
Ко Господу воскрилитъ звуки!
Услышалъ Самъ Господь Творецъ!
Шлетъ Ангела: и свѣтлозрачный
Съ высотъ летитъ на долы злачны;
Взялъ отъ родительскихъ овецъ;
Елеемъ благости небесной
Меня помазалъ. — Чтожь сіи
Велики братіи мои?
Кичливы крѣпостью тѣлесной!
Но въ нихъ Духъ Божій, Бога силъ,
Господень Духъ не препочилъ!

Иноплеменнику не съ ними,
Далече страхъ я отженя,
Во срѣтенье изшелъ: меня
Онъ проклялъ идолми своими;
Но я мечемъ надъ нимъ взыгралъ,
Сразилъ его и обезглавилъ
И стыдъ отечества отъялъ,
Сыновъ Израеля прославилъ!

А. Г.

IV.

ОТРЫВКИ ИЗЪ КОМЕДІИ: АРИСТОФАНЪ.

ПРОЛОГЪ.

При поднятіи занавѣса происходитъ обрядъ освященія чашъ предъ Вакховымъ храмомъ: во время сей церемоніи слышенъ

Хоръ народа:

Да Скиѳовъ родъ безчеловѣчный
Людскою кровію блажитъ своихъ боговъ!
Нашъ Вакхъ, въ щедротахъ безконечный,
Не требуетъ отъ насъ ужасныхъ сихъ даровъ.

* * *

Скройтесь воины злонравны!
Кровью вы обагрены:
А Сатиры, Вакхъ и Фавны
Чужды крови и войны.

* * *

Громъ на смертныхъ кровожадныхъ,
Чьи уста, рука и мечь
Вакха дней святообрядныхъ
Таинства дерзнутъ пресѣчь!

Три дѣвы, *во время очищенія чашъ.*

О Вакхъ! внемли моленья наши
Во изволеніи благомъ,
И обнови златыя чаши
На утро радостнымъ виномъ!

Верховный жрецъ, *по совершеніи обряда.*

Отъ устъ нелжевѣтныхъ, отъ чистаго сердца,
въ чертогъ наднебесный
Къ Семелѣ и Вакху и къ вѣчнымъ богамъ
Моленья восходятъ, какъ жертвъ ѳиміамъ;
И чашъ къ обновленью даръ Вакха чудесный
До свѣтлаго утра наполнитъ ихъ самъ.

Хоръ.

Внемлетъ Вакхъ моленья наши
Въ изволеніи благомъ,
Обновитъ златыя чаши
Къ утру радостнымъ виномъ!

(Верховный жрецъ, во время сего хора уноситъ чаши; прочіе жрецы и юноши въ большомъ порядкѣ вносятъ въ храмъ дары и утвари).

Стротоклъ и Архонтъ, *войдя на помостъ.*

Ленейскій первый день сверша вечерней жертвой,
Аѳиняне, въ дома идите на покой,

И помните, что Вакхъ обязанностью первой
Поставилъ, не смущать празднествъ его враждой;
Что въ честь ему, Аѳинамъ нашимъ къ славѣ,
Мы цѣлой Греціи даемъ трехдневный пиръ!
Имъ каждый пользоваться въ правѣ,
И даже въ дни войны найти въ Аѳинахъ миръ.
Чтобъ къ часу первому священной ночи
Вакханокъ не смыкались очи,
И, радостью прогнавши сонъ,
Блистали, какъ блеститъ предъ утромъ Оріонъ;
Чтобъ крикомъ, пѣснями и свѣточей огнями
Ночь Вакхова преобратилась въ день!
Когда же солнца свѣтъ прогонитъ мрака тѣнь,
Въ театръ сберитесь за стѣнами,
И тамъ, къ стяжанію Ленейскаго вѣнца,
Пресвѣтлымъ вдохновенный Фивомъ,
Аристофанъ, въ твореніи шутливомъ
Веселой мудростью обрадуетъ сердца.

(Идетъ; за нимъ и народъ отходя, повторяетъ:)

Хоръ.

Внемлетъ Вакхъ моленья наши
Въ изволеніи благомъ,
Обновитъ златыя чаши
Къ утру радостнымъ виномъ!

ПРАЗДНИКЪ СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Междудѣйствіе оканчивающее дѣйствіе первое.

Вакханки, *вбѣгаютъ съ факелами, повторяя:* Еввое, Еввое!

Хоръ.

Гдѣ скрылся Вромій? Еввій гдѣ?
Въ лѣсахъ и долинахъ
И горъ на вершинахъ
Мы ищемъ Еввія вездѣ.
Еввое! Еввое!

* * *

Се Вромія священный храмъ!
Стукъ тирсовъ и бубны,
Веселія шумны
Услыши Вакхъ! явися намъ!
Еввое! Еввое!

* * *

Явися Еввій! за тобой
Увѣнчаны плющемъ
Въ весельи цвѣтущемъ
На горы полетимъ стрѣлой:
Еввое! Еввое!

Верховный жрецъ, *отворяя двери храма.*

Кто смѣетъ среди ночи священной
Рукой дерзновенной
Пресвѣтлаго храма въ помостъ ударять?

Корифея.

Мы Еввія ищемъ!
Ты насъ не отгонишь безъ Еввія прочь!

Жрецъ.

Нѣтъ Еввія съ нами! въ священную ночь
Онъ выбралъ жилищемъ

Колѣна и перси младыхъ Аонидъ!
Но кѣмъ воспаленный,
И ужасъ священный,
И огнь Эвменидъ
Мнѣ грудь наполняетъ?
Чей гнѣвъ обладаетъ
Душею моей?

(Извлекая ножъ и сходя съ ступеней).

Не вижу ль я съ вами
Минія дѣтей?

Хоръ.

Клянемся, нѣтъ съ нами
Минія дѣтей!

Кориѳея.

Смягчи твой гнѣвъ! внемли моленью!
Межь насъ дѣтей Минія нѣтъ;
Мы всѣ причастны очищенью,
Всѣ Еввію даемъ обѣтъ!

Хоръ.

„Нашу дѣвственную младость
„Играмъ Вакха посвятить,
„И Ленейскихъ таинствъ святость
„Въ чистомъ сердцѣ сохранить!"

Вакханки.

Еввое! Еввое!

Жрецъ.

Еввое громче повторяйте!
Звучнѣй въ тимпаны ударяйте,

Фригійской пѣсни пойте хоръ:
Васъ слышитъ Вакхъ съ Аркадскихъ горъ.

Хоръ, *во время танцевъ.*

Еввое! Еввое!
Огнемъ восторга сердце пышетъ,
Играетъ радостію взоръ,
Трепещетъ грудь, весельемъ дышетъ:
Насъ слышитъ Вакхъ съ Аркадскихъ горъ!
(Продолжается Дивертисманъ съ факелами).

ПРАЗДНИКЪ ЧАШЪ.

Междудѣйствіе.

Въ концѣ втораго дѣйствія, когда Алкиноя зазвавши къ себѣ Клеона, чтобъ встрѣтить Вакховъ день, угощаетъ его, дабы тѣмъ задержавъ его, разрушить заговоръ его противъ всадниковъ.

Алкиноя.

Подруги милыя! пусть грозды и цвѣты
Замѣнятъ, и вѣнецъ добытый кровью,
И мантіи багровый цвѣтъ.
(Клеону).
Гдѣ дышетъ все весельемъ и любовью,
Тамъ почестей отличья нѣтъ!
Не правда ль!

Клеонъ.

Что за взглядъ!... Я повинуюсь волѣ
Богини Кипра и твоей.

Созія.

Рядите шута поскорѣй!

Хоръ Вакханокъ.

Виссонъ твой багровый,
Вѣнецъ твой лавровый,
Омытый въ крови,
Здѣсь вовсе напрасенъ!
Въ нихъ взоръ твой ужасенъ
Веселой любви!

* * *

Увѣнчанный плющемъ,
Въ Клеонѣ могущемъ
Намъ Вакха яви;
Подъ связью цвѣтистой
Ты радостью чистой
Нашъ пиръ оживи!

(Снимаютъ съ него мантію и кладутъ на пьедесталъ подлѣ Созіи, который въ продолженіи времени ее уноситъ, чтобъ доставить Аристофану для представленія въ ней въ театрѣ Клеонова лица. Алкиноя подаетъ руку Клеону и ведетъ его на Естраду).

Алкиноя.

Пусть въ чашахъ золотыхъ, блистая свѣтлой пѣной
Играетъ Вакховъ даръ;
И пусть плѣняется Сиреной,
Какъ мудрый Одиссей, Аѳинскій Казнодаръ!

Наксія, *поетъ.*

Блаженъ, кто тайны божества
Умѣлъ постичь душею чистой,
Кто видѣлъ въ играхъ празднества
Вакханокъ при лунѣ сребристой!
Блаженъ, кто въ отдыхъ отъ труда
Съ друзьями, въ радости взаимной,
Изъ чаши пьетъ гостепріимной
Сокъ свѣтлый лознаго плода!

Хоръ.

Сюда Вакханки молодыя!
Оставьте горъ верхи крутые!
Сюда, сюда! здѣсь Еввій вашъ
Веселье пьетъ изъ полныхъ чашъ!

Наксія.

Какъ радостно летитъ мой взоръ
Во слѣдъ Вакханкамъ быстроногимъ,
Въ горахъ мелькаютъ, мчатся съ горъ
На смерть еленямъ лѣпорогимъ.
Веселой пляской топчутъ долъ,
Тимпановъ звукъ, свирѣли внемлю.
Въ честь Вакху напаяютъ землю
Вино, млеко и нектаръ пчелъ.

Хоръ.

Сюда Вакханки молодыя!
Оставьте горъ верхи крутые!
Сюда, сюда! здѣсь Еввій вашъ
Веселье пьетъ изъ полныхъ чашъ!

Хоръ, *во время танцевъ.*

Игры и пѣсни, и пляски и радость,
Вакху, Семеллѣ и добрымъ богамъ
Лучше, чѣмъ страхомъ воздвигнутый храмъ.

* * *

Вромія въ славу, безпечная младость,
Съ чашей златою, какъ серна скачи!
Вихремъ взвивайся! въ шимпаны звучи!

* * *

Вакхова дара чудесная сладость,
Токомъ безпечнымъ забвенья рѣки,
Въ сердце вливайся! по жиламъ теки!

ДѢИСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Клеонъ запертъ въ домѣ Алкиноя, Она на площади передъ домомъ своимъ ожидаетъ чѣмъ кончится представленіе Всадниковъ. Прислужники Клеоновы: Ѳеогней, Евгалій, Ипперболъ и Хавесъ, ни видя Клеона въ театрѣ, одинъ за другимъ уходятъ изъ театра, чтобы его отыскивать по всѣмъ Аѳинамъ, приходятъ всѣ одинъ послѣ другаго на площадь, гдѣ, Алкиноя ихъ останавливая, спрашиваетъ, что произходитъ въ театрѣ. Между сими разговорами она склоняетъ ихъ къ мысли, что Клеонъ пропалъ, и утверди ихъ въ ней, предлагаетъ имъ:

Алкиноя.

Когда жъ Клеона нѣтъ,
То смѣю я подать вамъ дружескій совѣтъ.

Ѳеогней.

Какой?

Алкиноя.

Чтобъ времени не тратили напрасно.

Окогней.

Идемъ....

Алкиноя.

Куда?

Окогней.

Въ театръ.

Аклиноя.

Чтобы, явясь вдругъ,
Испортить все, не сдѣлавъ прежде плана?
Ахъ! для боговъ прошу забыть Аристофана,
И до него ли вамъ? Но я скажу, какъ другъ
Честныхъ людей, что вы, опасность всю измѣря,
Премудро все должны сообразить,
Чтобъ тотчасъ замыслы Никійцевъ отразить.

Хавесъ.

Сирѣчь, покуда Клеона потеря
Волнуетъ Аѳины, на Никія прямо въ доносъ;
Явки же, справки, улика, и судъ и допросъ
Мигомъ спроворить наше ужъ дѣло.

Алкиноя.

Къ несчастью, доносить могли тогда вы смѣло,
Когда Клеонъ все дѣлалъ изъ Аѳинъ;
Но если нѣтъ его....

Евгалій

Ахъ! нѣтъ.

Ѳеогней.

На что рѣшиться?

Алкиноя.

Волненьемъ пользуясь, въ минуту согласиться,
Чтобъ, Никію на зло, сей часъ изъ васъ одинъ
Былъ выбранъ замѣнить Клеона.

(Взглянувъ на Хавеса).

Въ законодательствѣ, все знаніе Солона.

(На Ѳеогнея).

Витійства, жаръ Эдипова творца.

(На Евгалія).

Перикловъ умъ и вкрадчивость въ сердца.

(На Иппербола).

И Ѳемистоклово терпѣнье
Вамъ порознь щедрою природою дано;
Такъ вмѣстѣ слейте все, владѣя за одно,
И выборъ вашъ рѣшитъ Республики спасенье.
Чѣмъ, на примѣръ, Хавесъ не Казнодаръ,
Не правда ль?

Евгалій.

Старъ.

Алкиноя.

Такъ опытенъ. А ты, Евгалій?

Хавесъ.

Молодъ.

Алкиноя.

И милъ. А Ѳеогней?...

Ипперболъ.

Горячь.

Алкиноя.

Но холодъ
Воинскій жаръ тушитъ.
И даже Ипперболъ....

Ѳеогней.

Смѣшитъ.

Алкиноя.

Аѳины любятъ смѣхъ.

Ипперболъ.

Гдѣ намъ!

Алкиноя.

А почему же?
Чѣмъ Левзиклея вы, или Эвкрата хуже?
Одинъ ходилъ на торгъ подъ вьюкомъ полотна,
Другой прославился продажею руна,
Хотя не золотаго;
Но докричались же, на площадяхъ крича,
Что прежде одного, а послѣ и другаго
Народъ ихъ посажалъ Никійцамъ на плеча,
И даже самъ Клеонъ, погибшій Казнодаромъ,
Безъ вашей помощи сгибался бъ подъ товаромъ.
Такъ почему же вамъ не замѣнить его?
Смѣлѣй: кто ныньче ничего,
Тотъ завтра будетъ все въ пресчастливыхъ Аѳинахъ.
Сквозь тучь летитъ орелъ,

А муха вязнетъ въ паутинахъ.
Скажите жъ, гдѣ Клеонъ орлиный взглядъ обрѣлъ?
Гдѣ крылья взялъ? Какъ смѣлъ летать за облаками?
И низвергать Зевесовъ громъ?
Вы сдѣлали его орломъ,
Такъ мухами не будьте сами.

Ѳеогней.

Такъ, признаюсь, безъ насъ...

Алкиноя.

Онъ былъ ни чѣмъ.

Евгалій.

Чрезъ насъ...

Алкиноя.

Сталъ всѣмъ.

Хавесъ.

И нами...

Алкиноя.

Держался: такъ, онъ вашимъ жилъ умомъ.
Евгалій, ты молчишь; но согласися въ томъ,
Что часто замѣнялъ языкъ его и ухо.

Евгалій.

Кто? я?

Иппербол ъ.

Ну жь, признавайся, ты видишь, не стало его.

Евгалій.

Признаюсь, не безъ того:
Говорилъ Клеонъ пресухо,

Кой чего не понималъ,
Такъ языкъ его и ухо
Я смягчалъ
И извѣщалъ.

Ѳеогней.

Онъ самъ признавался за Вакховой чашей,
Что не разъ бы навѣрно пропалъ безъ меня.

Алкиноя.

И всѣ увѣрены, что онъ безъ дружбы вашей
Не уцѣлѣлъ бы дня.
Я шлюсь на самаго Хавеса,
Что онъ ему помогъ
Не даромъ обвинить богатаго Лахеза.

Хавесъ.

Драхмыбъ одной безъ меня съ богача улучить
онъ не могъ.

Алкиноя.

А родственникъ его, и кажется недальный,
Ты, Ипперболъ многострадальный,
Что брани за него и отъ него сносилъ
За то, что такъ его любилъ?

Ипперболъ.

По прабабкѣ дѣда ему причитаяся въ дяди,
Не презло лже-пріятно-потворно-навѣтной подло-
сти ради
Я терпѣлъ за Клеона всю адскую злобу пресущихъ
обидъ,
Каковымъ отъ Царя Одиссея едва ли терпѣлъ и
Ѳерсидъ.

Алкиноя.

(Въ сторону). *(Илъ).*
Теперь останутся. — И что же за терпѣнье?

Ипперболъ.

Ахъ! за чуждую брань онъ не родственно бранью
своей награждалъ.

Алкиноя.

Такъ онъ же долженъ былъ терпѣть и награжденье.
Но Ѳеогней, тебѣ....

Ѳеогней.

Премного сулилъ, и премало давалъ.

Хавесъ.

Платы мы мало видали; но слышали множество
лести.

Евгаій.

Казнодару же дружилъ
Я почти изъ чести.

Алкиноя.

(Наксіи).
А! вотъ и жалобы: ибра. — *(Наксія уходитъ).*
Такъ ето честь
Посулы, брань и лесть
Клеона возвышать давали вамъ охоту?
Вотъ безкорыстные друзья!
А думала и я,
Что вы ему дружили по расчету;
Но извинительна вина моя:

Ахъ! ктобъ воображалъ въ Клеонѣ ету скупость!
Такъ вы, несчастные, страдали за него
Почти изъ ничего!
Бывало сдѣлаютъ неправду, или глупость,
Всѣ тотчасъ обвиняютъ васъ:
И вотъ въ Республикѣ у насъ
Какъ правые въ винѣ и въ правыхъ виноватой.

Ѳеогней.

Совѣту благому не внемлетъ гордецъ!

Хавесъ.

Дѣло представишъ — онъ чашу осушитъ, и дѣлу
конецъ.

Иппербол.

И вымолвить больно, что за правду бывало мнѣ
платой.

Евгалій.

Онъ воинскую казну
Тратилъ на своихъ красавицъ;
Съ намижъ брань дѣлилъ одну.

Хавесъ.

Кровью Аѳинской тучнилъ злыхъ піявицъ,
Мыжъ получили всемірной укоръ.

Ѳеогней.

Не мыль помогали въ Лезбосскомъ безбожнѣй-
шемъ дѣлѣ?
Пришло до раздѣла: ему все богатство, а намъ
весь позоръ!

Алкиноя.

Да онъ безжалостно ограбилъ васъ въ раздѣлѣ.

Хавесъ.

Наше не будетъ грабителю въ прокъ:
Алчный погибъ, и обола не снесъ онъ съ собою
Харону.

Ѳеогней.

Грабитель!

Ипперболъ.

Безстыдный!

Евгалій.

Бездушный!....

Алкиноя.

Вотъ урокъ
Не одному Клеону.

Послѣ сего приходитъ еще Антимахъ изъ театра и разсказываетъ объ ономъ; потомъ прибѣгаетъ Созія.

Созія.

Побѣда! побѣда!

Аристофанъ, *увидя прочихъ.*

Ай, ай!
Какая здѣсь бесѣда.

Алкиноя.

Ахъ! продолжай:

Аристофанъ....

Созія, *тихо.*

Да это предурные люди.

Алкиноя.

Гдѣ жъ онъ?

Созія.

Придетъ сюда въ вѣнцѣ и скоро.

Алкиноя.

Не шепчи,
И не щадя усердной груди,
И злымъ и добрымъ вслухъ кричи:
Аристофанъ, Аѳинамъ къ чести,
Ленейскій заслужилъ вѣнецъ;
Порочныхъ не страшася мести,
Пороки въ глубинѣ сердецъ
Аристофанъ казнилъ позоромъ:
И не постыднымъ заговоромъ,
Не прихотью друзей;
Но дара силою одною
Онъ славится, и Алкиною
Безсмертитъ славою своей.

Хавесъ.

Какъ! ты?....

Алкиноя.

Такъ, я! скрывать не стану:
Клеона, васъ, себя и все, что въ мірѣ есть

Безсмертному Аристофану
Еще готова въ жертву несть.
Ахъ! спала съ сердца тягость,
Притворство не тѣснитъ мой духъ!
И вслухъ
За ихъ святую благость
Могу благодаритъ боговъ.

Хавесъ.

Дѣло и слово! открытъ пребезбожнѣйшій ковъ.

Ипперболъ.

Ты хотѣла, о злая Киркея!
Какъ спутниковъ бѣдныхъ Царя Одиссея,
Чародѣйною силой твоей
Такъ увидѣть и насъ превращенныхъ....

Созія.

Въ людей.

Антимахъ.

Да не могла.

Ѳеогней.

А можетъ и прелесть и младость
Душевныхъ порывовъ тайницею быть?

Алкиноя.

Ахъ! радость
Возможно ли скрыть?
Сердца коснется, и быстро по жиламъ
Прольется огнемъ,
Вспыхнетъ румянцемъ, проглянетъ лучемъ
И тайна открыта; нѣтъ смертнаго силамъ
Надъ радостью воли судьбой не дано!

Антимахъ.

И кормчій усмирить не можетъ въ морѣ волны,
Да въ пристань прячется, чтобъ не нырнуть на дно.

Алкиноя.

Пусть радостью моей Аѳины будутъ полны;
Пусть мчится вслухъ и другу и врагу,
Пусть встрѣчею летитъ къ Аристофану;
Таить ее не стану,
И не хочу, и не могу.
Пусть Греки, варвары, и все, что жизнью дышетъ,
Ея восторги слышитъ;
Хочу, чтобы она повсюду разлилась,
Вездѣ разпространилась,
Росою возпарилась,
И къ свѣтлому Олимпу вознеслась.
Тамъ вѣнцедатель Фивъ и боги любятъ насъ,
Ахъ! счастью моему вы будьте также рады,
Оставьте ссоры, брань
И личныя досады,
Веселіемъ платите дань
Щастливымъ вдохновеньемъ Фива;
За шутки отомщать не думайте бѣдой,
Не ослѣпляйтеся враждой,
Она всегда несправедлива;
Любите всѣ супруга моего,
Я имъ превыше мѣръ счастлива!
Ахъ! ненавидѣть онъ не можетъ ни кого:
И еслибъ знали вы, какъ онъ любить умѣетъ?

Ѳеогней.

Какъ женской душею Киприда владѣетъ!
Онавъ изступленьи, и слезы блистаюшъ въ глазахъ.

Алкиноя.

Изъ сердца ихъ брызжетъ небесная радость.
Такъ, Ѳеогней, въ моихъ слезахъ
Я нахожу такую сладость,
Какой и въ небесахъ
Безсмертные всечасно не вкушаютъ,
И жителямъ земли такъ рѣдко удѣляютъ.

Князь Шаховскій.

V.

КЪ ГРАФУ ЧЕРНЫШЕВУ ВЪ ДЕРЕВНЮ.

Въ твоихъ затѣйливыхъ стихахъ, —
Буфлера ученикъ счастливый,
Какъ онъ насмѣшникъ часто льстивый,
Какъ онъ вѣкъ съ Музою въ ладахъ! —
Есть истина. Но ложь украдкой
Съ улыбкой пагубной и сладкой,
Умѣла пріютиться въ нихъ.
Не спорю я, когда твой стихъ
Меня изобличаетъ въ лѣни;
Но какъ отъ правды онъ далекъ,
Когда мнѣ дѣлаешь ты пѣни
И ставишь лѣнь мою въ порокъ!
Опомнись, Графъ, иль надо мною
Ты насмѣхаться перестань —
За лѣнь я заслужилъ — не скрою —
Признательности общей данъ.
Сошлюсь на всѣхъ: весь свѣтъ свидѣтель,
Что твой безсовѣстенъ упрекъ,
И что въ нашъ дѣятельный вѣкъ
Лѣнь — не порокъ, но — добродѣтель.
Иль можетъ быть въ твоей глуши,
Гдѣ скрылся съ Музой ты и счастьемъ,
Знакомый съ тихимъ сладострастьемъ
Себѣ сказавшейся души

И богомъ вкуса охраненный,
Не знаешь ты, слѣпецъ блаженный,
Всѣхъ утомительныхъ проказъ
Неутомимыхъ нашихъ братій,
Не видишь, какъ отъ ихъ занятій
Сталъ плодороденъ нашъ Парнассъ
И какъ плоды его не зрѣлы.
Не для тебя здѣсь Комикъ смѣлый
Воюетъ подъ шумомъ свистка —
Съ благопристойностью и вкусомъ.
Другой отъ опытности трусомъ
Вредитъ тайкомъ изъ далека.
Не для тебя Журналы съ годомъ
Родятся и кончаютъ вѣкъ,
И Фирсъ клянется предъ народомъ,
Что онъ великій человѣкъ.
Не знаешь ты о нашихъ Одахъ,
О сихъ торжественныхъ грѣхахъ,
О нашихъ тучныхъ переводахъ,
И худощавыхъ образцахъ.
Твой взоръ не видитъ, слухъ не слышитъ,
Какъ притупившимся перомъ,
За четырехъ нашъ Бавій пишетъ,
А мыслитъ за себя съ трудомъ!
Какъ свѣжихъ слушателей ловлей
Клитъ промышляетъ каждый часъ,
И какъ бездушныхъ книгъ торговлей
Усердный Душинъ душитъ насъ.
Не знаешь ты подъ тихимъ кровомъ,
Куда укрылся отъ глупцовъ,
Какъ коренный наборщикъ словъ
Торжественно насъ давитъ словомъ;
Какъ знатныхъ рабъ, торгашъ похвалъ
Толкуетъ о народномъ благѣ; — —

Какъ въ тяжкомъ, не пробудномъ снѣ
Слѣпцы толкуютъ о картинѣ,
Прадоновъ шайка объ Расинѣ,
Невѣжды о Карамзинѣ!
Нѣтъ! опыта взгляни глазами
На хлопотливый нашъ народъ,
На разноцвѣтный етотъ сбродъ
Трудящійся за пустяками;
Ты посмотри, какъ всякій здѣсь
Безъ дѣла о досугѣ тужитъ;
И какъ Солоновъ нашихъ спѣсь
Ничтожности ихъ маской служитъ.
Броню терпѣнья ты надѣнь
И подъ дождемъ дурачествъ розныхъ
Осмѣлься въ укоризнахъ грозныхъ,
Мнѣ выговаривать за лѣнь.
Я жду тебя. Но мнѣ порукой
Дары къ тебѣ пристрастныхъ Музъ:
Твой тонкій умъ и здравый вкусъ,
Что скоро осажденный скукой! —
Ты съ сожалѣньемъ и стыдомъ,
Людскихъ проказъ усталый зритель,
Какъ любопытный посѣтитель,
Что, заглянувъ къ безумнымъ въ домъ
Смѣется по поламъ съ тоскою
И прочь отъ зрѣлища бѣжитъ —
Простишься съ вѣтренной толпою,
Которой вихрь всегда вертитъ,
Поспѣшно отворотишь взоры
Отъ нашихъ былей-небылицъ,
Кляня дѣйствительные вздоры
Несчастныхъ дѣйствующихъ лицъ.
Тогда раскаешься въ упрекѣ,
Прибѣгнешь къ праздности моей

И утвердишь меня въ порокѣ,
Который чудо нашихъ дней? (*)
Но лгать во мнѣ нѣтъ, Графъ, охоты,
Я оправдаться тороплюсь:
Когда лѣнивъ я для работы,
То наслаждаться не лѣнюсь.
Зима къ намъ съ снѣжныхъ горъ скатилась,
Въ вѣнцѣ блестящемъ воцарилась
На нашихъ древнихъ берегахъ,
Волшебный жезлъ въ ея рукахъ!
Она сзываетъ къ намъ веселья,
А съ ними и любимца ихъ.
Услышь мольбу друзей твоихъ!
Я вечеринки новоселья
Ужь жду, любезный Графъ, давно;
На ней прилѣжно до разсвѣта
Радъ слушать я стихи Поэта,
Радъ Оберъ-шенка пить вино.

Князь Вяземскій.

(*) Почтенный Авторъ позволитъ мнѣ замѣтить, что едва ли можно пожаловаться на излишнюю дѣятельность Писателей, нашихъ Современниковъ. *В. К.*

VI.

КЪ БОГУ.

Воздвигся на мою главу
Злодѣевъ сонмъ ожесточенный!
Ихъ жаднымъ воплемъ оглушенный
Къ Тебѣ, о Боже, воззову!
Во гласѣ чистыхъ пѣснопѣній
Прославивъ въ радостяхъ Тебя!
Тебя, прославлю средь гоненій!
Вручаю Господу себя!
Какой вліялся миръ чудесный
Въ мою волнуемую грудь!
Незапно свѣтлостью небесной
Одѣлся мой житейскій путь.
Возсталъ Господь! Богъ мещетъ громы
На нечестивыя толпы:
На вихряхъ яростныхъ несомый
Грозой подъялся Царь судьбы!
Летятъ предъ нимъ его рабы,
Летятъ облачены въ перуны,
Повиты пламенемъ и мглой:
Одни златыя движутъ струны;
Другіе мощною рукой
Изъ облакъ бурью окрыленныхъ

Погибель вержутъ на надмѣнныхъ.
Нѣтъ! не покинетъ Онъ меня!
Исчезнетъ скорбь; промчится горе;
Благой десницей осѣня,
Богъ зритъ меня въ кипящемъ морѣ!
Теките жъ гнѣвные валы,
Разите хляби отовсюду:
Вы встрѣтите отпоръ скалы!
Къ Нему взываю! твердъ пребуду!

В. Кюхельбекеръ.

1824.

VII.

СВЯТОПОЛКЪ ОКАЯННЫЙ (*).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Горитъ и блещетъ солнце въ полдень ясный,
Ликуетъ средь небесъ;
Но близокъ вечеръ: ликъ его прекрасный
Въ густыхъ парахъ исчезъ.

* * *

Былъ славенъ на Руси Владиміръ старый,
Счастливый Властелинъ;
Но Западъ дней его смущаютъ свары,
Мрачитъ мятежный сынъ!

* * *

Великій закатился средь печали:
Восплакалъ вѣрный полкъ;
Бояре, Кіевъ, Витязи взрыдали;
Восходитъ Святополкъ. —

* * *

Тиранъ восходитъ тусклою луною
Надъ Рускою страной;

(*) Сіе стихотвореніе было напечатано уже въ Полярной звѣздѣ на 1824 годъ, но здѣсь оно помѣщается съ большими перемѣнами и совсѣмъ въ другомъ видѣ. *Изд.*

На скорбный Сѣверъ полились рѣкою
Измѣна и разбой!

* *
*

Погибъ Борисъ; замученъ Глѣбъ смиренный;
Князь Святославъ убитъ;
На отчемъ столѣ, кровью обагренный
Губитель ихъ сидитъ.

* *
*

Онъ Ляхами родимый край терзаетъ;
Онъ смерть и слезы пьетъ:
Богъ за грѣхи злодѣя насылаетъ
Бичемъ на свой народъ!

* *
*

На изверга возсталъ вторично мститель
Могущій Ярославъ:
„Святый Борисъ, будь праведныхъ хранитель!
„Нашъ трудный подвигъ правъ!

* *
*

„Простри, о Боже, гнѣвную десницу,
„Какъ древле простиралъ!
„Ты ужасъ, стонъ, трясенье на убійцу,
„На Каина послалъ.

* *
*

„Се новый Каинъ, гнусный кровопійца!
„Здѣсь имъ зарѣзанъ братъ:
„Онъ здѣсь падетъ; такъ съ неба палъ Денница
„Въ кипящій, гладный адъ!“

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Три утра день тяжелой мглой объятый
Багровилъ небеса;
За мрачнымъ днемъ скрывала ночь трикраты
Холмы, поля, лѣса.

* *
*

Блеснетъ звѣзда — и воютъ трубы брани;
Закатится звѣзда —
Враги меча не выбросятъ изъ длани;
Не сбросятъ съ плечь щита!

* *
*

Отъ ногъ ихъ прахъ до дальнихъ тучь подъялся;
Стонъ воздухъ колебалъ;
Отъ труповъ Днѣпръ кипѣлъ и колыхался,
Чернѣлъ отъ крови валъ.

* *
*

Воздвиглись чада древняго Славена,
Возсталъ на брата братъ;
Сошлись — не скоро свьются ихъ знамена,
Ихъ голоденъ булатъ!

* *
*

Родимый брегъ утесистый и хладный
Оставя за собой,
Плыветъ Варягъ, богатства, чести жадный
Онъ хищникъ и герой!

* *
*

Для битвы днесь любовникъ смѣлой славы
Отъ кораблей притекъ,

И прискокалъ на пиръ Славянъ кровавый
Злодѣй ихъ, Печенѣгъ.

* *
*

За Дономъ кочевалъ въ лугахъ роскошныхъ
Свободный сынъ степей;
Но онъ забылъ неистовыхъ и мощныхъ,
Безчисленныхъ коней;

* *
*

Безъ пастыря въ равнинахъ необъятныхъ
Ихъ бродятъ табуны.
Неукротимый туломъ стрѣлъ булатныхъ
Гремитъ въ поляхъ войны.

* *
*

Ярится бой надъ грозною могилой:
Ужь бьются на тѣлахъ;
Но вдругъ рванулъ, погналъ чудесной силой,
Безстрашныхъ быстрый страхъ!

* *
*

Открылся среди облакъ сонмъ блестящій,
Крылатый, дивный полкъ;
Ихъ лица жгутъ; перунъ — ихъ мечъ горящій;
Содрогся Святополкъ.

* *
*

„Побѣгнемъ!“ возопилъ: „побѣгнемъ други!
„Такъ, полонъ мой сосудъ!
„Не зрите ли? — живаго Бога слуги
„Несутся, насъ жепутъ!“

* *
*

Тогда орелъ надъ Ярославомъ взвился;
Шатнулся Печенѣгъ;

Желѣзный Русъ (*) въ ряды его врубился
И обратилъ ихъ въ бѣгъ!

* *
*

Не вепрь, копьемъ на вылетъ пораженный,
Въ заглохшій кроясь боръ,
Грозитъ клыкомъ и мещетъ раскаленный
На стаю гончихъ взоръ:

* *
*

Подъ градомъ стрѣлъ въ уходъ отъ нихъ стремится
Ужасный Святополкъ!
Такъ въ воздухѣ зловѣщій вранъ кружится,
Въ пустынѣ рыщетъ волкъ.

* *
*

Бѣжитъ тиранъ; мужъ крови, рабъ боязни
Являетъ тылъ врагамъ:
Съ нимъ на конѣ несется Ангелъ казни;
Смерть мчится по пятамъ!

* *
*

Его душа добыча всѣхъ мученій;
Въ свирѣпомъ сердцѣ адъ;
Дрожитъ, какъ листъ; своей трепещетъ тѣни:
Не взглянетъ онъ назадъ!

* *
*

Летитъ — но ужь замолкнулъ гулъ сраженья:
Бѣгущихъ принялъ лѣсъ;
Уже злодѣй въ туманахъ отдаленья
Изъ глазъ моихъ исчезъ!

(*) Русъ вмѣсто Варягъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Но гдѣ, на комъ мнѣ кажетъ тускъ доспѣховъ
Вечернюю зарю?
Отчизна горъ, земля отважныхъ Чеховъ,
Я надъ тобой парю!

* *
*

Здѣсь между скалъ, среди дубравъ дремучихъ
Ждетъ путника разбой;
Здѣсь удальцевъ бездомныхъ и могучихъ
Витаетъ дерзкій рой.

* *
*

Глухая ночь во глубинѣ пещерной
Объемлетъ ихъ стада; (*)
Надъ тучами возносятъ сводъ безмѣрной
Огромныя врата. (**)

* *
*

Здѣсь двѣ горы: (***) ихъ темя оснѣжаетъ
Несмѣнная зима
И по себѣ имъ имя нарекаетъ;
Ихъ кроютъ хладъ и тьма.

* *
*

Средь зноя песъ, алчбою изнуренной
Вдругъ тихъ и скорбенъ сталъ;

(*) Огромная пещера коровье стойло: Kuhstall, въ Богеміи.

(**) Бребишскія ворота, сросшіяся надъ облаками два утеса, тамъ же.

(***) Большая и малая зимнія горы (die Winterberge).

»Сей черепъ вы примите духы ада!«
Святополкъ.— Ч. 3.

Вдругъ вспрянулъ—зѣвъ покрылся смрадной пѣной,
Затрясся, побѣжалъ.

* *
*

Такъ Святополкъ блуждаетъ сквозь туманы,
Дикъ, проклятъ и одинъ;
Его бичуетъ струпъ и гложутъ раны
И гонятъ межъ стремнинъ.

* *
*

На камень сѣлъ; но мутенъ взоръ безумный:
Онъ сорвалъ свой шеломъ;
Чугунъ стучитъ, рокочетъ отзывъ шумный,
Гулитъ въ долинахъ громъ.

*
* *

„Сей черепъ вы примите, духи ада;
„Услышьте, васъ зову!
„Мнѣ казнь огонь его нѣмаго взгляда:
„О! прочь сію главу!

* *
*

„Такъ это ты, Борисъ неумолимый,
„Ты мученикъ младой!
„Или ты всталъ изъ гроба невредимый
„И не зарѣзанъ мной?

* *
*

„Но тамъ — увы! въ парахъ сѣдаго неба
„Несется Святославъ;
„О горе мнѣ! Се мертвый образъ Глѣба,
„Съ чела до ногъ кровавъ!

*
* *

„Страдальцевъ сонмъ, мученій вѣчныхъ чада,
„Клевреты слышу васъ!

„Вы воете въ вратахъ отверзтыхъ ада:
„Зоветъ, зоветъ вашъ гласъ!“

* * *

Онъ всталъ; власы воздвиглися горою;
Онъ бѣлъ, какъ саванъ, былъ;
Вдругъ, обуянъ губительной мечтою,
Онъ въ бездну соскочилъ!

* * *

Въ ту бездну, всю окрестность оглашая,
Съ разската на разскатъ,
Гора пучинъ, огромная, сѣдая,
Валится водопадъ.

* * *

Извергнувъ трупъ волнами сокрушенный,
Онъ ощущаетъ гнѣвъ;
Заклокоталъ испуганъ, раздраженный
И утрояетъ ревъ.

В. Кюхельбекеръ.

VIII.

ПИСЬМО XIX.

ДРЕЗДЕНЪ

$\frac{14}{2}$ Ноября, 1820.

(Отрывокъ изъ Путешествія).

Какъ описать картину такъ ясно, что бы другой о ней получилъ точное, вѣрное понятіе? Какъ при томъ избѣжать скуку и единообразіе? — На словахъ какое нибудь главное отличіе одной картины отъ другой, не рѣдко кажется слабымъ оттѣнкомъ, чертою непримѣтною. — Глубокомысленный, пламенный юноша, съ которымъ не смѣю себя сравнивать, но на котораго бы желалъ быть похожимъ, — *Форстеръ* встрѣтилъ почти тѣжъ трудности, когда хотѣлъ дать своимъ друзьямъ понятіе о Дюссельдорфской и другихъ галлереяхъ, — славныхъ въ тогдашнее время. Онъ разрѣшаетъ задачу слѣдующимъ образомъ: „Совершеннымъ можетъ „назваться всякое описаніе, говоритъ онъ, „возбуждающее въ читателѣ тѣ же чув„ствія, которыя возбуждаетъ въ зрителѣ „самая картина.“ — Передо мною Рафаель,

Корреджіо, Тиціянъ, Корраччи, Гвидо, Рубенсъ, Ван-Дейкъ: могу ли думать, что мое воображеніе достигнетъ до ихъ творческой фантазіи, могу ли надѣяться, что слово сравнится съ ихъ волшебною кистію?

По крайней мѣрѣ разскажу вамъ, друзья, чувства, которыя вамъ передать не въ силахъ, тѣ чувства, которыя составляли мое наслажденіе и на время сближали меня съ геніями, Поетами живописи. — Я слишкомъ недѣлю, каждое утро былъ въ галлереѣ; смотрѣлъ, сравнивалъ, училъ наизусть картины; но приступая къ ихъ описанію, долженъ просить васъ быть снисходительными.

Не входя въ святилище внутренней, Италіанской галлереи, я два утра провелъ въ наружной Фламандской, что бы себя совершенно успокоить и нѣкоторымъ образомъ приготовить къ созерцанію таинствъ, къ созерцанію чудесъ небесной гесперіи. — Отличительная черта Фламандской школы, вообще прилѣжаніе и вѣрность; высшей поезіи вы напрасно будете искать въ ея произведеніяхъ: высшею же поезіею, идеаломъ называю соединеніе *вдохновенія* и *прелести* (*). — Рубенсъ силенъ, не льзя не

(*) Я бы желалъ здѣсь спросить Автора: на какихъ началахъ основалъ онъ сіе умствованіе, которое въ послѣдствіи такъ смѣло примѣ-

признать въ его произведеніяхъ вдохновенія; но не имѣетъ никакой прелести. — Пламенное, мрачное воображеніе Ренбранта также знакомо съ полетомъ поезіи, но въ немъ восторгъ мутенъ, какъ мутны краски его; душа его не устоялась; въ ней отражается идеалъ, но въ искаженномъ видѣ,

---

няетъ къ художественнымъ произведеніямъ? — Позволимъ себѣ здѣсь сдѣлать довольно пространное замѣчаніе: сіе умствованіе, можетъ быть, и справедливо, — но не полно; я не вижу въ немъ обьема идеи искуства, но представленіе — одного частнаго проявленія оной.— Французы и ихъ послѣдователи научили насъ строить цѣлыя системы на началахъ, взятыхъ отъ частнаго; таковыя начала на первый разъ кажутся справедливыми (справедливыми потому, что составляютъ часть цѣлаго—идеи), но въ послѣдствіи, по причинѣ своей неполноты — необходимо влекутъ за собою противорѣчіе, неясность, сбивчивость.—И вотъ причина по чему часто остроумный, но почти всегда неосновательный Аруетъ, сравнивалъ системы съ мышью, которая свободно пройдя сквозь двадцать отверстій, встрѣчаетъ еще двадцать такихъ, которыя ее пропустить никакъ не могутъ. — Подлинно подобныя, ни на чемъ неоснованныя системы достойны такого сравненія: онѣ въ Царствѣ Наукъ производятъ расколы, влекутъ за собою безполезные споры, которые могутъ разрѣшиться тогда только, когда всѣ увѣрятся, что для

какъ будто бы въ возмущенномъ, волнующемся потокѣ. — Ван-дер-Верфъ прилѣженъ, тщателенъ, его изображенія миловидны; — но онъ не возвышается до красотъ высшаго рода, т. е. до соединенія прелести и вдохновенія. — Въ *поезіи слова* есть родъ приближающійся къ земной, обыкновенной

Наукъ и Искусствъ существуетъ точно такое же, единое общее мѣрило, — каковъ нуль для Математики, что міръ Изящный — созданіе человѣка, основанъ на тѣхъ же единыхъ, непремѣнныхъ законахъ, по которымъ движется и міръ Вещественный — созданіе Всемогущаго; и что наконецъ точно также, какъ въ Физикѣ опытъ, неосвѣщенный умозрѣніемъ, можетъ вести къ однимъ заблужденіямъ, такъ точно и въ Словесности система, взятая отъ мысли условной — ведетъ къ сбивчивостямъ. — Много еще есть людей, которые сомнѣваются въ сихъ истинахъ; такъ на примѣръ: въ Краткомъ Начертаніи Теоріи Словесности Пр. Мерзлякова — мы читаемъ въ § я: „Произведенія Изящныхъ Искусствъ, какъ предметъ чувствованія и вкуса, не подвержены строгимъ правиламъ и не могутъ, кажется, имѣть постоянной системы, или Науки Изящнаго. Самое понятіе о прекрасномъ — чуждо всякихъ законовъ.“ — Любопытно, что послѣ сего тотчасъ слѣдуетъ: „только Критика вкуса имѣетъ здѣсь свой голосъ, болѣе, или менѣе опредѣленный.“ — Теперь спрашивается: на чемъ же должна

жизни, къ прозѣ изображеній и чувствъ; — писатели, посвятившіе себя етому роду, бываютъ стихотворцами, но не Поетами; между ними есть таланты, но нѣтъ геніевъ. — Они обыкновенно слишкомъ славны между современниками, но умираютъ въ теченіи вѣковъ; таковы были Боало, Попъ

основываться ета Критика вкуса, если изящное не можетъ имѣть постоянныхъ, строгихъ законовъ? — Не пора ли уже намъ отвыкнуть отъ подобныхъ умствованій, ни къ чему не ведущихъ! — Въ Путешествіи еще можетъ быть позволена мысль поверхностная, сказанная мимоходомъ, — но что сказать объ учебныхъ книгахъ, сплоченныхъ изъ таковыхъ мыслей? — Такъ напримѣръ, въ одной изъ новѣйшихъ же Риторикъ, попавшейся мнѣ въ руки, меня поразило начало, изъ котораго выводятся всѣ прочія правила; вотъ оно: „Подъ словомъ рѣчи вообще разумѣется всякое словесное выраженіе нашихъ мыслей и чувствованій, расположенное въ нѣкоторомъ опредѣленномъ порядкѣ и связи. Порядокъ и связь отличаютъ искусственную рѣчь отъ языка. Подъ словомъ языка въ пространномъ смыслѣ понимать надобно всѣ правила рѣчи, составляющія теперь (?) три особенныя науки: Логику, или Діалектику, которая учитъ думать, разсуждать (какъ будто можно разсуждать, не думая и на оборотъ!!) и выводить заключеніе правильно, связно и основательно; Грамматику — — — и Рито-

Фонтенель, Виландъ и почти всѣ предшествовавшіе сему послѣднему и жившіе въ его молодости Нѣмецкіе стихотворцы. — Есть другой разрядъ писателей, — одаренный пылкостію и дерзостію воображенія, но лишенный той чистоты и нѣжности, того чувства, которыя необходимы, что-

---

рику, которая подаетъ правила къ послѣдовательному и точному изложенію мыслей и проч." — Прежде всего я бы спросилъ Г-на Сочинителя: откуда явилася его мысль о порядкѣ? — Изъ чего она выведена? „Wie und warum?" какъ говорятъ Нѣмцы. Въ цѣломъ сочиненіи о томъ ни слова. Потомъ оставя етотъ неопредѣленный нѣкоторый опредѣленный порядокъ, я бы еще спросилъ Г-на Сочинителя: 1) Можетъ ли существовать порядокъ безъ связи? — Если нѣтъ, то для чего же сіи слова: порядокъ и связь такъ часто употреблены въ книгѣ? слова лишнія ни гдѣ не простительны, а особливо въ Учебникѣ. 2) Если порядокъ и связь отличаютъ исскуственную рѣчь отъ языка, то изъ сего неминуемо должно заключить, что порядка и связи нѣтъ въ языкѣ. Но языкъ есть мысль, переходящая въ явленіе; что же значитъ мысль, не имѣющая ни порядка, ни связи? Мысль безъ мысли! — Gallimathias! — 3) Далѣе: отличена ли ясно Логика отъ Риторики? — Поставьте въ вышеприведенной фразѣ вмѣсто: Логики — Риторику и на оборотъ — и смыслъ отъ того

бы украсить созданіе творческаго генія прелестью, однимъ изъ главныхъ условій безсмертія. — Если въ стихотворцахъ, прозаикахъ слишкомъ много словъ, воды и старанія, въ твореніяхъ Поетовъ безъ вкуса истинный огонь почти гаснетъ въ дыму; ихъ пламя трещитъ, а не грѣетъ; сверкаетъ, а не свѣтитъ и нерѣдко вдругъ потухаетъ, потому что они не считаютъ нужнымъ питать его прилѣжаніемъ, образцами, критикою. — Въ ихъ произведеніяхъ

не перемѣнится, ибо, что есть точное изложеніе мыслей, если не рядъ правильныхъ умозаключеній, подчиненныхъ одному высшему. Такъ зыблется основаніе — каково же должно быть цѣлое зданіе? — Здѣсь не пристрастіе, ниже какія-либо другія причины водили перомъ моимъ, — но единственно польза наукъ; потому я смѣло подписываю свое имя, подвергая себя, можетъ быть, жестокому, неумолимому Журнальному мщенію; но мое намѣреніе чисто — и я благодаренъ буду, если кто покажетъ мнѣ, что я заблуждаюсь. Счастливымъ себя почту, когда мое замѣчаніе заставитъ кого нибудь подумать, что могутъ существовать и другія основанія для Теоріи Изящнаго, кромѣ тѣхъ, о которыхъ до нынѣ толкуется въ нашихъ краткихъ и пространныхъ Риторикахъ и Піитикахъ, коихъ сочинители какъ будто спали сномъ Епименида и проснувшись начали снова толковать о томъ, что говорилъ учитель ихъ учителя. *Одесс.*

есть черты разительныя; но почти никогда нѣтъ прекраснаго цѣлаго: самое безсмертіе отличнѣйшихъ между ними похоже на безсмертіе славнаго Гераклова туловища. Природа въ своихъ разнообразныхъ явленіяхъ вездѣ одинакова; и между живописцами существуютъ художники етихъ двухъ родовъ; они составляютъ такъ называемую Нидерландскую школу, которая имѣетъ большія достоинства, но какъ мы видѣли почти никогда не возвышается до того идеала, о коемъ упоминали выше.

Первое мѣсто по общему мнѣнію и по самой строгой справедливости занимаетъ между Нидерландскими живописцами славный Рубенсъ. — Смѣлость, сила, роскошь воображенія, разительное сходство и вѣрность въ портретахъ, необыкновенная живость красокъ — вотъ его главныя достоинства; но Граціи не посѣщали Рубенса: его женщины тучны и отвратительны; его Венеры — голыя, Голландскія мѣщанки; его боги — переодѣтые купцы, матрозы и школьники. — Ни слова здѣсь о нѣкоторыхъ превосходныхъ лиценачертаніяхъ работы Рубенса; ихъ должно видѣть и восхищаться ими; описать ихъ можетъ только Ла-Брюеръ или Лафатеръ: приступимъ къ его вымысламъ. — Особенно поразили меня слѣдующіе: Геркулесъ въ сообществѣ Вакханта и Фавна; пьяный онъ лишился своей силы, онъ идетъ, опираясь на нихъ, онъ

шается. — Задача трудная! Какъ представить полубога въ униженіи, но необходимо съ печатію, съ остатками прежняго величія? — Рубенсъ не затруднился ея разрѣшеніемъ: онъ, кажется, имѣлъ въ виду въ своей картинѣ Фарнезскаго или покоющагося Геркулеса. — Но гдѣ же спокойствіе, гдѣ же тишина, истинный признакъ силы,— характеръ сего превосходнаго творенія древности? Скажутъ: „ета тишина должна была исчезнуть въ пьяномъ Геркулесѣ;"—и не вижу необходимости! Представь его лице веселымъ, яснымъ, смѣющимся; но къ чему разрушить гармонію его огромныхъ размѣровъ? Исполинскіе его члены, кажется, готовы отдѣлиться отъ тѣла, туловище обременено мускулами, но лишено енергіи.— Однимъ словомъ: по моему мнѣнію Геркулеса можно было представить въ веселомъ забвеніи отъ даровъ Вакховыхъ, но не въ скотскомъ униженіи. — Рубенсъ здѣсь изобразилъ не Геркулеса, а плотника, дикаря, или другаго мощнаго сына земли, обезсиленнаго грубымъ упоеніемъ.

Въ своей львиной охотѣ Рубенсъ рѣзкими, ужасными чертами представилъ борьбу человѣческой дерзости съ отчаяннымъ бѣшенствомъ царя звѣрей. — Напрасно спѣшите вы на помощь къ несчастному товарищу, храбрые витязи! Конь тотъ-часъ сброситъ его, а левъ сзади съ грознымъ напряженіемъ уже держитъ его въ своихъ убій-

ственныхъ объятіяхъ. — Вотъ смотрите: здѣсь другой уже сдѣлался жертвою другаго, гнѣвнаго льва, которому Негръ, его соотечественникъ, готовитъ вѣрную смерть; онъ скоро ляжетъ возлѣ сего убитаго тигра. — Вся картина исполнена силы, движенія, дерзости и сжимаетъ сердце судорожнымъ трепетомъ: она по мнѣ одна изъ лучшихъ Рубенсовой кисти; но можно ли назвать наслажденіемъ чувство, съ которымъ смотришъ на нее? (*)

Съ удовольствіемъ перехожу отъ сихъ ужасовъ къ картинѣ въ истинно древнемъ вкусѣ, которую можно бы назвать Идилліею, въ родѣ Идиллій Ѳеокритовыхъ. — Старый Сатиръ выжимаетъ виноградный сокъ въ чашу, которую держитъ другой маленькій; позади ихъ стоитъ еще третій молодой Сатиръ съ гроздіемъ въ рукѣ: лица ихъ чудесны, особенно послѣдняго, который—одушевленное лакомство; въ ногахъ у нихъ покоится тигрица съ своими маленькими. — Краски самыя живыя, смѣлость кисти совершенно достойна Рубенса:

(*) Въ одномъ изъ сочиненій въ слѣдующихъ частяхъ Мнемозины, позволимъ себѣ отвѣчать на сей любопытный, но еще не рѣшенный вопросъ. Замѣтимъ, что его разрѣшеніе можетъ быть выведено только изъ идеи безусловнаго.

Одеск.

онъ здѣсь превосходенъ, потому, что не имѣлъ нужды въ красивомъ идеалѣ.

Въ своей славной картинѣ, извѣстной подъ названіемъ: Quos ego, Рубенсъ доказалъ, что, если ему и навсегда осталось чуждымъ прелестное, онъ могъ постигнуть и создать нѣчто высокое. — Точно такимъ я воображалъ себѣ Нептуна, когда читалъ Виргилія, когда видѣлъ, какъ онъ однимъ словомъ успокоиваетъ море и укрощаетъ буйныхъ слугъ Еоловыхъ. — Сей гнѣвный, но въ самомъ гнѣвѣ величественный исполинъ, точно богъ, точно Кроніонъ пучинъ, братъ царя боговъ: его власы летятъ, его лице въ движеніи, но станъ спокоенъ и тихъ, будто утесъ посреди валовъ, и онъ легко скользитъ въ раковидной колесницѣ по поверхности водъ, которыя улегаются подъ его мощными конями. — Мастерскою кистію изображены вѣтры: неопредѣленныя, мутныя краски, черты и очерки острыя, но въ тоже время сливающіяся съ облаками, длинныя одежды: все это придаетъ имъ что-то воздушное, нетѣлесное!

Въ Дрезденской галлереи находится очеркъ Рубенсова страшнаго суда: самая картина въ Мюнхенѣ. — Здѣсь-то геній Рубенса является во всей своей огромности. — Особенно поразили меня воскресающіе: сонъ смерти отягчаетъ еще вѣжды нѣкоторыхъ, они преодолѣваютъ его съ уси-

ліемъ; другіе, вставая отъ одра могилы, дивятся Божіей славѣ; третіе кажется уже предчувствуютъ судъ его. — Форстеръ, описывая Дюсельдорфскую галлерею, гдѣ до перенесенія въ Мюнхенъ находилась и ета картина, справедливо замѣчаетъ, что воображенію трудно представить себѣ соединенными на одномъ холстѣ обитель смерти и воскресенія; землю, — мѣсто суда и блаженство—небо, и наконецъ адъ, жилище мученія; — и что по сему въ етой картинѣ нѣтъ единства. Какъ бы то ни было, она не безъ большихъ красотъ въ подробностяхъ и мнѣ особенно дорога, потому что нѣкоторыя ея части живо напоминаютъ *Сошествіе тѣней*, безсмертное произведеніе нашего Толстаго.

Кромѣ упомянутыхъ картинъ Рубенса, ихъ около двадцати въ Дрезденской галлереи: онѣ не одинакаго достоинства.

Остановившись довольно долго на Рубенсѣ, я нѣкоторымъ образомъ освободилъ себя отъ необходимости подробно исчислить всѣ достоинства и недостатки его славнаго ученика Ван-Дейкъ, который соединяетъ въ своихъ не многихъ историческихъ картинахъ въ уменьшенномъ видѣ всѣ красоты и всѣ пороки своего учителя, а въ лиценачертаніяхъ, которыя почти одни составляютъ здѣшнія его произведенія, превосходитъ Рубенса по тщательной обдѣлкѣ.

И Рембрантовой кисти здѣсь нѣсколько картинъ и полетовъ. Между его произведеніями нѣтъ ни одного вовсе безъ достоинства; но мрачныя его краски, его невѣрная рисовка, его мутное воображеніе оставляютъ по себѣ одно *туманное* воспоминаніе.— Впрочемъ нѣтъ правила безъ исключенія: его жертвоприношеніе Моноя живо у меня передъ глазами и не скоро изгладится изъ моей памяти. Моноя съ женою на колѣнахъ передъ горящимъ костромъ: Ангелъ Господень въ бѣлой одеждѣ исчезаетъ за онымъ и къ молящимся обратился спиною. — Ростъ его выше человѣческаго; черты туманны, длинная одежда, какъ будто сливается съ дымомъ костра. — На лицѣ Моноиной жены царствуетъ тихое, трепетное благоговѣніе: руки ея сжались нѣсколько повыше колѣнъ, голова приклонилась къ груди, все положеніе тѣла показываетъ радость и тотъ священный ужасъ, который наводитъ явленіе сверхестественное. — Освѣщеніе всей картины волшебно: багровый блескъ мрачнаго пламени, какъ будто оттѣняетъ снѣжное сіяніе Ангела.

Лучшая картина Ван-дер-Верфова здѣсь: изгнаніе Агари изъ дома Авраамова: я не иначе могу объ ней вспомнить, какъ о происшествіи мною видѣнномъ. — Авраамъ проводилъ до дверей Агарь, закрывающую лице рукою; ея прекрасные, льняные во-

лосы распущены; она держитъ за руку маленькаго Измаила, который, оборотясь съ болѣзненнымъ чувствомъ, смотритъ на своего брата Исаака; все тѣло его сильно наклонено въ сторону; на лицѣ рѣзкими чертами написана та привязанность къ Исааку, которую такъ часто чувствуютъ подчиненные несчастные къ неблагодарнымъ счастливцамъ. Маленькій Исаакъ ухватился за платье отца и смотритъ на брата: примѣтнымъ образомъ любовь къ доброму, умному Измаилу, услаждавшему, можетъ быть, ихъ общія забавы своими затѣями, своимъ воображеніемъ, борется въ молодой душѣ его съ наставленіями хитрой матери и съ очужденіемъ поселяющимся не рѣдко въ сердца дѣтей къ тѣмъ, кто перестаетъ жить съ ними подъ одною кровлею. — Авраамъ ласковымъ сожалѣніемъ въ послѣднія минуты разставанія желаетъ загладить свою жестокость; но не смѣетъ обнаружить всѣхъ чувствъ своихъ: Сара, стоя у дверей съ едва примѣтною, коварною, самодовольною усмѣшкою, замѣчаетъ малѣйшія его движенія.

Превосходны Фламандцы въ представленіи сценъ изъ обыкновенной сельской и хозяйственной жизни. — Они создали въ этомъ отношеніи къ живописи родъ, который можно сравнить единственно съ Идилліями въ новѣйшихъ нравахъ Фосса и

нѣкоторыхъ другихъ Нѣмецкихъ Писателей.

Какъ напримѣръ не остановиться передъ этою лакомою дѣвушкою! Она растворила окно; въ одной рукѣ у ней горящая свѣча, освѣщающая чуднымъ образомъ лице ея и зеленую занавѣсъ; другую протянула она за окно, чтобъ сорвать кисть спѣлаго, свѣтлаго винограда. — Далѣе, какъ терпѣливо добрая старушка связываетъ нитку, которая оборвалась у ней! Ей глаза нѣсколько измѣняютъ, у ней дрожатъ руки, ея губы сжались, ей уже не легко найти и связать концы при свѣтѣ лампы. — Еще двѣ картины Герарда Дау.

Наслаждайся своимъ превосходнымъ созданіемъ, новый Праксителъ! освѣщай его тѣмъ свѣтомъ, при которомъ, можетъ быть, въ часъ уединеннаго размышленія, въ часъ вдохновенія блеснула въ тебѣ творческая мысль вызвать изъ камня Венеру, соперницу вышедшей изъ пѣны морской: бѣлый мраморъ алѣетъ при аломъ сіяніи свѣчи, будто бы согрѣвается, будто бы оживаетъ. — Галатея, кажется, потупила глаза. Пигмаліонъ пожираетъ ее взорами.— Здѣсь ученикъ Герарда, — Шалькенъ, превзошелъ своего учителя.

Гавріилъ Метсю (Metsü) въ трехъ различныхъ картинахъ представилъ почти одинъ и тотъ же предметъ, но съ какими отличительными оттѣнками! Подъ откры-

нымъ небомъ продаютъ и покупаютъ съѣстное. — Здѣсь торгуются двѣ женщины; одна изъ нихъ держитъ въ рукѣ зайца и къ нему прицѣнивается. — Онѣ обѣ спокойны и на лицахъ ихъ нѣтъ большаго движенія. — Тутъ молодая кухарка очень бы желала купить подешевлѣ кусокъ баранины: она уже запрятала его въ свой коробъ; но упрямой продавецъ, сидя прехладнокровно на бочкѣ, и даже не глядя на нее изъ подъ огромной шляпы, не соглашается на предлагаемую цѣну; продолжаетъ курить трубку, и кажется, ворчитъ сквозь зубы: „какъ угодно! а я не отступлюсь отъ своего слова!“ Наконецъ тамъ старикъ, на чьемъ лицѣ написаны всѣ свойства проворнаго купца, обѣими руками приподнялъ живаго пѣтуха, выхваляетъ его и, запросивъ сначала непомѣрно много, вдругъ перерываетъ пригожую хозяйку, которая, качая головою, удивляется его безстыдству и уже хотѣла его усовѣщевать, — предлагаетъ ей пѣтуха по крайней цѣнѣ и кажется говоритъ, что самъ остается въ убыткѣ. — Всѣ три Идиллiи списаны съ природы: дичина, куры, зелень, коробы лежатъ передо мною въ самомъ дѣлѣ; чѣмъ болѣе гляжу, тѣмъ болѣе забываюсь.

Къ лучшимъ изображенiямъ, выражающимъ душевныя движенiя — принадлежитъ большая картина Фердинанда Бола, извѣстная подъ названiемъ Урiева письма. —

На лицѣ Царя Давида, вручающаго съ зеленаго престола Урію роковое письмо, съ чудесною живостію борется безпокойство съ желаніемъ, чтобъ Урія не замѣтилъ онаго. — Пониже Царя сидитъ его Секретарь или Министръ, устремляющій глаза на обоихъ: я увѣренъ, онъ знаетъ, что такое въ письмѣ; если бы и не свидѣтельствовала знанія его стоящая передъ нимъ чернилица, если бы онъ и не держалъ пера,— боязливое ожиданіе и преступная таинственность, сжимающія ротъ его и приподнимающія подбородокъ, могли бы служить доказательствомъ, что онъ былъ повѣреннымъ орудіемъ, а можетъ быть и совѣтникомъ Царя при его зломъ умыслѣ.

Квентинъ Мессисъ, сынъ Антверпенскаго мѣщанина, одинъ изъ искуснѣйшихъ кузнецовъ своего отечественнаго города, влюбился въ дочь нѣкотораго тамошняго живописца. — Отецъ рѣшительно отказалъ ему въ рукѣ ея, потому, что не хотѣлъ выдать ее ни за кого, кромѣ живописца же. Мессисъ, воспламененный любовію, промѣниваетъ молотъ на кисть, наковальню на политру и вскорѣ превосходитъ своего тестя. — Въ Дрезденской галлереѣ видѣлъ я одно изъ его лучшихъ произведеній. — За столомъ сидитъ расповщикъ: передъ нимъ разскрытая книга приходовъ и расходовъ и кучи золота; возлѣ стоитъ человѣкъ, который желаетъ

его убѣдить къ чему-то. Но посмотрите на лице жреца Плутуса: онъ съ неколебимымъ мужествомъ пожимаетъ плечами; ничто не въ состояніи смягчить его, ничто не можетъ его тронуть! Не подалеко дочь его торгуется съ разнощикомъ.

Въ наружной галлереѣ, кромѣ историческихъ картинъ и портретовъ Фламандской школы, есть нѣкоторыя картины школъ Нѣмецкой и новѣйшей Италіанской.

Семейство Базельскаго Бургомистра Іакова-Мейера, работы Ивана Гольбейна, можетъ назваться произведеніемъ превосходнымъ и выдержитъ сравненіе съ картинами лучшаго временъ школъ Нидерландовъ и Италіи. По мнѣ это лучшая изо всѣхъ мною видѣнныхъ старинныхъ Нѣмецкихъ. Мейеръ и его семья стоятъ на колѣняхъ передъ Богоматерью. — Изображеніе Царицы небесной величественно, прекрасно: она въ бѣлой, сіяющей одеждѣ съ вѣнцомъ на главѣ и съ младенцемъ Спасителемъ на рукахъ; на лицѣ Ея владычествуетъ кроткая, теплая любовь къ бѣднымъ, но столь драгоцѣннымъ Ей земнымъ Ея братьямъ; это лице достойно кисти того, кому кажется Сама Божественная являлась, достойно кисти Рафаеля! (*) —

(*) Прекрасно описано у Тика (Phantasien) явленіе во снѣ Божіей Матери Рафаелю. Мы по-

Благоговѣніе преображаетъ черты Мейера и жены его: они въ черной, древней Германской одеждѣ. — Рисовка ихъ стана, рукъ, платья вѣрна и тщательна, но нѣсколько жестка и болезлива. — Прелестенъ голой мальчикъ, который прислоняется къ молодому человѣку, сыну Мейера. — Въ одномъ только изображеніи Гольбейнъ принесъ жертву своему вѣку: въ длинной, богатой бѣлой одеждѣ, — одна изъ дочерей Мейера обезображиваетъ нѣсколько цѣлое: тѣло ея чахоточно, лице не красиво, рисовка очерка жестка и угловата.

Дрезденская Галлерея богата прелестными видами кисти Рюйсдаля, Клод-Лоррена Дитриха, Бергема, Ван-дер-Нира. — Меня особенно привлекали сколки Рюйсдаля; я не могъ наглядѣться на его славную ловлю: рѣдкій лѣсъ; сквозь него проглядываетъ палевый свѣтъ утренняго солнца и отражается въ рѣкѣ; деревья освѣщены волшебнымъ образомъ; ихъ призраки полосятъ воду, куда спасается олень отъ преслѣдующихъ его всадниковъ. — Но къ чему описывать виды, произведенія живописи: они меня очаровывали, потому что напоминали

стараемся сообщить сіе описаніе нашимъ читателямъ. *Изд.*

мнѣ природу: теперь же передомною сама она божественная! — Скоро минетъ осень; скоро пройдетъ зима и она въ своемъ вешнемъ одѣяніи приметъ меня въ свои объятія, — можетъ быть, подъ небомъ благословеннаго Прованса!

Ни слова также о славныхъ картинахъ Теньера, Вувермана, Розы-ди-Тиволи, Снейдерса, которыхъ здѣсь довольно большое число: вы, друзья, ихъ знаете, хотя и не видѣли. — Теньеръ всегда однообразный и отвратительный, въ Дрезденѣ тотъ же, что въ С. Петербургѣ: у него вездѣ пьяные мужики, растрепаные солдаты, толстыя бабы, грубыя пляски, карты и вино.—Вувермань неутомимъ въ представленіи дыма, пальбы, безпорядка, бѣлыхъ лошадей, желтыхъ кафтановъ и голубыхъ перевязей. — Роза-ди-Тиволи или правильнѣе Филиппъ Розъ въ двадцати картинахъ представляетъ одно и тоже: темносиній воздухъ, коровъ и горы, горы, коровъ и темносиній воздухъ. — Снейдерсовы изображенія животныхъ и растѣній превосходны: но видѣвши одно, можно сказать: я видѣлъ всѣ.

ПИСЬМО XX.

ДРЕЗДЕНЪ

$\frac{6}{18}$ Ноября.

Въ послѣдніе часы нашей бытности въ Дрезденѣ, я бесѣдую съ вами, мои милые! Надѣюсь, что мнѣ удастся описать вамъ еще хотя часть внутренней галлереи: я ей принесъ большія жертвы, не успѣлъ видѣть ни славнаго зеленаго свода, гдѣ какъ у насъ въ Московской Грановитой Палатѣ хранится Царская утварь — вѣнецъ, скипетръ, алмазы Електоровъ и Королей Саксонскихъ, ни собранія древностей, ни оружейной палаты, которая, говорятъ, важна и занимательна. — Каждое почти утро былъ я въ галлереѣ, смотрѣлъ и учился; чувствую, что вліяніе картинъ на мое воображеніе было благодѣтельно: призраки и мечты, которыя являлись душѣ моей, тревожили ее, но исчезали въ туманахъ, когда устремлялъ на нихъ взоры; ети призраки, носятся теперь передо мною, какъ прежде, но, кажется, получили болѣе ясности, болѣе опредѣленности.

Наконецъ вижу самое тебя, труженица, чудное созданіе Баттоніевой кисти! я любилъ тебя, восхищался тобою и въ слабыхъ спискахъ и подражаніяхъ: здѣсь

ты сама передо мною! взгляните на шелкъ ея блѣдно-золотыхъ волосъ, которыя падаютъ на свѣтлую шею и благоуханное лоно! Взгляните на розовые персты, на руки, сжатыя съ чувствомъ глубокимъ, истиннымъ, трогательнымъ, на свѣжія пурпуровыя уста, на прелестную складь (драпировку) ея голубаго одѣянія! Здѣсь чистое выраженіе раскаянія, скорби, задумчивости во всѣхъ чертахъ! Магдалина, простершись въ уединенной пещерѣ, оплакиваетъ свои заблужденія: отказываясь отъ нихъ, она переноситъ въ свое святилище то же сердце, которое было, можетъ быть, причиною ея паденія, но и въ самомъ паденіи возвышало ее надъ толпой тѣхъ, коихъ добродѣтель— одна мертвая холодность. — Отецъ любви ее принялъ съ милосердіемъ!

Мила, очень мила головка дѣвушки, которая стоитъ на колѣнахъ передъ умирающей Лукреціей въ картинѣ Франциска Молы. — Съ краснорѣчивымъ отчаяніемъ она смотритъ на ту, которая уже не будетъ ей сестрою, другомъ, наставницей; съ страстнымъ, судорожнымъ чувствомъ она ломаетъ руки: къ такой печали и къ такой привязанности способны однѣ женщины; за то только и имъ такъ къ лицу горесть! Признаюсь, это смуглое личико съ своими живыми полуденными глазками, съ своими каштановыми волосами, которыя прелестнымъ безпорядкомъ округляютъ всѣ ея

очерки, нѣсколько разъ удерживало меня передъ довольно посредственнымъ впрочемъ произведеніемъ.

Замѣтимъ мимоходомъ смѣлое наклоненіе тѣла Спасителева и смѣлое паденіе одежды Его въ *Вознесеніи* Бастіана Рикчи; — въ самомъ дѣлѣ здѣсь что-то сверхъестественное, парящее: и остановимся передъ изображеніемъ Афродиты и ея сына — кисти сладостнаго Гвида Рени!

ПИСЬМО XXI.

ЛЕЙПЦИГЪ

$\frac{8}{20}$ Ноября.

Остановитесь передъ картиною Гвида Рени; разсматривайте ее; а я, друзья, долженъ на время васъ оставить, долженъ попросить васъ подождать, пока мое тѣло будетъ въ Веймарѣ; тогда воображеніе досужнымъ часомъ можетъ опять перенестись съ вами въ Дрезденскую Галлерею и быть вашимъ Чичероне.

Сюда, въ Лейпцигъ, пріѣхали мы вчера по утру. — Прощаясь съ Госпожею фонъ-деръ-Реке, я у ней въ домѣ самымъ неожиданнымъ образомъ нашелъ родственника; онъ живописецъ: имя его Резелеръ; пламен-

ная, добрая душа; точно такимъ воображалъ я себѣ художника въ родѣ тѣхъ, которыхъ описываетъ Гёте. Я былъ у него вечеромъ, а потомъ на другой день по утру: онъ ввелъ меня въ семѣйство свое съ тѣмъ радушіемъ, которое въ наше время, кажется, можетъ имѣть только Поетъ или художникъ, неиспорченные дѣти Природы. — Все дышетъ у него въ домѣ теплою любовью къ добру и къ прекрасному: его жена и старшая дочь Аделаида соединяютъ заботливость, неутомимость и опрятность добрыхъ Нѣмецкихъ хозяекъ со вкусомъ и воображеніемъ питомицъ Аполлоновыхъ: Резелеръ самъ человѣкъ большой начитанности, замѣняющей ему ученость, — иногда тяжелую и непривѣтливую; она при его живой фантазіи не лишаетъ его простоты и свободы въ словахъ и движеніяхъ. — Его лиценачертанія и картины имѣютъ большое достоинство, и онъ, пользуясь въ Германіи заслуженною извѣстностію, — любимъ и почитаемъ особенно Русскими, посѣщающими Дрезденъ.

Я привезъ сюда письмо отъ Госпожи фонъ-дер-Реке къ извѣстному Нѣмецкому писателю Клодіусу; вчера я былъ у него.— Его не было дома и меня приняла его милая, прелестная супруга, Елизина воспитанница: я слишкомъ полчаса просидѣлъ съ нею глазъ на глазъ въ ея будуарѣ; положеніе для меня чрезвычайно новое и привле-

кательное! Умный, живой разговоръ съ прекрасною женщиною получаетъ въ уединеніи несказанную прелесть: за чѣмъ же по сю пору не сижу возлѣ нее на софѣ въ сумрачномъ кабинетѣ, гдѣ все дышетъ изящнымъ, гдѣ красота, поезія, живопись, ваяніе восхищаютъ душу? — Я здѣсь въ холодномъ, тѣсномъ углу, гдѣ насъ трое и гдѣ у меня окостенѣли пальцы! Но я сего дня у ней обѣдаю!

Вчера я былъ въ здѣшнемъ театрѣ; представляли большую комедію въ пяти дѣйствіяхъ. — Она была исполнена двусмыслицъ и безсмыслицъ на счетъ Европейскихъ Государей: партеръ молчалъ и принималъ всѣ шутки автора съ большимъ равнодушіемъ. — Въ Саксоніи Король не обращаетъ вниманія на бездѣлицы, которыя сами по себѣ никакъ не могутъ быть опасными для правителя, и только тогда получаютъ важность, когда назовешь ихъ важными. — Между актерами Лейпцигскаго театра есть нѣкоторые довольно хорошіе: лучшій изъ нихъ нѣкто Штейнъ. — Онъ въ помянутой комедіи представлялъ молодаго человѣка, котораго увѣрили, что одна дѣвушка смертельно влюблена въ него и потому только не хочетъ показать своей страсти, что боится его насмѣшекъ: должно знать, что они другъ съ другомъ въ явной войнѣ колкостей. — Молодой человѣкъ не безъ внутренней склонности къ своей пре-

лестной непріятельницѣ, желаетъ облегчить ей признаніе, употребляетъ разные способы и когда они всѣ ему не удаются, наконецъ говоритъ ей напрямикъ, что она любитъ его. — Можно вообразить ея отвѣтъ: она перерываетъ его громкимъ хохотомъ и уходитъ. — Герой не хочетъ показать своего недоумѣнія, прогуливается по комнатѣ и напѣваетъ въ полголоса пѣсеньку, но вдругъ выбѣгаетъ и съ громомъ, въ которомъ вдругъ обнаруживается вся его досада, захлопываетъ за собою дверь. Вотъ черта мастерская: подобныя отличаютъ комическаго актера отъ низкаго шута.

Я никогда въ С. Петербургѣ такъ не мерзнулъ, какъ здѣсь! Проклятыя здѣшнія печи не грѣютъ: двойныхъ оконъ нѣтъ, а между тѣмъ на дворѣ безподобнѣйшій снѣгъ и морозъ, какого лучше не льзя желать и въ Россіи.

Лейпцигъ пригожій, свѣтлый городъ: онъ кипитъ жизнію и дѣятельностію; жители отличаются особенною тонкостію, вѣжливостію въ обращеніи: я здѣсь ничего не замѣтилъ, похожаго на Провинціальные нравы; Лейпцигъ по справедливости заслуживаетъ названіе Аѳинъ Германіи.

Въ окрестностяхъ онаго, какъ вообще въ Саксоніи, почти нѣтъ слѣдовъ минувшей войны; жители зажиточны и говорятъ обо всемъ бывшемъ, какъ о страш-

номъ сновидѣніи: съ трудомъ могу вообразить, что здѣсь въ мирныхъ поляхъ Лейпцигскихъ за нѣсколько лѣтъ передъ симъ рѣшалась судьба человѣчества. — Счастлива земля, въ которой сила дѣятельности живитъ и поддерживаетъ гражданъ и подаетъ имъ способы изглаживать слѣды разрушенія!

ПИСЬМО XXII.

ВЕЙМАРЪ

$\frac{10}{22}$ Ноября.

Дорога отъ Лейпцига до Люцена — не объятная, необозримая равнина; но въ продолженіи всего пути мы видѣли на краю обзора башни городовъ и селеній. — Здѣсь сражался два раза Густавъ Адольфъ за свободу мыслей; здѣсь онъ палъ отъ руки предателя. — Вы знаете, друзья, что герою-мученику на томъ мѣстѣ, гдѣ возвратилъ онъ душу Создателю, земледѣльцы воздвигнули памятникъ: они прикатили туда большой камень и обсадили его деревьями.— Мы здѣсь остановились и всѣ, — самые даже почтальоны, смотрѣли на этотъ про-

етой камень съ чувствомъ умиленія, съ благоговѣніемъ. — Здѣсь и въ наше время два раза бились народы за независимость: здѣсь Самъ Богъ наконецъ расторгнулъ ихъ оковы! Святая, незабвенная война! Раздоръ не раздѣлялъ еще гражданъ и правителей; тогда еще во всѣхъ была одна душа, во всѣхъ билось одно сердце! — Уже ли кровь, которая лилась въ поляхъ Лейпцигскихъ, лилась напрасно?

Отъ Люцена уже начинаются мѣста гористыя. — Между городками Наумбургомъ и Вейзенфельзомъ въ первой разъ въ жизни увидѣлъ я утесы и каменныя горы.— Ихъ вершины покрыты теперь снѣгомъ: прекрасныя виды Тюрингена являлись мнѣ не живописными картинами, а рисунками; признаюсь, ето стѣснило мою душу и меня утѣшила единственно мысль, что мое воображеніе получаетъ точно тѣ же впечатлѣнія, которыя теперь въ снѣжной утесистой Финляндіи живятъ и питаютъ поезію моего Б.... Мы бѣжимъ отъ зимы, но она застала насъ въ Дрезденѣ и будетъ нашею сопутницею до самаго Франкфурта на Майнѣ, гдѣ, говорятъ, мы, можетъ быть, еще застанемъ луга и нивы, не убѣленныя холодомъ.

Мы проѣхали близь славнаго училища Шульфорте: оно лежитъ въ уединеніи горъ и напомнило мнѣ наше Царско-сельское убѣжище; здѣсь юноши въ объятіяхъ ве-

личественной природы, въ безмолвной тишинѣ жертвуютъ Музамъ и внимаютъ ихъ прорицаніямъ; сердца ихъ не отравляются дыханіемъ свѣта. — Вчера вечеромъ пріѣхали мы въ Веймаръ, въ Веймаръ, гдѣ нѣкогда жили великіе: Гёте, Шиллеръ, Гердеръ, Виландъ; одинъ Гёте пережилъ друзей своихъ. — Я видѣлъ безсмертнаго; я принесъ ему поклонъ отъ Клингера. — Гёте росту средняго, его черные глаза живы, пламенны, исполненны вдохновенія.— Я его себѣ представлялъ исполиномъ даже по наружности, но ошибся. — Онъ въ разговорѣ своемъ медленъ: голосъ тихъ и пріятенъ; долго я не могъ вообразить, что передо мною гигантъ Гёте; говоря съ нимъ объ его твореніяхъ, я однажды даже просто его назвалъ въ третьемъ лицѣ по имени. — Гёте знаетъ нашего Толстаго изъ работъ его и любитъ въ немъ великаго художника. Казалось, ему было пріятно, что Жуковскій познакомилъ Русскихъ съ нѣкоторыми его мѣлкими стихотвореніями. — О нашемъ разговорѣ не много могу сказать вамъ, друзья мои; я былъ у него не долго: надѣюсь, что онъ завтра нѣсколько будетъ доступнѣе, а я смѣлѣе.

Я здѣсь также навѣстилъ Доктора де Вette, извѣстнаго по письму своему къ Зандовой матери. Въ де Вette ничего не нашелъ я похожаго на безпокойный духъ и

суетность Демагога. — Онъ тихъ, скроменъ, почти застѣнчивъ; въ обращеніи и разговорѣ умѣренъ и остороженъ. Гёрреса онъ охуждаетъ во многихъ отношеніяхъ. Письмо къ де Вette получилъ я отъ Ф. старинаго моего знакомаго: онъ знавалъ меня еще въ Верро; — тогда мнѣ было съ небольшимъ 12 лѣтъ, и я, ученикъ уѣзднаго училища, съ большимъ почтеніемъ смотрѣлъ на Гимназіяста Ф. когда пріѣзжалъ онъ изъ Дерпта къ нашему доброму воспитателю: мы съ того времени не видѣлись. — Въ Лейпцигѣ нашелъ я его человѣкомъ умнымъ, основательнымъ, ученымъ. — Такъ-то соединенные въ дѣтствѣ и молодости расходятся и, если встрѣчаются въ другое время и подъ инымъ небомъ, даже удивляются, что могли опять встрѣтиться. — Счастливы еще тѣ, которымъ по крайней мѣрѣ удается увидѣться съ товарищами весны своей; но какъ часто мы разлучаемся съ нашими милыми и не узнаемъ даже, когда разстаются они съ жизнію. Вотъ разительный тому примѣръ: старшій братъ мой имѣлъ въ Петровскомъ училищѣ друга; они нѣсколько лѣтъ сидѣли въ классѣ на одной лавкѣ; съ етимъ его приятелемъ, нынѣ нашимъ Консуломъ въ Лейпцигѣ, случай свелъ меня въ Дрезденѣ: и онъ спрашивалъ меня о здравіи и службѣ своего бывшаго товарища, который уже тринадцать лѣтъ, какъ покоится въ пескахъ Прускихъ, гдѣ

палъ предшественникомъ освободителей Европы!

ПИСЬМО XXIII.

$\frac{12}{24}$ Ноября.

Довольно долго стояли вы, друзья, передъ Афродитою Гвидо Рени: пора и мнѣ перенестись къ вамъ и раздѣлить ваше удовольствіе. — Богиня наслажденія, простертая на роскошномъ ложѣ, облокотилась на лѣвую руку, а правою испытываетъ остріе стрѣлы, которую сынъ подаетъ ей съ коварною улыбкой. По насмѣшливой радости, которая во всѣхъ чертахъ матери и сына, я узнаю васъ

„Киприда и Еротъ, мучители сердецъ!....“

но при всемъ лукавствѣ вашемъ, какъ вы прелестны, какая круглота, какая мягкость во всемъ вашемъ тѣлѣ! Все вокругъ васъ дышитъ нѣгою и вливаетъ въ душу несказанную сладость.

Вотъ картина Петра делла-Веккія: старуха сражается съ своими дѣтьми. — Она туфлею замахнулась на одного, двое другихъ ее упрашиваютъ и удерживаютъ. — По комическому содержанію приближается здѣсь

делла-Веккія къ Нидерландской школѣ; но его выраженіе гораздо благороднѣе: страхъ, изображенный на лицѣ битаго мальчика, не лишаетъ его прелести; кудрявая головка его и живой взглядъ, напоминаютъ намъ, что передъ нами природа полуденная; самая старуха не каррикатура, но скорѣе облагороженный идеалъ злобы и старости.

Здѣсь я во вторый вижу разъ Микеля Анджело. — Вы помните его первую картину: мы удивлялись ей въ Берлинѣ въ Джюстіянской галлереѣ. Та, къ которой подходимъ теперь, безъ сомнѣнія важна для живописца, но не станемъ въ ней искать поезіи: она изображаетъ молодаго, голаго человѣка, руками и ногами прикованнаго къ дереву: игра напряженныхъ мышцъ, (мускуловъ); знаніе анатоміи и смѣлость въ очеркахъ должны въ етой картинѣ быть чрезвычайно поучительными для молодаго художника. — Впрочемъ разцвѣченіе и обдѣлка тѣ же, каковы въ Ганимедѣ.

ПИСЬМО XXIV.

$\frac{13}{25}$ Ноября.

Молодая соперница Апеллова сидитъ передъ холстомъ и пишетъ спящаго бога любви: одежда ея вымышлена, но показы-

ваетъ вкусъ и чувство красоты! Старикъ, можетъ быть, отецъ и учитель ея, внимательно разсматриваетъ рисунокъ той самой картины, которую она пишетъ: она къ нему обратилась и, кажется, слушаетъ его замѣчанія. — Разцвѣченіе прелестно: характеръ, данный художникомъ Гверчино да Ченто старику, показываетъ, что Италіанцы иногда превосходятъ Нидерландцевъ даже въ израженіи тѣхъ чувствъ и душевныхъ движеній, которыя я бы назвалъ семѣйственными, домашними, хотя они и немного занимались ими и болѣе увлекались предметами священными и героическими. — Вижу почтеннаго семьянина: на лицѣ его написаны умъ и добродушіе. — Его сѣдая борода богата; прекрасные глаза и тихое благородное лице свидѣтельствуютъ, что онъ былъ въ свое время красавцемъ; а сходство съ молодою женщиною, что она отъ крови его.

Мы подошли теперь къ произведенію великаго Корреджіо. — Четыре раза Корреджіо перемѣнялъ свое мнѣніе о томъ, что почиталъ обязанностію, свойствами, достоинствами великаго художника и каждый разъ болѣе приближался къ совершенству (*).

(*) . . . . . Какъ облака на небѣ,
Такъ мысли въ насъ мѣняютъ легкій образъ:

Шиллеръ представляетъ намъ подобный примѣръ въ драмматическомъ искуствѣ.

Да научимся изъ исторіи сихъ великихъ мужей: жертвовать своими любезнѣйшими правилами, привычками и мнѣніями тому, что принуждены будемъ признать лучшимъ; не будемъ никогда противиться своему внутреннему убѣжденію по упрямству и самолюбію, и предпочтемъ всему истину и совершенство. — Корреджіо учился постепенно у Біанки и Андрея Монтеньи, двухъ художниковъ старинной Италіанской школы, имѣющей свои достоинства, но жесткой и лишенной всякой прелести (*). — Будучи еще молодымъ чело-

---

Мы любимъ и чрезъ часъ мы ненавидимъ;
Что славимъ днесь, заутра проклинаемъ!
Аргивяне дѣйст. III. явл. 3.

Если бы меня нынѣ въ 1824 году спросили, считаю ли по сю пору каждую перемѣну въ образѣ мыслей Корреджіо новымъ шагомъ къ совершенству: меня привели бы въ большое недоумѣніе! — Мимоходомъ только замѣчу, что черезъ 9 мѣсяцовъ въ мою вторую бытность въ Дрезденѣ Св. Францискъ по величественной простотѣ цѣлаго, казался мнѣ твореніемъ гораздо высшаго разряда, нежели Св. Георгій. Замѣч. Авт.

(*) И въ разсужденіи ея, я во многомъ сталъ иначе думать. Замѣч. Авт.

вѣкомъ, онъ чувствовалъ недостатки своихъ наставниковъ и рѣшился проложить себѣ дорогу собственную: онъ началъ замѣчать размѣры человѣческаго тѣла, началъ просто глазами и безъ руководителя учиться остіологіи и анатоміи и наблюдать краски и тѣни въ самой природѣ. — Такимъ образомъ составилъ Корреджіо себѣ свой первый родъ, имѣющій гораздо болѣе правильности и точности, нежели картины его предшественниковъ, но въ то же время не лишенный теплоты—вдохновенія и чувствительности, которыя дышатъ въ самыхъ даже безобразныхъ произведеніяхъ школъ старинной Италіанской и старинной Германской. — Его святый Францискъ даетъ намъ полное понятіе о всѣхъ достоинствахъ и недостаткахъ сего перваго періода его самобытной естетической жизни.— Содержаніе картины слѣдующее: Богоматерь сидитъ на высокомъ престолѣ и держитъ на колѣнахъ младенца-Спасителя: Благословляющій взоръ ея покоится на святомъ Францискѣ и десница простерта надъ его головою; самъ праведникъ въ одеждѣ основаннаго имъ духовнаго чина преклонилъ колѣна передъ Царицею небесною и весь погрузился въ самаго себя; позади Франциска мы видимъ Св. Антонія Падуйскаго съ книгою и лилеею въ рукахъ; по другой сторонѣ впереди стоитъ Св. Іоаннъ Креститель: онъ, кажется, смотритъ на

насъ и указываетъ намъ на того, чьимъ былъ предтечею и кому уготовилъ путь въ своемъ земномъ странствованіи. — Возлѣ него Св. Екатерина съ пальмовою вѣтвію, окруженная орудіями своей смерти. На подножіи престола изображены нѣкоторыя событія ветхаго завѣта. — Всѣ сіи образы величественны, смѣлы; впрочемъ кромѣ самаго Франциска, они не имѣютъ той легкости, которую замѣчаемъ въ произведеніяхъ современныхъ; но Корреджіо тогда еще вовсе были неизвѣстны творенія Римскихъ художниковъ. Не смотря на жесткость, богатый вымыслъ и строгая важность всей картины вселяютъ благоговѣніе въ зрителя.

Корреджіо, будучи еще ученикомъ Біанки и Анд: Монтеньи, не зналъ, но предчувствовалъ уже ту прелесть, которая столь плѣнительна въ твореніяхъ четвертаго его возраста. — Рѣшившись идти собственнымъ путемъ, быть творцемъ, а не подражателемъ, Корреджіо не долго обращалъ все свое вниманіе только на усовершенствованіе живописи, царствующей въ его родинѣ; онъ вдругъ устремился искать новыхъ красотъ, тревожившихъ его душу въ смутныхъ видѣніяхъ. — Тогда уже онъ видѣлъ небесныхъ дѣвъ, Харитъ, хотя туманъ еще и скрывалъ отъ него ихъ таинства, хотя ихъ появленіе, для него новое, восхитительное и заставило его забыть

на время строгость и величіе, коихъ онѣ страшатся только по видимому, но собственно едва ли не всего болѣе любятъ украшать своими свѣжими цвѣтами. — Такимъ образомъ произошелъ вторый періодъ Корреджіева искуства. — Въ немъ художникъ еще только ловитъ Грацію, не рѣдко слишкомъ страстно и потому иногда выпускаетъ ее изъ рукъ своихъ. — Къ произведеніямъ сего времени жизни Корреджіевой принадлежитъ его святый Георгій. — Расположеніе сей картины чрезвычайно сходствуетъ съ предыдущею: мы снова видимъ на высокомъ престолѣ Святую Дѣву съ ея Божественнымъ Сыномъ; передъ нею стоитъ побѣдоносный Воитель Господень, отъ коего вся картина заимствуетъ свое названіе: онъ прикрытъ свѣтлымъ панцыремъ и держитъ въ правой рукѣ копье; лѣвая нога его попираетъ сраженнаго дракона. — Передъ нимъ четверо голыхъ дѣтей играютъ его мечемъ и шлемомъ. За нимъ стоитъ Св. Петръ Мученикъ. — Съ другой стороны являются Св. Іоаннъ Креститель и Св. Геминіянъ; послѣдній готовится вручить Богоматери образецъ построенной имъ въ Моденѣ церкви, которую подноситъ улыбающійся мальчикъ. — Голова Святой Дѣвы была бы неподражаемо прелестна для простой смертной: но красота Царицы небесной должна быть величественнѣе. — Святый Георгій превосходенъ, и смѣлостію

своихъ очерковъ живо напоминаетъ изображенія мужей великаго Коррaччи. Мальчикъ, держащій надъ своею головою Моденскую церковь, соединяетъ въ себѣ все, что Корреджіо тогда разумѣлъ подъ прелестнымъ и въ самомъ дѣлѣ заслуживаетъ по своей милой, привѣтливой улыбкѣ, чтобъ мы его отличили отъ прочихъ четырехъ дѣтскихъ изображеній, на чьихъ не слишкомъ правильныхъ лицахъ ета самая улыбка близко подходитъ къ кривлянію. — Впрочемъ прежняя Корреджіева жесткость здѣсь уже въ гораздо уменьшенной степени и только нѣсколько видна въ положеніи тѣла и въ движеніяхъ рукъ, не слишкомъ свободныхъ. — Если бы Корреджіо продолжалъ писать въ етомъ родѣ, можетъ быть, онъ впалъ бы въ театральную принужденность, съ коею познакомили насъ Италіанскіе и Французскіе живописцы вѣковъ XVII и XVIII-го и удалился бы на всегда отъ истинной прелести, неразлучной съ простотою. — Но Корреджіо былъ геній; но Корреджіо около сего времени узналъ Микеля-Анджело и творенія Римской живописи. — Онъ возвратился къ простотѣ своего перваго періода и удержалъ все истинно превосходное втораго; кромѣ того научился такому разцвѣченію, къ которому подходятъ цвѣты рѣдкаго живописца позднѣйшаго времени: къ сему третьему періоду Корреджіевой жизни принадлежитъ его славная картина *Святая*

ночь. — Когда мы въ первой разъ навѣстили галлерею, А. Л. подозвалъ меня къ ней и нѣсколько разъ повторилъ: на колѣна! на колѣна! и въ самомъ дѣлѣ освѣщеніе меня такъ поразило, что я былъ готовъ пасть на колѣна. — Содержаніе етаго извѣстнѣйшаго Корреджіева творенія—поклоненіе пастырей. — Свѣтъ исходитъ отъ самаго младенца Іисуса; солома подъ нимъ, какъ будто превратилась въ связку лучей солнечныхъ; блескъ его преображаетъ черты матери, которая лицемъ склонилась на ясли, а съ другой стороны ослѣпляетъ трехъ пастуховъ, пришедшихъ обожать дивнаго младенца: но не только они, и облако, ниспустившееся съ Ангелами въ смиренную обитель Спасителя, и сіи Ангелы сами: все вокругъ заемлетъ сіяніе отъ него, отъ Отца Свята. — Позади видѣнъ въ мракѣ Св. Іосифъ, занятый кормомъ осла, и еще далѣе внѣ вертепа нѣсколько пастуховъ при стадѣ: очерки ихъ оттѣняются отъ темносиняго воздуха; край небосклона бѣлѣетъ, а слабый разсвѣтъ едва только рождается. — Чѣмъ долѣе смотришь, тѣмъ болѣе забываешься, — тѣмъ болѣе сердце готово вѣрить сверхъ-естественному! — Но разсмотримъ порознь каждое дѣйствующее лице сего чуднаго представленія: пастухи, пришедшіе обожать Спасителя, могутъ быть отецъ, сынъ и мать. — Сія послѣдняя, слабая женщина, поражена свя-

щеннымъ ужасомъ и съ трепетомъ, заслоняя лице руками, отступаетъ назадъ. Сынъ, непостигающій совершенно всего, не чувствуетъ боязни матери, но любопытство не допускаетъ до его души того благоговѣнія, которое бы его исполнило, если бы зналъ, что здѣсь совершается: онъ обращается съ вопросомъ къ отцу; етотъ вопросъ видишь во всѣхъ чертахъ, во всемъ положеніи его тѣла. — Старикъ, который столько же превышаетъ своихъ товарищей душою, сколько превосходитъ ихъ величественнымъ ростомъ, стоитъ къ зрителю бокомъ и склонился на посохъ: всѣ черты его, хотя видны только въ разрѣзъ, выражаютъ тихую, глубокую задумчивость; судьба, кажется, разоблачается передъ взоромъ сего мудраго пастыря. — Темнота не позволяетъ разпознать лица Іосифа: но наклоненіе его тѣла показываетъ, что и его занимаютъ великія мысли. — Черты Ангеловъ являютъ радость и благоговѣніе. — Что мнѣ сказать о тебѣ, Святая Матерь? Какое чувство исполняетъ въ сіе дивное мгновеніе твою божественную душу? Всмотритесь въ нее: она вполнѣ матерь, она вся любовь. — Неувядаемая святость расцвѣтаетъ на сихъ блѣдныхъ ланитахъ и вѣждахъ, которыя ослабѣли отъ страданія, но его не замѣтили! — въ выраженіи лица неисчерпаемый источникъ самоотверженія, любви

и смиренія! къ чему послѣ того черты и размѣры, которыя бы были строже и правильнѣе и болѣе подходили къ красотѣ лицъ Греческихъ? — можно ли послѣ того замѣтить, что и въ етомъ чудесномъ произведеніи художникъ изрѣдка впадаетъ въ недостатки своего втораго періода; что чувство, можетъ быть, слишкомъ рѣзко говоритъ на лицѣ жены пастыря, что Ангелы тяжелы, ноги ихъ длинны и ихъ движенія могли бы быть свободнѣе?

Прекрасная Магдалина Корреджіева принадлежитъ къ сему же третьему его періоду: но уже составляетъ переходъ къ четвертому. — Не смотря на простоту всего вымысла: въ етой картинѣ примѣтно, что Корреджіо уже болѣе увѣренъ въ себѣ, что онъ уже знаетъ истинную Грацію и потому смѣлѣе можетъ слѣдовать ея вдохновеніямъ. — Подобно Баттоніевой Магдалины, Корреджіева въ уединеніи занята размышленіемъ. — И та и другая въ голубой одеждѣ: но Баттоніева писана почти въ разрѣзъ; а Корреджіева къ намъ обращена лицемъ! — Локоны сей послѣдней мягкостью и нѣжностью превосходятъ даже локоны Баттоніевой.

Наконецъ мы передъ послѣднею картиною Корреджіо. — Она называется Св. Севастіяномъ и по своему вымыслу напо-

минаетъ первую и вторую изъ находящихся здѣсь картинъ художника. — И здѣсь Св: Дѣва благословляетъ ратника за слово Божіе: но Св. Севастіянъ не въ мирной одеждѣ священника, не въ блестящихъ доспѣхахъ воина; онъ привязанъ къ дереву и готовъ принять смерть мученическую; небесная, младенческая радость на лицѣ святаго юноши! прелестное видѣніе исполнило всю его душу и онъ кромѣ него ничего, ничего не видитъ. — Впереди на колѣнахъ Св. Геминіянъ въ священническомъ облаченіе, онъ указываетъ на мученика. — Возлѣ него опять мальчикъ съ Моденскою церковью. — Съ правой стороны представлена смерть Святаго Роха. — На небѣ по обѣимъ сторонамъ Богоматери преклоняютъ колѣна два младенца; а трое другихъ, изъ коихъ одинъ верьхомъ на облакѣ, кружатся въ невинной рѣзвости, подавъ другъ другу руки. Мы имѣемъ уже понятіе о выраженіи, о характерѣ Св. Севастіяна. — Св. Геминіянъ почтенный старецъ: въ чертахъ его живое благочестіе. — Но всего милѣе, всего прелестнѣе дѣти, окружающіе Царицу небесную: особенно двое первыхъ. — Съ какимъ чистымъ чувствомъ они простерли къ ней свои маленькія руки; сколь несказанно просты и невинны ихъ личики, которыхъ никогда не искажали ни страсти, ни вина, ни печали, которыя знали одну любовь и радость! Какъ прелестно падаютъ съ чела

впередъ ихъ длинные, каштановые локоны! Какъ мило склонились головки ихъ! Здѣсь все: свобода, легкость, правильность, воображеніе, чувство! Сами Граціи водили кистію Корреджіо, когда писалъ онъ этихъ божественныхъ младенцевъ. — Надѣюсь, что не слишкомъ долго останавливался на произведеніяхъ Корреджіевыхъ: исторія успѣховъ и заблужденій великаго художника съ примѣрами изъ его собственныхъ твореній показалась мнѣ занимательною и удобною развить нѣкоторыя истины, важныя въ ѳеоріи изящныхъ искусствъ и Поезіи, входящую въ составъ всѣхъ ихъ.

Теперь станемъ продолжать свою естетическую прогулку.

Передъ нами великолѣпное торжество Бахуса; рисунокъ онаго — руки Рафаеля, и находится нынѣ въ Англіи, — картина же писана художникомъ Бенвенуто Гарофило, прозваннымъ Тизіо. — Здѣсь каждое изображеніе должно быть предметомъ внимательнаго, глубокаго ученія для молодаго художника; но превосходнѣйшее изо всѣхъ пьяный Силенъ, котораго Фавны и Сатиры держатъ надо львомъ. — Блаженное разслабленіе, которое розлито по его членамъ, приводитъ въ отчаяніе всякаго описателя.

Теперь мы стоимъ у преддверія Святыя Святыхъ: друзья! вы видите Мадонну ди

Санъ Систо, дивное созданіе Рафаеля! Вы смотрите и на лицахъ вашихъ что-то похожее на ропотъ неудовлетвореннаго ожиданія; васъ удерживаетъ изъявить неудовольствіе одно опасеніе показаться людьми безъ вкуса.

Утѣшьтесь: можетъ быть, то же было со всѣми взглянувшими въ первый разъ на сіе простое и при всей своей простотѣ божественное твореніе! — Признаемся, что его разцвѣченіе слабо, что оно гораздо живѣе не только во всѣхъ произведеніяхъ Корреджіо, Тиціяна, Гвида, Корраччи, но и въ картинахъ многихъ второстепенныхъ художниковъ. — Вымыслъ Рафаелевой картины простъ: но ужели въ немъ нѣтъ ничего необыкновеннаго? — Богоматерь спускается на облакѣ съ своимъ Божественнымъ младенцемъ; Святая Варвара и одинъ изъ Патріарховъ Римской церкви стоятъ по обѣимъ сторонамъ на колѣняхъ. — Два покоющіеся внизу Ангела, которые видны только по грудь, обратили взоры вверьхъ къ небесной Матери. — Зеленая занавѣсъ поднята съ обѣихъ сторонъ и все небо составлено изъ безчисленнаго множества головъ Херувимскихъ: каждая изъ сихъ послѣднихъ образцова, каждая изъ нихъ носитъ на себѣ печать совершенства! Но тайный трепетъ прокрался въ душу мою! — Передо мною

видѣніе — не земное: небесная чистота, вѣчное, божеское спокойствіе на челѣ Младенца и Дѣвы; они исполнили меня ужаса: могу ли смотрѣть на нихъ я, рабъ земныхъ страстей и желаній?—Что же? Кротость, чудная кротость на устахъ Матери приковала мои взоры: я не въ силахъ разстаться съ симъ явленіемъ, если бы и громъ небесный готовъ былъ истребить меня недостойнаго! — Посмотрите, она все преображаетъ вокругъ себя! съ младенческимъ благоговѣніемъ взираетъ на нее сей священный старецъ, сложившій передъ нее тіару!— Глубокомысленно, съ высокимъ чувствомъ устремляетъ къ ней свои прекрасныя очи сей Ангелъ-младенецъ, опершійся на одну руку; внимательно и тихо смотритъ даже товарищъ его, который, кажется только что пересталъ кружиться по воздуху: онъ вдругъ увидѣлъ Божественную и невольно забылся въ ея лицезрѣніи! Святая Варвара, отблескъ чистоты и кротости небесной Царицы, стоитъ передъ Нею съ потупленными взорами и въ тишинѣ сердца принимаетъ вліяніе Ея благодати. — Мысли и мечты, которыя озаряли и грѣли мою душу; когда глядѣлъ на сію единственную Богоматерь, я описать нынѣ уже не въ состояніи: но я чувствовалъ себя лучшимъ всякій разъ, когда возвращался отъ нее домой!— Много видѣлъ я изображеній, чистыхъ

дѣвъ, нѣжно-любящихъ матерей; въ глазахъ ихъ вѣру, вдохновеніе и ту скорбь, которой я готовъ былъ сказать: ты неизрѣченна! Мнѣ говорили: онѣ представляютъ Мадонну; но она одна и явилась Рафаелю!

„Кто однажды вкусилъ небесное," говоритъ одинъ изъ Св. отецъ, „тотъ уже чувствуетъ отвращеніе отъ земной пищи!" Но то же самое вдохновеніе, которое исполняло Рафаеля, ниспускалось въ душу и другихъ художниковъ, хотя было и слабѣе, хотя и отражалось въ нихъ не во всей чистотѣ первобытной. — Станемъ его отъискивать и порадуемся, гдѣ найдемъ слѣды его!

Въ Св. Матѳеѣ Аннибала Коррачи сильная кисть художника смѣло представила образецъ величественнаго мужа: положеніе его поднятой вверьхъ головы превосходно; онъ скрижаль свою держитъ свободно и восторженно. — Не менѣе прекрасенъ въ своемъ родѣ Св. Іоаннъ Креститель, стоящій по другую сторону престола Богоматери и указывающій на младенца Спасителя: все Его тѣло говоритъ, и кажется, слышу слова Его: „се агнецъ Божій!" Св. Францискъ, лобзающій ногу Спасителя нѣсколько слабѣе; хотя его голова хороша, разцвѣченіе и складъ одежды совершенны: но не смотрите, особенно

послѣ Богоматери Рафаелевой, на ету Мадонну и на Младенца Ея: въ нихъ ничего нѣтъ высокаго. — Корраччи не часто постигалъ красоту, хотя рѣдкій подобно ему владѣлъ силою и смѣлостію.

Вотъ два изображенія по поясъ Карла Дольче, принадлежащаго къ лучшимъ живописцамъ XVII столѣтія: онъ менѣе другихъ удалился отъ простоты средней Италіянской школы. — Здѣсь дочь Ирода и Св: Цецилія, его работы; въ обѣихъ разцвѣченіе гораздо темнѣе его обыкновеннаго: рисовка гораздо свободнѣе и естественнѣе. — Особенно прелестна Цецилія: ея опущенныя длинныя рѣсницы придаютъ ей что-то таинственное, неизъяснимое; лице чрезвычайно нѣжно и писано съ большимъ стараніемъ (con amore); а губы такъ душисты, мягки и алы, что разлучаешься съ ними только по неволѣ, только для того, чтобы остановиться на перстахъ ея чудныхъ рукъ, которыя, кажется, единственно для того и созданы, дабы вызывать изъ клависей звуки волшебные; подъ густыми каштановыми локонами, мы видимъ высокое, мыслящее чело, которому столь же знакомо вдохновеніе, сколь знакомо чувство душѣ, разливающейся по всѣмъ чертамъ ея.

Вотъ картина, которая имѣетъ и непремѣнно должна имѣть большое достоин-

ство для живописца; но Поета, старающагося отыскать въ произведеніи художествъ идеалъ, — она оставляетъ равнодушнымъ. — Говорю о картинѣ Джюлія Романо, извѣстной подъ названіемъ Маріи съ ванною: молодая мать моетъ своего робенка, другой побольше стоитъ на столѣ возлѣ ванны и приливаетъ воду; всѣ фигуры въ нѣкоторомъ отношеніи превосходны: они правильны, свободны, мягки, красивы. — Но гдѣ здѣсь Св. Дѣва, Іисусъ, Іоаннъ? — Гдѣ и тѣнь того, чего требуешь отъ ихъ изображенія? Картины такого рода похожи нѣсколько на стихотворенія, писанныя для однихъ стихотворцевъ, т. е. такія, изъ которыхъ Поетъ можетъ учиться слогу и гармоніи, которыя представляютъ его воображенію свѣжія, новыя краски, смѣлые, необыкновенные обороты, но въ которыхъ нѣтъ богатыхъ, глубокихъ мыслей и общей для всѣхъ занимательности.

Заглянемъ на минуту въ галлерею пастелей и остановимся только передъ прелестнымъ Амуромъ Рафаеля Менгса, а потомъ посмотримъ, не получимъ ли изъ всего нами видѣннаго такихъ общихъ слѣдствій, которыя бы просвѣтили насъ въ разсужденіи ѳеоріи изящныхъ художествъ и матери ихъ Поезіи. — Какія картины должны быть признаны лучшими, образцовыми въ большомъ множествѣ разныхъ родовъ, ху-

дожниковъ, земель и временъ нами разсмотрѣнныхъ? — Безъ сомнѣнія тѣ, которыя, удовлетворивъ главнымъ требованіямъ искусства, въ тоже время удовлетворяютъ вкусу и потребностямъ души лучшей части зрителей, т. е. одаренныхъ чувствомъ, воображеніемъ, разсудительностію и постигающихъ вдохновеніе; другими словами: тѣ, которыя въ большемъ совершенствѣ соединяютъ чувство, воображеніе, обдуманность и плодъ вдохновенія, — идеалъ съ правильностію и красотою рисовки, анатоміи, размѣровъ, перспектива и свѣжестью красокъ, — тѣ, которыя въ большемъ совершенствѣ соединяютъ Поезію съ искусствомъ. — Нидерландцы по большой части знали одно искусство, а художники старинныхъ школъ Италіянской и Нѣмецкой одну Поезію и она, именно потому, что была только Поезія, не могла у нихъ возвыситься до идеала: одни лучшіе живописцы лучшаго времени Италіи постигали и чувствовали совершенство и никто болѣе Рафаеля. Въ словесности точно такимъ образомъ: можно раздѣлить писателей на Поетовъ и слого-искусниковъ, къ которымъ послѣднимъ причислимъ и тѣхъ стихотворцевъ, коихъ единственное достоинство хорошій слогъ и гармонія: въ Англіи много Поетовъ, но мало стилистовъ; Франція изобилуетъ стилистами и едва ли можетъ назвать намъ двухъ или трехъ

истинныхъ Поетовъ; Гомеръ соединяетъ въ себѣ Поезію съ искусствомъ писать въ той же степени, въ которой Рафаель Поезію и искусство изображать.

В. Кюхельбекеръ.

IX.

ЕПИГРАММЫ.

1.

Стиховъ моихъ давно ты слышать хочешь:
Догадливъ я! Благодарю за честь!
Признайся: ты не о моихъ [redacted] хлопочешь;
А наровишь, какъ бы свои прочесть!

2.

Для славы ты здоровья не жалѣешь,
Но берегись, не долго до грѣха:
Надъ рифмою ты цѣлый часъ потѣешь,
А тамъ, какъ разъ прозябнешь отъ стиха.

Кн. В..скій.

X.

ЕЛЕГІЯ.

Des Lebens Mai blüht einmahl, und nicht wieder.
Schiller.

Какъ быстрая волна въ безбрежности морей,
Какъ въ сердцѣ пламенномъ обманчивая радость,
Какъ первая любовь беспечныхъ, юныхъ дней,
Моя умчится младость.

* * *

Придетъ жестокій часъ, когда прекрасный взоръ
Я встрѣчу холодно, безъ страстнаго волненья;
Мнѣ будетъ красоты улыбка, разговоръ
Тогда безъ наслажденья.

* * *

Не сяду весело на шумныхъ я пирахъ,
Любви не призову, друзья, въ бесѣды ваши
И съ именемъ твоимъ, о Нина! на устахъ,
Я не напѣню чаши!

* * *

Увы! протекшаго ничто не замѣнитъ,
И гдѣ я, опытный, найду очарованье?
Быть можетъ старика немного усладитъ
Одно воспоминанье.

* * *

Тогда, поникнувши сѣдою головой,
Холоднымъ зрителемъ сидя въ веселомъ кругѣ,
Я стану вспоминать о чашѣ круговой
И сердца о подругѣ.

Н. Павловъ.

XI

РУЧЕЙ УЛЬКУШЪ.

На предѣлахъ Малой Абазіи, въ долинѣ защищенной неприступными бойницами природы, быстрой ручей *Улькушъ* сливается съ горной рѣчкой *Кассадою*. Съ томнымъ журчаніемъ спѣшатъ они къ рѣкѣ *Подкумку*, которая соединясь съ *Кумою*, тихо разливаетъ потомъ воды свои по необозримой степи: однообразной и ровной какъ поверхность спокойнаго моря.—Близь того мѣста, гдѣ *Улькушъ* и *Кассада* составляютъ одинъ шумной ручей, изтекаетъ изъ нѣдръ земныхъ тотъ славной цѣлебной ключь, который отъ древнихъ обитателей окрестной пустыни получилъ пышное, но достойное титло *Нарзаны*, то есть *Богатырскаго источника*. Тонкая нить сей кислой воды, нѣсколько сажень ниже, теряется въ струяхъ соединенныхъ рѣчекъ, но даетъ имъ свое имя и отъ того вся долина извѣстна только подъ названіемъ *Нарзанской*.

Вотъ, что послужило канвою для стихотворенія *Ручей Улькушъ*. Оно написано на

берегу его, и можетъ быть, единственно тамъ имѣло нѣкоторые достоинство. — Для тѣхъ, которые не бывали на Кавказѣ, почтено необходимымъ сказать нѣсколько словъ о положеніи мѣста, о главномъ поводѣ къ сему сочиненію. Нужно еще объяснить слово: *Егоко*, въ немъ упоминаемое; подъ симъ именемъ Горскіе народы разумѣютъ своихъ Бардовъ.

Насталъ полночи молчаливой,
Успокоенья мирный часъ:
Затихнулъ вѣтерокъ игривой,
Умолкъ вечернихъ пѣсней гласъ;
Все дремлетъ, все очарованье
Вкушаетъ сладкой тишины, —
Твое лишь носится стенанье,
Ручей пустынной стороны!
Крутясь шумящею волною,
Брегами дикими стѣсненъ,
Одинъ нескромною тоскою
Тревожишь ты природы сонъ....

* * *

Какъ объяснить твое роптанье?
О томъ ли уголкѣ земли
Тебя томитъ воспоминанье,
Гдѣ родились твои струи,
Гдѣ ты блуждающей дорогой
Цвѣты въ кристаллѣ потоплялъ
Иль, ринувшись съ скалы высокой,

Зефировъ рѣзвыхъ обгонялъ,
Гдѣ гуломъ дебри оживляя,
Въ густыхъ таился тростникахъ,
Какъ сокрывается ночная
Пѣвица въ Сѣверныхъ лѣсахъ?

* * *

Или кипящій нетерпѣньемъ,
Подъ мрачнымъ сводомъ береговъ
Ты утомился заточеньемъ
И съ гнѣвомъ рвешься изъ оковъ,
Окрестъ нависшія громады
Раздвинувъ дерзкою волной,
Чрезъ побѣжденныя преграды
Летишь крылатою стрѣлой
Туда, гдѣ стелется равниной
Безбрежный океанъ степей,
Гдѣ воды властвуютъ долиной
Въ вѣнцѣ шумящихъ камышей?

* * *

Иль Богъ любви тебя волнуетъ?
Ты, страстный, слышишь: за горой
Кассада вѣрная тоскуетъ,
По той минутѣ дорогой,
Когда, обнявшися струями,
Однимъ щастливы бытіемъ,
Вы оросите брегъ слезами,
Чистѣйшимъ радости плодомъ....
Ты слышишь — и младой подругѣ
Въ трепещущихъ зыбяхъ журчишь
Про грусть несносную въ разлукѣ,
И въ изступленьи къ ней спѣшишь.

* * *

Иль нѣтъ! сынъ Альповъ горделивой
Инымъ страданьемъ возмущенъ:
Ты въ юности мечталъ счастливой,
Преодолѣвъ вражду препонъ,
Великолѣпное теченье
Рѣкой широкой простирать
И дальнихъ странъ благословенье
Въ маститой старости пожать;
Казался вѣрнымъ путь за славой, —
Но рокъ безвременно велитъ
На имя громкое все право
Нарзанѣ скромной уступить....

* * *

Не сѣтуй, другъ мой! мракъ забвенья
Не будетъ участью твоей;
Въ священный часъ уединенья
Бесѣдуя въ тиши ночей,
Ты раздѣлялъ свои печали
Съ Егокой Русской стороны, —
И струны мирныя звучали,
Твоей тоской пробуждены.
Улькуша имя пронесется
На отдаленныхъ берегахъ,
И стонъ твой тихій отзовется
Во всѣхъ чувствительныхъ сердцахъ.

С. Н.

Кисловодскъ,
18 Августа, 1823.

XII.

КОННАЛЪ и ГАЛЬВИНА.

(Отрывокъ изъ Поемы: Фингалъ).

Свершивъ труды войны счастливой,
Минутный гость родныхъ лѣсовъ,
Конналъ со стаей рѣзвыхъ псовъ
Бродилъ въ пустынѣ молчаливой;
На высоты угрюмыхъ скалъ
Взбирался дикою тропою
И тамъ, внезапною стрѣлою
Свирѣпыхъ вепрей поражалъ.

Въ ловитвѣ, въ полѣ грозныхъ боевъ
Нигдѣ Конналу равныхъ нѣтъ:
Его стремленье — рядъ побѣдъ,
Его десница — смерть героевъ!

Но взоръ, какъ небо, голубой,
Уста и свѣжія ланиты,
Румянцемъ дѣвственнымъ покрыты
Гальвины нѣжной и младой
Плѣнили дикаго Конналa;

Дщерь Комла, цвѣтъ Морвенскихъ дѣвъ,
Душой героя овладѣвъ,
Сама любовь къ нему познала.

Съ тѣхъ поръ ихъ радостные дни
Текли въ безпечности невинной;
Такъ межъ цвѣтовъ ручей пустынной
Катитъ прозрачныя струи.

Но врагъ Конналa дерзновенный,
Грималъ ихъ счастье отравилъ,
Онъ взоръ на дѣву устремилъ
Безумной страстью воспаленный.
Бродя съ утеса на утесъ
И протекая горъ вершины,
Онъ ждалъ застѣнчивой Гальвины,
Какъ серны ждетъ коварный песъ.

Однажды въ густотѣ тумана,
Конналъ, сокрывшись отъ друзей,
Притекъ съ подругою своей
Въ пещеру храбраго Ронана.
Тамъ, на разрушенныхъ стѣнахъ
Висѣли копья, стрѣлы, латы
Въ углу лежалъ шеломъ косматый
И щитъ, поверженный во прахъ.

Конналъ.

Покойся здѣсь, моя Гальвина!
На высотѣ кремнистыхъ скалъ
Я видѣлъ серну.....

Гальвина.

А Грумалъ?.....!

Сей грозный сынъ снѣговъ Ерина?
Онъ часто знойною порой
Приходитъ здѣсь искать прохлады;
Меня страшатъ Грумала взгляды.....

Улыбкой отвѣчалъ герой
Роптанью дѣвы боязливой,
Взялъ лукъ — и къ сернѣ полетѣлъ.
Среди мечей, кольчугъ и стрѣлъ
Одна въ пещерѣ молчаливой
Гальвина думала о немъ
И, молча въ слѣдъ ему взирала;
Потомъ надѣла шлемъ, забрало,
Сокрыла перси подъ щитомъ
И гордо витязю явилась.

Едва узрѣлъ врага Конналъ,
Онъ вспыхнулъ, гнѣвомъ запылалъ
И въ мигъ стрѣла его вонзилась
Гальвинѣ въ грудь, сквозь крѣпкій щитъ:
Онъ кровью дѣвы обагрился,
Съ главы шеломъ ея скатился,
Копье изъ рукъ ея скользитъ, —
И ктожь, сей мнимый сынъ Ерина,
Терзаясь, плаваетъ въ крови?....
Конналъ!.... предметъ твоей любви:
Твоя прекрасная Гальвина!

Покинувъ дѣвы хладный прахъ,
Простясь на вѣкъ съ родной страною,
Конналъ кипѣлъ одной войною
И смерть нашелъ въ бояхъ!

В. Вердеревскій.

XIII.

АДО.

(*Естонская Повѣсть*).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Воскресните въ моей памяти лѣса дикіе, угрюмые! Вы, ели до небесъ восходящія, сосны темнозеленыя, вѣковыя дщери Естоніи; тундры, блата непроходныя — нынѣ вспоминаю васъ! Тебя, мрачное Ульви; тебя, холмъ Авинòромскій, препоясанный извивистымъ ручьемъ; тебя песчанный Неналь, тебя, Чудское бурное озеро! — Съ бреговъ Невы изъ пышныхъ стѣнъ Петрополя, пренесенный младенцемъ на брега Пейпуса, во вѣки не забуду градищъ твоихъ, земля моихъ предковъ! твоего первобытнаго племени, обычаевъ, нравовъ, преданій твоихъ! Ни Рейнъ и скаты его попокрытые развалинами замковъ рыцарскихъ, виноградниками, многолюдными градами и селеніями; ни Кавказъ, превосходящій Альпы высотою, убѣленный вѣчными снѣгами, простирающій на Югъ Арагвскій водопадъ и на Сѣверъ водопадъ Терекскій; ни сладост-

ный Гурджистанъ (*); ни Провансъ столь же сладостный — не могли изгладить изъ моего воображенія картинъ, поразившихъ меня въ тѣ лѣта, когда начинаешь чувствовать, но еще не понимаешь ни себя, ни міра тебя окружающаго.

Было время, когда сіи пустынныя мѣста были еще пустыннѣе, когда пасмурная природа Естоніи являлась еще пасмурнѣе, когда ея мощные обитатели не знали ни Саксонскаго ига, ни кроткаго ученія Христова. Сохранились по сю пору сказанія о сихъ вѣкахъ независимости и силы. Тогда два Кудесника, жрецы Юмалы (**) жили здѣсь, одинъ на холмѣ Авинѝромскомъ, другой въ долинѣ: *Майцма*, у подножія онаго. Сосѣди благоговѣли предъ ними и страшились ихъ: но ихъ имена поглотило забвеніе. При захожденіи солнца, говоритъ преданіе, вставалъ Кудесникъ Авинѝромскій, да затворитъ желѣзныя врата своего тына дубоваго и скрыпъ ихъ слышался въ долинѣ: тогда Майцмаскій клевретъ его вскакивалъ съ ложа и спѣшилъ къ своимъ вратамъ желѣзнымъ же. Сихъ исполиновъ-волшебниковъ давно уже не было. При исходѣ Тормскихъ лѣсовъ въ послѣдній разъ Адо и Суръ, потомки ихъ, Еманды (***) племенъ Пей-

(*) Грузія.

(**) Юмала — Зевсъ Чудскихъ племенъ.

(***) Старшины.

пускихъ, сражались съ меченосцами и съ Латышами, ихъ подручниками. Убальдъ Логузъ, ненавистный пришлецъ и съ нимъ Икскулъ, крещенный вождь Леттовъ, жителей Двинскихъ, побѣдили ихъ. Суръ былъ стоптанъ конемъ Убальда; плѣненный, онъ отрекся отъ боговъ своего отечества: Суръ сталъ называться Индрикомъ. Убальдъ послалъ его въ Ульви своимъ старостою (Кубьясомъ); Маймесы прозвали его Ульви-Графомъ, и самые Саксы, издѣваясь, не рѣдко честили его тѣмъ же именемъ. Между тѣмъ рыцарь Логузъ, наложивъ дань на племена Пейпусскія, оставивъ монаха въ Тормѣ и стражей Латышскихъ въ окрестныхъ селеніяхъ, удалился въ Ригу къ Епископу Альберту. Емандъ Адо — сражался съ отчаяніемъ раненнаго медвѣдя въ бою Тормскомъ, сорвалъ трехъ меченосцевъ съ коней ихъ; вмѣстѣ съ частью черепа срубилъ шишакъ Мадиса, Икскулова брата; прорвался чрезъ густую толпу Латышей, трепетавшихъ его голосу и, бродивъ три дня въ дебряхъ и болотахъ, возвратился наконецъ въ полночь въ Майцму, въ жилище свое.

Теперь онъ стоялъ среди мрака предъ своимъ домомъ. Окликались караулы: то были Летты, рабы Саксонскіе. Луна прорвалася сквозь осеннія тучи и освѣтила обиталища. Ножъ сверкалъ въ рукѣ Еманда: онъ вслушался въ безмолвіе; устремилъ бдительный взоръ вдоль ручья; казалось,

ожидалъ встрѣчи, но не страшился ея. Вдругъ позади по хрупкимъ листьямъ развѣнченнаго бора, раздался шелестъ шаговъ: онъ оглянулся и видитъ: сребреный щитецъ (*) блеститъ на груди дѣвицы; бусы покрываютъ шею; черные волоса и ленты разноцвѣтныя развѣваются по плечамъ ея; онъ всматривается: такъ ето Мая, ето дочь его! „Ты ли предо мной, злополучная? Какъ уцѣлѣла ты отъ руки враговъ моихъ? Гдѣ твоя мать и братія?"

Мая. Родительница моя преселилась въ домъ Юмалы; младенцы, братья мои, за нею послѣдовали: ихъ кровь обагрила прагъ нашей хижины. Меня же исторгъ изъ среды убійцъ Норъ, сынъ Сура, обрученный мой.—

Адо. Да возметъ душу его Куратъ (**), мучитель предателей! Почто не умѣлъ онъ сражаться съ Саксами въ поляхъ Тормскихъ? — Но онъ не вѣдалъ о нашествіи иноплеменниковъ!

Мая. Уже черезъ день послѣ битвы вашей, возвратился онъ изъ за Пейпуса изъ Новаграда великаго, куда, какъ знаешь, былъ посланъ отцемъ съ добычей осенней ловитвы, съ медвѣжьей и волчьей рухлядью: съ нимъ вмѣстѣ явились Нѣмцы въ наше убѣжище.

Адо. Гдѣ же онъ?

(*) По Естонски: брецъ.

(**) Злой духъ.

Мая. Тебя отыскиваетъ Норъ въ глубинѣ бора: онъ путь свой направилъ къ градищу Лоресарскому; при восходѣ солнца будетъ ждать меня на холмѣ Авинòромскомъ, а мнѣ велѣлъ скрываться ночью за ручьемъ въ виду моей родины.

Адо. Идемъ на холмъ Авинòромскій; возвѣщу ему плѣненіе Сурово и наше посрамленіе.

Между тѣмъ псы залились лаемъ и воинъ Латышскій мелькнулъ между деревьями. Онъ былъ обращенъ къ нимъ спиною; но Адо устремился къ нему вихремъ и схватилъ его мощною рукою. „Ни слова, презрѣнный невольникъ или въ сей же мигъ свергну тебя въ бездну Парголы! (*) Проведи насъ чрезъ селеніе, окликайся за насъ; не помышляй объ измѣнѣ; ножъ мой касается твоего горла!“ И трепетный Латышъ провелъ ихъ до конца улицы; вывелъ изъ деревни и на окликъ земляковъ своихъ отвѣтствовалъ: „Св: Іоаннъ и Германія!“ потомъ, когда снялъ съ него десницу страшный Адо и пропалъ въ туманахъ изъ глазъ его, онъ въ полголоса произнесъ мольбу благодаренія Перкуну и Понтримбосу и Пиколю, (**) тайнымъ Богамъ своимъ, которыхъ новый Христіянинъ не отвыкъ призывать въ опасностяхъ, которыхъ дивные лики чудились Леттамъ еще долго по принятіи креще-

(*) Адъ.

(**) Идолы Латышскіе.

нія среди вѣтьвей сѣнолиственнаго дуба и широкаго орѣшника.

Адо и Мая ждали на холмѣ Авинòромскомъ и дождались съ новымъ солнцемъ прихода Норова; они сѣтовали вмѣстѣ о гибели отечества и оплакивали плѣнъ Сура и паденіе сыновъ Естоніи. Адо поселился здѣсь съ дочерью въ глухомъ уединеніи. Безпредѣльная среди самаго рабства приверженность Маймесовъ, суевѣріе Латышей и Нѣмцевъ обезопасили пріютъ героя-изгнанника: если до сихъ и доходили смутные слухи о близскомъ сосѣдствѣ стараго Еманда, они не смѣли отыскивать жилище храбраго, считая его грознымъ Кудесникомъ. Норъ, проживъ съ отцемъ и дочерью дней нѣсколько и соорудивъ имъ хижину, переодѣлся въ сѣрый кафтанъ Латышскій, обрилъ бороду и отправился въ Ульви, да узнаетъ жребій родителя. Скорбенъ онъ возвратился. „Адо,“ сказалъ онъ товарищу Сурову, „у меня нѣтъ уже отца, у тебя нѣтъ уже друга вѣрнаго. Ульви-Графъ Индрикъ не есть прежній Суръ; онъ рабъ и Кубьясъ иноплеменниковъ.“ — „Да будетъ проклято имя несчастнаго!“ отвѣтствовалъ Адо и погрузился въ молчаніе.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Медленно текло время на холмѣ Авинòромскомъ: Адо и Норъ скучали спокойствіемъ; въ долгія зимнія ночи они бесѣдовали

о свободѣ и отечествѣ; гнѣвъ и отчаяніе обуревали сердца ихъ: они вокругъ себя зрѣли одно малодушіе. Днемъ исходили они вмѣстѣ на бой съ медвѣдями, на ловитву лосей и лисъ. Тогда обертывали они шуйцу вѣтхимъ рубищемъ и лыкомъ, а десницу вооружали кистенемъ убійственнымъ. Они знали логовища звѣрей, стрегли ихъ, когда возвращались, и несли имъ смерть неминуемую. Напрасно косматый властитель дубравы подъемлется, напрасно двуногій идетъ имъ во срѣтеніе, превышаетъ ихъ ростомъ, простираетъ къ нимъ страшныя объятія и гнѣвный разверзаетъ пасть свою; они предаютъ зубамъ его единую длань обезопасенную, а другую съ мертвящимъ желѣзомъ вонзаютъ и обращаютъ въ его растерзанныхъ персяхъ. Не избѣгнетъ ихъ олень роговѣтвистый: они летятъ на широкихъ лыжахъ по глубокимъ снѣгамъ и дротикъ ихъ поражаетъ его крутую, гордую выю! Горе и хищному сыну Саксоніи, когда, заблудшись въ бору, съ ними встрѣтится!

Мая ужасалася суроваго своего родителя, но тщилась разгонять тяжелые туманы его горести: ея усилія оставались тщетными; съ дня на день Адо становился мрачнѣе и безмолвнѣе. Краткій сонъ его былъ прерываемъ дикими мечтаніями, не рѣдко являлись ему тѣми убіенной Тіо, ея матери и убіенныхъ младенцевъ, братьевъ ея, и онъ стоналъ, какъ бы подавленный Куратомъ; ино-

гда ему видѣлся жестокій Убальдъ: онъ сражался съ нимъ, повергалъ его на землю, погружалъ въ него ножъ и вдругъ — узнавалъ въ немъ прежняго друга, Индрика.

Но чаще провожалъ онъ ночи безъ сна: тогда и Мая не спала; сидя, за самопрялкою, она украдкою всматривалась въ черты отца и изрѣдка старалась развлечь его простою пѣснію, которую тутъ же слагала по обыкновенію дщерей своего племени. — Простые напѣвы дѣвъ Естоніи, почто нынѣ чрезъ двадцать почти лѣтъ бурной жизни отзываетесь въ слухѣ моемъ? почто тревожите душу мою смутные отголоски зимнихъ посидѣлокъ ихъ? — Быть можетъ, никогда уже не услышу языка Чудскаго; но да сохраню здѣсь одну изъ пѣсней Маиныхъ.

Государь ты свѣтлый мѣсяцъ,
Что сверкаешь въ облакахъ?
Не блистай, отецъ, надъ нами,
Не открой пришельцу насъ!

* *
*

Волкъ за хатой завываетъ:
Но я волка не боюсь!
Мнѣ ужасенъ барскій голосъ,
Голосъ твой желѣзный мужъ!

* *
*

Мадли, дней моихъ подруга,
Въ Майцмѣ — вмѣстѣ мы росли:

Ахъ! убитъ женихъ твой, Мадли;
Ты жь убійцъ его раба!

* * *

Ты для Нѣмца ложе стелешь,
На него прядешь и ткешь!
Что жь еще ты, Мадли, дышешь?
Мадли, я бы умерла!

Между тѣмъ Кубьясъ Индрикъ давно уже зналъ объ Авинòромскихъ пустынникахъ; не разъ встрѣчался онъ съ сыномъ въ глуши лѣсной; не разъ уговаривалъ его возвратиться въ Ульви и раздѣлить съ отцемъ милости побѣдителей; но пристыженный пронзительнымъ взоромъ юноши, умолкалъ и безъ препятствія отпускалъ его къ суровому Адо. — Весною Убальдъ возвратился изъ Риги: Епископъ и войсковой Магистръ назначили его своимъ намѣстникомъ въ странахъ, прибрежныхъ Пейпусу; онъ велѣлъ вырубить часть бора и при устьи ручья Авинòромскаго надъ озеромъ построилъ замокъ Логузъ и храмъ во имя Св. Іоанна Крестителя. Убальдъ расположился на житье въ своемъ помѣстьи, и вскорѣ новые Христіане стали проклинать его свинцовое владычество. — Неустрашимый Норъ являлся не рѣдко и при немъ въ окрестныхъ селеніяхъ; земляки всѣ его знали и никто не измѣнялъ ему: онъ

смѣло промѣнивалъ дичь и кожи на соль и хлѣбъ, на желѣзо и медъ и пиво Русское; знаніе языка Латышскаго и болѣе еще сѣрый армякъ Латышскій, который надѣвалъ при своихъ выходахъ вмѣсто смураго Естонскаго, обманывали властителя при нечаянной встрѣчи. Однажды поздно вечеромъ юноша возвратился бездыханенъ и трепетенъ. — „Мщеніе, старецъ!" воскликнулъ онъ, — вступая въ хижину. „Мщеніе! мѣра злодѣяній иноплеменниковъ исполнилась. Я видѣлъ отца моего простертаго на землѣ предъ входомъ храма Саксонскаго: безчеловѣчный Усальдъ велѣлъ бичевать его, ибо онъ ему не предалъ сестеръ моихъ." — „Суръ пожинаетъ жатву имъ же посѣянную!" промолвивъ Адо глухимъ голосомъ; но гибельный пламень возгорѣлся въ очахъ Еманда и длань его сжалась судорожно. — Они тутъ же вышли: полночь узрѣла ихъ въ дому Индрика. — Не опишу свиданія прежнихъ друзей, разлученныхъ бѣдствіями, соединенныхъ вящшими. — Они рѣшились снова возстать на Нѣмцевъ, свергнуть иго ихъ или погибнуть: въ слѣдующую ночь совѣщались они близъ градища Лоресарскаго и съ ними старшины Тормскій, Пасферскій, Майцмаскій, Ненальскій (*): клялись же

(*) Названія мѣстъ, лежащихъ на Сѣверо-Западномъ берегу Чудскаго озера.

заговорщики именами Юмалы, Тора, Курата, пламенемъ и мразами Парголы, клялись хранить тайну союза и признали надъ собою Адо главнымъ предводителемъ.

Норъ былъ ими посланъ въ Вениферъ, къ гостямъ Новогородскимъ и на третію ночь въ Руской ладіи поплылъ отъ Неналя по волнамъ Пейпуса, да взыскуетъ помощь Князя и посадниковъ народа, который называетъ Чудь и понынѣ Венами, т. е. братьями.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Небо было испещрено звѣздами, челнокъ скользилъ по зыбямъ озера, волны колыхались; весла Русскихъ рыбаковъ мѣрными взмахами, подобно крыльямъ, разсѣкали влагу и воздухъ. Изконни Россіяне сопровождали пѣснями труды свои: вотъ та, которою, отваливъ отъ берега, огласили они область Чудскаго озера.

Ахъ! не чайка, кружася, носится,
Не лебедь крыльями взмахиваетъ;
Плывутъ молодцы корабельщики,
Корабельщики, гости Русскіе,
Плывутъ молодцы къ Новугороду,
Къ Новугороду, ко великому!
Гой ты, батюшка, славный Новгородъ,
Гой ты городъ нашъ, бѣлокаменный,

Изукрашенъ церквями Божьими! —
Ко Святымъ мощамъ мы приложимся,
Образамъ святымъ мы помолимся;
Мы на дѣтушекъ полюбуемся,
Полюбуемся на сожительницъ,
На младыхъ дѣвицъ, на невѣстъ своихъ!
Краснымъ дѣвушкамъ подареньице —
Серги свѣтлыя красна золота;
Женамъ ласковымъ подареньице —
Платье новое, камки хрущятой!
Гой ты, батюшка славный Новгородъ!
Кто поднимется противъ стѣнъ твоихъ?
Кто возстанетъ на Бога Русскаго?

Норъ въ глубокомъ унынiи слушалъ веселую пѣснь плавателей: они возвращались на родину, въ отечество сильное и вольное; онъ покидалъ отчизну порабощенную.

„Что ты такъ призадумался добрый, молодецъ?“ сказалъ ему наконецъ атаманъ корабельщиковъ: „разгони, душа, грусть свою, кинь кручину на дно озера: спой, Маймесъ, въ свою очередь, и увидишь, какъ броситъ тебя злодѣй-тоска!“ — Норъ взглянулъ на него пристально, снова задумался и началъ прерывающимся голосомъ:

Въ даль плыву по Пейпусу
Горестный изгнанникъ;
Воспою Отечество:
Слушай, слушай странникъ! —

* * *

Наши нивы тучныя
Кони Нѣмцевъ топчутъ;
Подъ бичемъ мучителя
Старцы тщетно ропчутъ;

* * *

Дѣвы обезславлены,
Юноши въ неволѣ,
Кости нашихъ Витязей
Тлѣютъ въ чистомъ полѣ!

* * *

Въ даль плыву по Пейпусу,
Горестный изгнаникъ;
Воспою Отечество:
Слушай, слушай странникъ!

Потомъ Норъ замолчалъ и никто уже не прерывалъ его молчанія.

На холмѣ Авинѐромскомъ и въ деревняхъ окрестныхъ старшины ограждали себя, какъ умѣли отъ подозрѣній Убальда. — Они разпространяли самые ужасные слухи о градищѣ Лоресарскомъ, обыкновенномъ своемъ полуночномъ сборищѣ: сюда, говорили они, слетаются при взошествіи луны лѣсные духи и сходятся оборотни, колдуны во образѣ волковъ и псовъ и медвѣдей. Суевѣрный Убальдъ съ трепетомъ слушалъ разсказы ихъ и никто изъ Латышей и Саксовъ не смѣлъ проникнуть туда, ни взойти на холмъ Авинѐромскій, который обезопасили Есты подобными же баснями.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Норъ прибылъ въ Новгородъ. Его исканію съ начала благоприятствовали торгъ, который съ давняго времени Еманды Естонскіе вели съ Республикою, покровительство, оказываемое Чудскимъ племенамъ Рускими Князьями со времени Ярослава Законодателя и еще до его владычества, зависимость отъ Россіи, въ коей они себя признавали и старанія промышленниковъ, раздраженныхъ притѣсненіями Нѣмецкихъ хищниковъ. Держикрай, атаманъ гостей Вениферскихъ, полюбилъ юношу еще въ переѣздъ его; извѣстный Князю Ярославу Всеволодовичу, онъ нашелъ средства представить Нора сему Государю, давно уже недовольному Рижанами. — Ласковый Князь Новогородскій принялъ его благосклонно и привѣтливо. Онъ входилъ во всѣ причины, которыя молодой Естъ приводилъ ему, да вступится за Новогородскихъ данниковъ, да смиритъ строптивыхъ похитителей.

Норъ не вѣрилъ своему счастію: ему все казалось пріятнымъ, но суетнымъ сновидѣніемъ. Между тѣмъ Князь послалъ въ Переславль, въ удѣлъ свой наслѣдственный, и велѣлъ набирать пѣшихъ и всадниковъ, а на вечѣ объявилъ мужамъ Новогородскимъ: „хочу итти на Ригу ратію и посылаю въ Переславль по воинство; да и вамъ бы быть всѣмъ готовыми!“

Норъ гостилъ въ семьѣ Держикраевой.— Съ веча проводилъ онъ великодушнаго Князя до дому Ярославова; цѣловалъ руки спасителя Естоніи; называлъ его отцемъ своимъ; клялся положить за него животъ свой; не зналъ, какъ изъявить ему благодарность безпредѣльную: Князь смотрѣлъ на пламеннаго юноша, улыбался и безмолвствовалъ. — Возвращаясь въ сумерки въ свое пристанище, Норъ летѣлъ; его окрыляло восхищеніе; онъ нашелъ старика на дубовой скамьѣ подъ липою у воротъ его двора тесоваго. Съ нимъ разговаривали нѣсколько человѣкъ, въ богатыхъ кафтанахъ, въ высокихъ шапкахъ, наружности самовитой, но пасмурной. — Увидѣвъ юнаго иноземца, они взглянули на него съ усмѣшкою; встали, не допивъ кружки меду сладкаго; промолвили Держикраю: „не бывать тому.“ — Еще разъ взглянули на Нора, поклонились хозяину и скрылися. — Восторженный Норъ и не замѣтилъ ихъ страннаго обращенія.— Едва удалились они, какъ онъ припалъ до земли предъ гостепріимцемъ своимъ, обѣими руками обнялъ колѣна и облобызалъ полу одежды его. — „Великій Государь,“ воскликнулъ онъ, „въ самомъ дѣлѣ вступается за мою родину: не помню себя отъ радости; твоему предстательству, милосердый господинъ, обязаны мы спасеніемъ: да воздастъ тебѣ всещедрый Юмала!—“ Держикрай отвѣчалъ ему: „благодари Бога;

умѣрь радость свою; дождись окончанія!"

Между тѣмъ Норъ проводилъ жизнь въ Новѣ городѣ въ самыхъ пріятныхъ ожиданіяхъ: онъ уже прежде изрядно зналъ языкъ своихъ покровителей; теперь онъ еще болѣе успѣлъ въ немъ усовершенствоваться; въ скоромъ времени добродѣтели Держикраевы сильно на него подѣйствовали; онъ въ немъ видѣлъ добраго отца семѣйства, друга вѣрнаго, примѣрнаго гражданина, сосѣда миролюбиваго, снисходительнаго даже къ своимъ непріятелямъ: простый сынъ природы, Норъ нѣсколько разъ, не обинуясь, говаривалъ своему благодѣтелю: „удивляюсь тебѣ, мой отецъ; въ твоихъ жилахъ течетъ не кровь, а млеко агницы! твоя душа чище росы утренней и безмятежнѣе дремлющаго въ ведро Пейпуса: ты не таковъ какъ другіе человѣки! кто возвысилъ тебя надъ смертными, мужъ праведный?"—Тогда старецъ уводилъ его въ образную, распростирался при немъ предъ Распятіемъ и вѣщалъ: „и я испыталъ бури сердечныя! ихъ усмирилъ Искупитель, наставникъ мой и твой, если взыщешь благодать Его!" Норъ, безмолвствуя, смотрѣлъ на знакъ Божественный и однажды возразилъ въ полголоса: „ему поклоняются и наши угнѣтатели; во имя его терзаютъ насъ и проливаютъ кровь нашу! не прельщай меня,

старецъ: не промѣняю на Бога враговъ моихъ — Боговъ моего отечества!"

Держикрай. Онъ Богъ любви и милосердія: они безславятъ имя Его своими злодѣяніями; Онъ отвращаетъ отъ нихъ лице свое и не есть Богъ ихъ; но да отпуститъ имъ грѣхъ ихъ; не вѣдаютъ несчастные, что творятъ! тыжь не упорствуй и узнай законъ Его."

Норъ часто бродилъ по улицамъ великаго града, дивился его великолѣпію, многолюдству и кипящей по всюду дѣятельности. Однажды — въ день воскресный, шелъ онъ мимо Св. Софіи: изъ растворенного храма проливалось чудное пѣніе; любопытство и мѣчто другое похожее на невольное благоговѣніе влекли юношу вступить въ соборъ; онъ очнулся въ немъ окруженный народомъ безчисленнымъ. — Служилъ самъ владыка; Литургія совершалась со всѣмъ великолѣпіемъ, блескомъ и торжественностію церкви Православной. Пѣніе—самая выспренняя, самая смѣлая служительница Божія: оно глаголетъ языкомъ дивнымъ, сверьхъестественнымъ, громко возклицаетъ, воспаряетъ въ небо и утопаетъ въ радужныхъ волнахъ и молніяхъ у подножія Неизрѣченнаго. Гласъ Священнаго, бурнаго лика пламенный, величественный катится, какъ рокотъ грома по хребтамъ горъ заоблачныхъ: онъ подобенъ духамъ безплотнымъ, славящимъ Всевышняго въ странахъ неви-

димыхъ трубою суда и жизни. — Но вдругъ раздалось смиренное, глубокое, трепетное: „Господи помилуй!“ И тогда растаяло въ долгомъ, медлительно-исчезающемъ вздохѣ душа Норова. Служба кончилась; юный Естъ задумчивый возвратился въ семью Держикраеву; домовитая хозяйка и ея дочери удалились, дабы уготовить пиръ для дорогихъ гостей, родныхъ и ближнихъ своихъ. — Норъ остался самдругъ съ своимъ благодѣтелемъ и наконецъ сказалъ ему: „былъ я въ церкви, гдѣ вы Богу своему служите, и былъ въ изумленіи и не вѣдалъ, на небеси ли былъ, не вѣдалъ, на землѣ ли: ибо нѣтъ на землѣ такой красоты и благочинія! Во истину Богъ тамо съ вами пребываетъ! я же ни пересказать, ни забыть не могу вашего благочестія и дивнаго служенія Создателю: кто однажды вкуситъ сладкое, чуждается горечи: научи меня чудному закону вашему!“

Держикрай потомъ часто съ нимъ бесѣдовалъ объ высокихъ истинахъ Христіянства, а спустя два мѣсяца, былъ его воспріемникомъ при принятіи Святаго Крещенія.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Къ Иванову дню собрались въ Новѣгородѣ воины Переславскіе; Ярославъ Всеволодовичъ поднимался въ походъ: посадни-

ни же все еще медлили, граждане все еще не вооружались. — Не рѣдко слышался ропотъ по стогнамъ; народъ казался недовольнымъ и встревоженнымъ. Юрій (такъ сталъ называться Норъ, омовенный водою искупленія) нѣсколько разъ представлялся Князю и просилъ, да получитъ позволеніе возвратиться къ землякамъ своимъ, чтобы возвѣстить имъ наступающую помощь великаго города: онъ слышалъ отвѣты нерѣшительные, оставлявшіе его въ величайшемъ недоумѣніи; самая благосклонность къ нему Ярославова, казалось, уменшилася. Держикрай сколько могъ утѣшалъ и поддерживалъ своего сына крестнаго: „другъ мой," говорилъ онъ ему, „помни слова Царя-Пророка: не надѣйтеся на князи, ни на сынове человѣческіе! возложи свою надежду на Всевышняго!"

Однажды ночью прибыли послы иногородные; остановились же послы не въ устроенной для ихъ принятія гостинницѣ, но въ дому Никифора Дурова, надмѣннаго посадника, всегдашняго врага власти Княжеской и рода Всеволодова. — До самаго разсвѣта горѣли огни въ терему его, входили туда и выходили Люди Житые, именитые граждане, Тысяцкіе, Бояре Новогородскіе и гости чужестранные. Едва занялась заря и ударили въ набатъ: бурныя волны народа хлынули со всѣхъ сторонъ и покрыли тор-

жище; собралось вече. Посадникъ открылъ оное слѣдующею рѣчью:

„Господинъ Князь Ярославъ Всеволодо-„вичъ и вы мужи братія, люди Новогород-„скіе! созвалъ ты, Князь, въ городъ нашъ „своихъ ратниковъ Переславскихъ, а намъ „повѣдалъ: се прислали ваши данники, Чудь „и Ямь и Ливы къ вамъ по помощь на куп-„цевъ Рижскихъ и Рыцарей Нѣмецкихъ: ибо „тѣ гнѣтутъ ихъ и себѣ въ неволю обра-„щаютъ и берутъ съ нихъ дани неправыя. „Слова же твои, Господинъ Князь, не „оправдилися: не на Нѣмцевъ хотѣлъ ты „идти ратію, но еще до прибытія Юрія „Норова, сына старосты Чудскаго, велѣлъ „трубить въ походъ въ землѣ Переслав-„ской и въ области Перемышлской и въ „странахъ Низовыхъ: то повѣдали намъ „наши лазучики. А полкъ твой—на Псови-„чей, нашихъ братаничей, дядей и сродни-„ковъ: мы же тебѣ не выдадимъ нашей бра-„тіи. — И не реки намъ: лживое на меня „возводите поношеніе! помнимъ мы, Го-„сподинъ Князь, какъ на Филипповъ постъ „пошелъ ты изъ Новагорода во Псковъ и „хотѣлъ взять городъ ихъ лестію: Пско-„вичи же не впустили тебя и возвратился „ты и вѣщалъ намъ и Преосвященному „Владыкѣ нашему: пошелъ, было, я во „Псковъ съ миромъ и любовію, хотѣлъ да-„рить Псковичей и они меня избезчество-„вали; се днесь на нихъ печаленъ и скорбенъ

„я. — Въ слѣдъ за тѣмъ, (ни кто еще ни „помышлялъ здѣсь объ Чудскихъ нашихъ „данникахъ), въ слѣдъ за тѣмъ, повторяю „я, сталъ ты на войну готовиться. Мы „же видѣли мысль твою и потому не спѣшно „творили твоего повелѣнія, Ярославъ Все„володовичь; и когда Псковичи на тебя за „едино, убоявшись, съ Рижанами совоку„пилися, утвердились стоять вмѣстѣ въ „единомысліи и пролить другъ за друга „кровь свою, когда прибылъ сюда Норъ, „сынъ Индрика и ты извѣдалъ силу Пско„вичей, нашихъ братіевъ; тогда ты по„слалъ къ нимъ Боярина, вѣщаючи: хощемъ „идти съ Новогородцами на Ригу; идите „съ нами! но и тутъ не отложилъ ты ко„варства и пагубы нашихъ сродниковъ! — „Нынѣ услышь, что они отвѣтствуютъ „на твое посланіе!“

Въ продолженіи всей рѣчи посадника лице Князя измѣнялось: онъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ, отъ ярости его брови соединялись, глаза сверкали, уста сжималися; нѣсколько разъ хотѣлъ онъ вспрянуть и сорвать крамольника съ холма Вадимова; но онъ зрѣлъ себя окруженнымъ буйною чернію, отдѣленнымъ отъ своей Переславской стражи; вѣрной Бояринъ Ѳеодоръ шепнулъ ему, что она частію обезоружена, частію уже изшла изъ города, и Князь пребывалъ на своемъ сѣдалищѣ. Главный по-

солъ Псковичей смѣнилъ посадника и обратилъ слово къ Князю Новогородскому.

„Господинъ нашъ, Ярославъ Всеволо„довичъ, ты вѣдаешь, всѣ мы единое Ада„мово племя, и вѣрные и невѣрные; но и „съ невѣрными не право безъ вины брань „творить! Будемъ и съ ними жить въ мирѣ; „только къ безвѣрію и беззаконію ихъ не „приложимся: пусть узнаютъ они наше „житіе, любовь и смиреніе и пріидутъ въ „богоразуміе и всѣ спасены будемъ благо„датію Христовою и Пречистой Его Ма„тери! А ты Князь, столь мудрый и бла„гомысленный, велишь намъ воевать Ри„жанъ, насъ ни чѣмъ необидившихъ!“ —

„Вы мнѣ ругаетесь, измѣнники!“ воскликнулъ Ярославъ, побѣжденный негодованіемъ. „Вы мнѣ за то дорого заплатите! Мужи Новогородскіе, или потерпите, чтобы здѣсь союзники враговъ моихъ сыпали хуленія на Князя вашего?“ — Тысяцкій Ивачъ Смѣлый прервалъ гнѣвнаго: „Мы служимъ Пречистой Богородицѣ, Господинъ Князь, и другъ за друга главы свои складываемъ! Вамъ, Князьямъ, кланяемся; но съ братіею своею, съ Псковичами, живемъ мирно: нынѣ Псковичи не хотятъ съ тобой на Ригу идти ратію; и мы, Князь, нейдемъ; разпусти свое воинство; не кромольствуй на нашихъ сродниковъ!“ И въ одинъ голосъ все торжище повторило: „нейдемъ на Ригу! распусти свое воинство!“

Тогда Князь безгласный, смущенный, трепещущій отъ негодованія, оставилъ шумное вече. Въ лицѣ Юрія Новогородцы почтили посла иностраннаго: никто не обидѣлъ его ни дѣломъ, ни словомъ, и онъ безъ препятствія вступилъ въ домъ своего гостепріимца.

Всѣ надежды несчастнаго юноши были разрушены: кто опишетъ его отчаяніе? Оно превышало всякую мѣру; слово человѣческое слишкомъ слабо, дабы изобразить его; но слово Божественное, утѣшенія вѣры не дали совершенно пасть душѣ злополучнаго. — Скажемъ мимоходомъ, что въ Посадникѣ и въ Тысяцкомъ, сокрушившихъ всѣ его упованія, онъ узналъ двухъ изъ тѣхъ мужей, которыхъ при началѣ своего пребыванія въ землѣ Русской однажды засталъ бесѣдующихъ съ Держикраемъ и которыхъ немилость къ себѣ могъ бы уже тогда узнать изъ ихъ поспѣшнаго удаленія. Держикрай давно уже предчувствовалъ неудачу, грозившую его юному другу; но онъ еще надѣялся и по сему, хотя не увѣщевалъ его быть готовымъ ко всему, не открывалъ ему своихъ опасеній.

Вечеромъ услышали въ городѣ, что прибыли къ Князю гонцы и увѣдомили его о насильствахъ, учиненныхъ Псковичами его подданнымъ, жившимъ между ними, услышали, что Ярославъ еще разъ совѣщался съ старшинами Новогородскими; но не

успѣлъ преклонить ихъ и выѣхалъ въ Переславской удѣлъ свой.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Осень наступила; жатву съ окрестныхъ полей уже убрали; уже дикіе гуси проносились длинными станицами надъ Новымъ-городомъ отъ озеръ Онежскаго и Ладожскаго и отъ моря Бѣлаго; листья на древахъ рѣдѣли и цвѣтъ ихъ измѣнялся: Юрій сталъ тосковать по отечествѣ; но рыбаки Русскіе все еще не отправлялись на зимній промыселъ къ брегамъ Пейпуса. И для Руси настало время грозное: языкъ незнаемый, о коемъ никто не вѣдалъ, кто онъ и откуда, племя, къ которому примѣняли древнее пророчество, вѣщающее: „въ концѣ лѣтъ и временъ изыдутъ изъ „пустыни варвары и поплѣнятъ всю землю „отъ Востока до Сѣвера и до моря Понтійскаго;“ люди страннаго лице-начертанія, неукротимые въ набѣгахъ, страшные въ самомъ бѣгствѣ, безчисленные, какъ тучи пругъ, ниспадающихъ на ниву грѣшника, словомъ—Татары явились близь рубежей Русской области. Ихъ первое нашествіе минуло: холмы и долины, омываемые Калкою намокли кровію Россіянъ, обитателей странъ полуденныхъ; Князья ихъ или пали на полѣ битвы, или плѣненные

скончали жизнь въ неслыханныхъ мученіяхъ; но Сѣверъ и Востокъ по сю пору только по слуху знали неистовыхъ и — (ослѣпленіе непонятное!) ослабѣвали въ междуусобіяхъ. Нынѣ же Татары снова ворвались въ Православную землю и чреда гибели уже наступила и для Княжествъ, лежащихъ къ полуночи: братъ Ярославовъ, Великій Князь Суздальскій, принялъ вѣнецъ мученическій; до него погибли Князья Рязанскіе, Муромскіе, Пронскіе и во Владимірѣ все семѣйство его. Недоумѣніе, страхъ и трепетъ нашли на всѣхъ и поглотилася премудрость могущихъ и сердца крѣпкихъ преложились въ слабость женскую. Вся земля исполнилась ужаса. Полчища злодѣйскія разрушили Дмитровъ, Переславль, Тверь, Торжокъ и се уже двинулись къ Нову городу. Исторіи принадлежитъ повѣствованіе о незапномъ и чудномъ отступленіи Батыя отъ стѣнъ Богомъ хранимаго града.

Юрій еще находился въ ономъ при распространеніи первыхъ слуховъ о приближеніи варваровъ; и сіи слухи замедляли отъѣздъ промышленниковъ и его отбытіе въ Естонію, куда стремился онъ въ мечтахъ мучительныхъ, да умретъ, по крайней мѣрѣ, участникъ покушеній великодушныхъ соотчичей.

Что происходило между тѣмъ въ странѣ Запейпусской? — Нѣсколько мѣсяцевъ заговорщики умѣли сокрыть свою тайну отъ

подозрѣній Убальда и его подручниковъ: но мало по малу стала доходить до него смутная молва объ ихъ сходбищахъ, объ отлучкахъ старѣйшинъ деревень ему подвластныхъ. Кромѣ того между Нѣмцами и Латышами распространился и вскорѣ подтвердился слухъ, что Кудесникъ холма Авинорожскаго никто иное, какъ Адо, считавшійся доселѣ убитымъ вождь Естонскій. — Какъ скоро Рыцарь въ томъ увѣрился, онъ престалъ страшиться того, въ комъ предполагалъ грознаго, могущаго волшебника, но позналъ врага побѣжденнаго.— Наконецъ онъ открылъ градище Лоресарское, провѣдалъ объ назначенномъ тамъ сборищѣ, дождался въ засадѣ прихода тайныхъ идолопоклонниковъ, соорудившихъ въ сей дебри истуканы свои и пришедшихъ нынѣ туда для жертвоприношенія; выскочилъ при самомъ начатіи ихъ обрядовъ; перваго Сура поразилъ на смерть дротикомъ и полонилъ прочихъ, безоруженныхъ незапнымъ ужасомъ, не вѣрившихъ глазамъ своимъ, что среди сонма своего видятъ грозный гребень шишака, бѣлый плащъ и вышитые на немъ крестообразно красные два меча кавалерскіе. Въ числѣ несчастныхъ плѣнниковъ находился и Адо, въ жреческомъ облаченіи, совершавшій приношеніе.— По обыкновенію того времени, продолжавшемуся въ отечествѣ Латышей Курскихъ даже до самаго ихъ принятія подъ Россій-

ское подданство, посреди каждаго двора Рыцарскаго находилися плаха и топоръ; каждый помѣщикъ, не относясь ни къ кому, могъ безъ всякаго суда предавать смерти любаго своего подданнаго, навлекшаго на себя его негодованіе. — Предъ замкомъ Убальда пески Лагузскіе испили кровь главныхъ заговорщиковъ: главы ихъ были восхищены на копья и выставлены предъ въѣздомъ въ тѣ селенія, въ коихъ они прежде начальствовали; ихъ сродниковъ тиранъ повелѣлъ повѣсить на деревьяхъ въ лѣсу Авинòромскомъ. Однаго Адо сберегъ безчеловѣчный, да предастъ вѣдуна и жреца идоловъ пылающему костру по приговору духовному. — Предсѣдателемъ суда, долженствовавшаго рѣшить участь злополучнаго, былъ Доминиканецъ, Пріоръ Дерптскаго, Маріинскаго монастыря: онъ тогда находился въ Ригѣ при дворѣ Епископскомъ: вотъ, что замедляло казнь Адову. Заутро по плѣненіи отца ея, Мая ждала, ждала и не дождалась прибытія родителя; вмѣсто его явились латники Латышскіе, схватили ее и повлекли къ жестокому повелителю. — Къ счастію сотникъ ихъ былъ юноша, который до нашествія Нѣмцевъ еще младенцемъ пользовался однажды въ сопровожденіи своего отца гостепріимствомъ Адовымъ. — Михаилъ — такъ назывался онъ теперь — знавалъ Маю еще въ пеленахъ; теперь узрѣлъ ее снова совер-

шенною, прелестною дѣвою. — Сердце его воспылало незапнымъ пламенемъ: онъ рѣшился спасти ее. — Воины прибыли въ Логузъ: Михаилъ предсталъ лицу своего властителя и вѣщалъ ему, указывая на плѣнницу: — „Милосердый Господинъ, въ Тормскомъ бою я дважды отбилъ сѣкиру Естонскую, несшую тебѣ смерть; сопровождая тебя на ловитву, мнѣ удалось удушить подшубнаго старца, (*) огромнаго медвѣдя, уже стащившаго тебя съ коня; ты мнѣ тогда благоволилъ сказать: если чего пожелаешь, Михаилъ, отъ меня смѣло требуй! — И вотъ настала пора, Государь мой; я узналъ желаніе: пощади сію дѣвицу, не казни ее; но выдай ее за меня, за твоего слугу вѣрнаго!“

Зима жизни, суровая старость уже убѣляла власы Убальда; онъ съ своего девятаго надесять года находился въ полку неискусобрачныхъ Витязей, воителей Христовыхъ; но онъ осквернялъ санъ свой, ежедневно нарушалъ клятву, налагающую на него цѣломудріе иноческое и разливался распутствомъ. — Вѣтхій сластолюбецъ взглянулъ на Маю и кровь его взволновалась; но онъ Михаилу рекъ съ улыбкою: „Мой другъ, сія невѣрная ненавидитъ нашъ божественный законъ: ты самъ еще не давно утвердился въ немъ; страшусь,

(*) Названіе, которое по сю пору многія Финскія племена даютъ медвѣдю.

да не вовлечетъ тебя въ отступленіе, въ грѣхъ, ни чѣмъ неискупимый! — Я твой воспріемникъ; я предъ Богомъ отвѣчаю за душу твою и не могу согласиться тотъ часъ на бракъ вашъ! Но жизнь ей дарую: пусть она пробудетъ въ замкѣ моемъ; мой духовникъ обратитъ ее въ вѣру истинную: потомъ она будетъ тебѣ женою!"

Михаилъ понялъ своего властителя, устремилъ на него взоръ пылающій, принудилъ его потупить пристыженныя очи и въ душѣ поклялся ему въ непримиримой ненависти; но прикрылъ на время ярость свою личиною покорности.

Между тѣмъ Мая находилась во власти изверга: онъ съ начала былъ увѣренъ въ легкой, неминуемой побѣдѣ; но неожиданно встрѣтилъ отчаянное сопротивленіе. — Гнѣвъ и вожделеніе попремѣнно волновали и дѣлили перси Убальда: онъ то грозилъ своей плѣнницѣ, то пресмыкался предъ нею; но всегда встрѣчалъ равное презрѣніе. Наконецъ онъ ей предложилъ свободу отца наградою за ея посрамленіе. — Тогда злополучная смутилася. — „Убальдъ!" сказала она: „я принадлежу моему родителю: веди меня къ нему!" — Ихъ свиданіе было ужасно: она застала несчастнаго старца, неукротимаго сына вольности въ глухомъ, смрадномъ погребѣ, обремененнаго оковами. — Когда узналъ Адо для чего предъ

нимъ дочь его — онъ ее обнялъ, впервыя въ жизни зарыдалъ и вѣщалъ, лобзая руки ея: „дитя мое! ты оказала силу, превышающую полъ твой! Признаюсь, я считалъ тебя уже погибшею для чести! Будь тверда! Своимъ безславіемъ не спасешь меня: умри свободною, чистою моею дщерью!“

Ихъ бесѣду подслушалъ Михаилъ: онъ видѣлъ, какъ тюремщикъ, его дядя, привелъ дѣвицу и предложилъ ему проводить ее обратно къ Убальду; сей, зная благосклонность къ нему Рыцаря, безъ затрудненія согласился и оставилъ племянника у входа темничнаго. — „Ты не умрешь, великодушная!“ воскликнулъ онъ, врываясь къ нимъ: „во что бы ни стало, спасу тебя! — Дождись моего возвращенія!“ — Съ сими словами, онъ снова бросился вонъ изъ подвала и въ два мига возвратился съ мужскою одеждою. — „Теперь ты свободна, дѣвица! Кафтанъ сей обратитъ тебя въ отрока — никто не узнаетъ тебя!“ сказалъ онъ ей.

Мая. Избавь моего родителя! Не помышляй обо мнѣ, юноша!

Михаилъ. Твой отецъ тремя толстыми желѣзными обручами въ обхватъ прикованъ къ стѣнѣ; наши соединенныя усилія не сломятъ ихъ. Скорѣе тебя, его откроютъ при выходѣ!

Мая. Еще разъ молю тебя: не помышляй обо мнѣ! Будь его хранителемъ! — Знаю твою милость ко мнѣ. Злополучная,

не могу отвѣчать на любовь твою: мое слово дано: ни за что не измѣню ему! Оставь меня, великодушный юноша!

Михаилъ взглянулъ на прекрасную; его взоры темнѣли и сверкали; онъ готовъ былъ удалиться: наконецъ сказалъ ей трепещущимъ голосомъ: „найди средства избавить своего родителя; вѣрь, во мнѣ найдешь помощника! Жизнь его на два, на три мѣсяца обезопасена: его долженъ судить Пріоръ Дерптскій, который возвратится изъ Риги не прежде, какъ при наступленіи зимы! Ищи друзей и покровителей въ Россіи!“ — Мая еще долго упорствовала; долго еще заклинала его предпочесть ей родителя: увѣщанія и просьбы Михаиловы, — просьбы, приказанія самаго Адо въ первый разъ на нее не дѣйствовали; она только тогда рѣшилась изыдти за своимъ избавителемъ, когда убѣдилась, что нѣтъ другаго средства спасти старца.

Она опомнилась на брегу озера: Михаила уже предъ нею не было. Долго стояла она бездыханна, трепетна; наконецъ пошла вдоль по Пейпусу и въ полночь узрѣла Неналь и рыбачьи суда Русскія. Полновѣсный кошелекъ, подарокъ Михаила, который нашла въ своемъ карманѣ, чрезъ три дня доставилъ ее въ Новгородъ. Не зная языка, она не могла отыскать Юрія и уже, быть можетъ, начинала думать, что въ узахъ какой нибудь прекрасной Русачки онъ

забылъ и несчастное отечество и бѣдную Маю.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Однажды за городомъ при потухающей зарѣ вечерней Юрій сидѣлъ на склонѣ покатыхъ бреговъ Волхова и задумчивый слѣдовалъ глазами за его теченіемъ. Давно уже не говорилъ онъ языкомъ своей родины, давно уже звуки онаго не ласкали слуха юноши; нынѣ въ уединеніи напѣвалъ онъ заунывную пѣснь Естонскую:

На брегу чужой рѣки
Одинокъ тоскую;
Грустно въ дальной сторонѣ
Воду пить чужую! —

* * *

Ахъ! за чѣмъ я не соколъ?
Полетѣлъ бы къ милымъ!
Въ ихъ дремучіе лѣса,
Къ ихъ холмамъ унылымъ! —

* * *

Въ тѣ мѣста, гдѣ злой пришлецъ
Зритъ, смѣясь, ихъ слезы;
Гдѣ одна глухая ночь
Слышитъ ихъ угрозы! —

* * *

Полетѣлъ бы я туда,
Къ нимъ, къ роднымъ въ объятья! —
На пришельцевъ бы восталъ!
Съ вами бъ умеръ, братья!

Едва онъ кончилъ послѣдній стихъ своей жалобы, какъ вдругъ поразилъ его голосъ знакомый и сладостный; онъ пронесся надъ водами, какъ невидимый духъ, какъ вѣтерокъ, струящій зеркало ручья ему знакомаго, какъ тужащая душа плѣненнаго Отечества:

На брегу чужой рѣки
Ты почто тоскуешь?
Норъ, воздвигнись! потеки!
Вспомни край родимый!

* * *

Что ты медлишь, храбрый Норъ?
Насъ пришлецъ терзаетъ!
Варваръ долы, лугъ и боръ
Кровью напояетъ!

Юрій вскочилъ, озирается, рукой касается чела и очей, не знаетъ, спитъ ли или бодрствуетъ; но онъ еще разъ устремляетъ взоры: предъ нимъ прекрасный юноша, по одеждѣ его соотечественникъ; мягкіе, черные, какъ смоль, локоны падаютъ на рамена изъ подъ круглой синей шапочки, плотно касающейся главы его; темный кафтанъ опоясанъ широкимъ ремнемъ,

украшенный большими сребренными пряжками; шея блестящей бѣлизны открыта; грудь плотно застегнута; ноги покрыты обувью изъ коры древесной. — Въ третій разъ Юрій всматривается въ юношу и узнаетъ его: предъ нимъ Мая, дщерь Адова!

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Юрій привелъ своего друга въ домъ Держикрая; повѣдалъ ему и вмѣстѣ съ нимъ оплакалъ жребій своего отца; сказалъ опасность, въ которой находится отецъ Маинъ и объявилъ, что, не медля, отправляется въ Логузъ для его избавленія.— „Благословляю тебя, сынъ мой!" вѣщалъ ему старецъ. — „Иди, куда зоветъ тебя долгъ твой! выслушай меня: Богъ послалъ тебѣ неожиданныхъ союзниковъ. — Хищный сосѣдъ нашихъ отдаленныхъ волостей Пургасъ, Князь Мордовскій учинилъ, какъ знаешь, набѣгъ на страну нашу; нашимъ витязямъ удалось одолѣть его; онъ отступилъ и съ своею дружиною побѣгъ въ землю Ямскую. Ямь сопредѣльна вамъ; иди въ станъ народа, говорящаго съ вами языкомъ для васъ понятнымъ, народа вамъ одноплеменнаго; прельсти вождя ихъ богатствами замка Убальдова; убѣди его освободить отца Маина!"

Восходящая заря застала Юрія и подругу его на пути въ станъ Пургасовъ.

Между тѣмъ въ Логузѣ царствовало веселіе: Рыцарь угощалъ Пріора Дерптскаго, возвратившагося изъ Риги, пріѣхавшаго гостить къ нему.—Сосѣдственные дворяне и братья Ордена съѣхались въ замокъ Убальдовъ; вино, медъ и пиво лились рѣкою; ристалище для турнировъ открылось; храбрые состязались; побѣдители получали награды изъ рукъ красоты, боярышни Аделаиды Анрепъ, племянницы Рыцаря, прибывшей въ Логузъ съ своими родителями. — Залетный посѣтитель—пѣвецъ явился въ сонмѣ неукротимыхъ воиновъ и на мигъ смягчилъ желѣзныя души ихъ; даже Убальдъ, казалось, забылъ свирѣпость свою и отложилъ судъ и казнь несчастнаго Адо къ самому отъѣзду настоятеля; или, можетъ быть, считалъ ихъ лучшимъ празднествомъ, долженствующимъ возложить вѣнецъ на всѣ прочія и для того берегъ для окончанія. — Однажды Рыцари, боярыни и боярышни собрались въ сумрачномъ терему и обстали пѣвца-странника, рожденнаго при благословенныхъ водахъ Некара. — Юноша хотѣлъ имъ воспѣть любовь и счастіе; но его волновало смутное предчувствіе: Поетъ всегда пророкъ. — Вѣтеръ завывалъ и нылъ въ высокихъ трубахъ замка; облака преждевременно потушили свѣтильникъ солнца и томный день, проливавшійся

въ остроконечныя, покрытыя живописью окна — превратился въ блѣдное мерцаніе; чудно выставляли изъ мрака лики свои предки Убальдовы, вызванные изъ гроба дикою кистью младенчествующаго художника: они, казалось, хотѣли провѣщиться языкомъ инаго міра; всеоружія, висѣвшія между сими изображеніями, въ невѣрномъ свѣтѣ, являлись, будто вмѣщаютъ ожившія, дышущія тѣла богатырей минувшаго времени, готовыхъ шагнуть въ среду веселящихся потомковъ своихъ.— Невольная боязнь прокралась въ сердца всѣхъ: пѣвецъ долго безмолвствовалъ; наконецъ нѣсколько рѣзкихъ, угрожающихъ чѣмъ-то звуковъ предвѣстили голосъ его; глава его склонилась на перси, снова подъялась; вдохновенные очи вспылали; восторгъ и ужасъ подъяли власы его.

Душа моя полна боязни!
Однажды долгу измѣнивъ,
Злодѣй не минетъ поздней казни:
Судъ Божій справедливъ!

* * *

Пусть былъ рѣшителемъ сраженій,
Высокой башней среди сѣчь:
Вдругъ сломится, какъ ледъ весенній,
Въ его десницѣ мечь!

* * *

Какъ жатву зрѣлую, Каратель
Пожнетъ главы его друзей;

Ихъ жизнь невѣдомый предатель
Погубитъ въ цвѣтѣ дней!

* * *

Увы! почто пѣвецъ оставилъ
Твои струи, родной потокъ?
Почто въ чужбину путь направилъ?
Я рабъ твой, грозный рокъ!

* * *

Дѣля безпечно хлѣбъ надмѣнныхъ,
Смиренный дѣлитъ жребій ихъ, —
Судьбу на гибель обрѣченныхъ,
Возданье дѣлъ чужихъ!

Вдругъ струна на арфѣ лопнула: онъ вспрянулъ блѣдный, трепетный; въ слѣдъ за нимъ, объятые быстрымъ страхомъ, вскочили витязи, боярыни, боярышни.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Вверьхъ по крыльцу, за высокими стеклянными дверьми, незапно услышали вопль, стукъ и грохотъ оружія. — Рыцари не успѣли обнажить мечи, какъ уже вторглась густая толпа Пургасовыхъ дикихъ воиновъ и мятежные подданные Убальда: ихъ вожатыми зрѣлись Юрій, Мая, Михаилъ, исчезнувшій изъ замка въ день освобожденія дщери Авиноромскаго пустынника и ужасный Адо, обезображенный

полугодовымъ заточеніемъ, вооруженный топоромъ и оборвью оковъ своихъ. — Первый палъ пѣвецъ, пораженный самимъ Пургасомъ: думалъ ли потомокъ Каттовъ, возростая среди виноградниковъ своей отчизны, что погибнетъ отъ сѣкиры уроженца Приволжскаго? — Михаилъ устремился на Убальда: ихъ чингалища взвились и звукнули; Леттъ, пронзивъ перси своему наставнику въ военномъ дѣлѣ, былъ имъ пронзенъ въ тотъ же мигъ въ перси же: оба пали; Михаилъ испустилъ послѣднее дыханіе; Рыцарь возстеналъ, но жизнь его еще не покинула. — Адо повергъ на землю обмирающаго отъ ужаса настоятеля: вдругъ, кто-то отвелъ смертоносный ударъ его; онъ оглянулся яростный и узрѣлъ Юрія; всмотрѣлся въ него, объятъ изумленіемъ, но снялъ съ трепещущаго инока шуйцу, которою придавилъ его къ помосту, готовясь исхитить жизнь его. — „Сдайтесь!" потомъ воскликнулъ юноша: „сдайтесь, мужи Саксонскіе! Сопротивленіе безполезно: вы и ваши ратники въ десятеро слабѣе насъ! отвѣчаю вамъ головою, что ваша жизнь, что честь женъ и дочерей вашихъ будутъ для насъ священными." Рыцари бросили мечи къ ногамъ Юрія: Мордва окружила безоруженныхъ. — Пургасъ подошелъ къ сыну Сурову: „Какъ смѣешь, дерзскій отрокъ, ручаться имъ за сохраненіе жизни, единственно отъ моей

воли зависящей?" — вопросилъ онъ его дрожащимъ отъ бѣшенства голосомъ. — „Государь милосердый!" отвѣтствовалъ Юрій: „я радѣлъ единственно о твоей пользѣ; сіи иноплеменники владѣютъ сокровищами несмѣтными; выкупъ, который взнесутъ за себя, обогатитъ весь родъ твой! Прости слугу своего, что не предварилъ тебя, что не узналъ заранѣе твоего хотѣнія!"

„Ты человѣкъ мудрый!" отвѣтствовалъ разбойникъ: „я доволенъ тобой!"

„Пургасъ!" прервалъ его Адо: „исключи изъ общаго выкупа монаха и злодѣя Убальда: дай мнѣ напиться крови ихъ!"

Пургасъ. Здѣсь мнѣ никто законовъ не предписываетъ: старикъ, для тебя я прошелъ лѣса Ижорскіе и Ямскіе; твоя казнь была уже назначена! Прими признательный милость мою: судьбу же сихъ рабовъ — я рѣшу!"

Потомъ онъ подошелъ къ мертвому Михаилу и ногою пнулъ трупъ его. „Етотъ невѣрный домочадецъ Господина своего принялъ заслуженное возмездіе: онъ первый встрѣтилъ насъ въ бору Авиноромскомъ и возвеселился о гибели своего благодѣтеля; онъ провелъ насъ путями тайными; онъ ввелъ насъ сюда на собственную смерть: если бы не наказалъ его булатъ Убальда, я бы велѣлъ его повѣсить на первой соснѣ, въ примѣръ и въ ужасъ всѣмъ предате-

лямъ!" — Пургасъ при сихъ словахъ вышелъ, велѣлъ разсадить плѣнниковъ по подваламъ замка и вынесть всѣ сокровища владѣтеля.

Испуганная Мая долго смотрѣла во слѣдъ свирѣпому; потомъ преклонила колѣна предъ трупомъ злополучнаго юноши и облобызала его охладѣвшія руки: съ помощію своего отца и Юрія она его вынесла. Въ полночь Мая, Адо, Юрія на брегу озера, предали тлѣнію тѣло своего благодѣтеля.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Отецъ, дочь и обрѣченный сынъ его возвращались въ Логузъ, шумный отъ буйной радости упоенныхъ побѣдителей. — Вдругъ Адо сталъ и вѣщалъ Юрію: „я понимаю, Норъ, почему ты удержалъ надъ монахомъ мстительную длань мою: тебѣ недовольно смерти его и злаго Убальда; ихъ казнь должна быть мучительна! — Но погаси во мнѣ послѣднее сомнѣніе: ты властенъ надъ душою Пургаса: клянись, что убѣдишь его предать мнѣ враговъ моихъ; клянись страшнымъ именемъ Юмалы!"

Юрій. — Клянусь Святымъ именемъ Христа Спасителя, что служитель его, хотя недостойный своего священнаго сана, будетъ невредимъ и цѣлъ, что ни одинъ

власъ на главѣ Убальда не погибнетъ, пока я дышу еще!

Адо. — Матерь Земля, поглоти меня! — Норъ измѣнилъ своимъ Богамъ и Отечеству!

Юрій. — Нѣтъ, нѣтъ, Адо! я не измѣнилъ, вовѣки не измѣню моему несчастному Отечеству: ему принадлежитъ до послѣдней капли вся кровь моя! — Но я позналъ Бога истиннаго: его заповѣдь гласитъ: любите враги ваши! — Вооруженнаго угнѣтателя моихъ братіевъ смѣло встрѣчу лице къ лицу въ сраженіи; безоруженный, онъ найдетъ во мнѣ заступника; прости меня, Адо! онъ найдетъ во мнѣ заступника даже противъ отца Маина. — И ты, старецъ! надѣюсь на Господа: и ты нѣкогда познаешь Божественный законъ Его; твоя великая душа непремѣнно должна наконецъ постигнуть его святость!

Адо хотѣлъ негодовать на Юрія: но вдохновенное лице юноши пролило въ него невольное, непонятное нѣкое благоговѣніе.

Юрій былъ посредникомъ между Пургасомъ и его плѣнниками; они выкупились, и, оставляя замокъ, дали клятвенное обѣщаніе сыну Индрика щадить своихъ подданныхъ: станемъ вѣрить, что большая часть исполнила оное, ибо люди вообще лучше, нежели обыкновенно думаютъ. — Убальдъ Логузъ умеръ отъ полученной раны: въ послѣднее мгновеніе разкаяніе терзало

его: кончина преступника пролила трепетъ въ сердце Доминиканца, друга его, и сей потомъ примѣрнымъ, строгимъ житіемъ привелъ въ забвеніе свои прежнія заблужденія. Мордва съ богатою добычею возвратилась въ степи Приволжскія, а съ нею удалилась и большая часть прежнихъ подданныхъ Убальда: тщетно Юрій вызывалъ земляковъ и удалыхъ ихъ одноплеменниковъ воздвигнуться войною на Нѣмцевъ и освободить Естонію; первые пали духомъ повторенными неудачами, вторые жаждали объятій женъ и дѣтей своихъ, давно уже ими покинутыхъ.

Адо долго оставался въ недоумѣніи; онъ сегодня хотѣлъ бѣжать въ Мордву, на другой день не могъ рѣшиться на разлуку съ отчизною и говорилъ, что здѣсь останется при гробѣ Тіо, вѣрной жены своей на страхъ снова повергнуться въ узы Саксонскія: всего позже и по долгомъ, упорномъ сопротивленіи, побѣжденный наконецъ слезами Маиными, онъ далъ жениху ея слово съ нимъ искать приюта въ Новѣгородѣ, въ ненавистномъ ему Новѣгородѣ, ибо его обитателей онъ называлъ обольстителями любимца души своей.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Между тѣмъ наступила уже зима, когда Адо съ дочерью и Юріемъ отправился въ

Новгородъ: Пейпусъ превратился въ огромное зеркало; сани ихъ вихремъ мчались по звонкому льду; бѣлыя облака надъ ними пролетали. Они прибыли въ великій городъ и Адо разстался съ Юріемъ. — „Жить въ дому Держикраевомъ не могу!" говорилъ онъ ему: „мнѣ противенъ лукавый старикъ; онъ оторвалъ тебя отъ сердца моего; тебя осуждать не хочу: но дочери моей не быть твоей женою!" При послѣднихъ суровыхъ словахъ измѣнялъ ему голосъ: онъ на прощаніе крѣпко пожалъ руку того, кого привыкъ считать сыномъ, и съ Маею поселился въ небольшомъ загородномъ домикѣ, купилъ за деньги, стяжанныя имъ когда-то отъ Датчанъ, обитателей Талины, названной Нѣмцами Ревелемъ: сіи деньги вырылъ онъ изъ земли, куда сокрылъ при нашествіи меченосцевъ.

Крестный отецъ Юрія принялъ его радостно, утѣшалъ, сколько могъ, велѣлъ ему уповать на Бога и часто говаривалъ: „не горюй! перемѣлится рожь, мукою будетъ!" — Между тѣмъ Мая грустила, и отецъ, глядя на нее, кручинился: наконецъ отъ печали и пренесенныхъ трудовъ, насилій и горестей, онъ слегъ и занемогъ тяжкою болѣзнію, которая при самомъ началѣ лишила его чувствъ и памяти. Едва Держикрай узналъ о недугѣ стараго Еманда, какъ сталъ за нимъ ухаживать вмѣстѣ съ Юріемъ; зная средства врачебныя простыя, но дѣйстви-

тельныя; онъ вскорѣ доставилъ ему облегченіе, бредъ покинулъ больнаго, но за нимъ послѣдовала крайняя слабость. — Однажды у одра страждущаго Держикрай въ полголоса бесѣдовалъ съ Юріемъ объ истинахъ Святой вѣры нашей; онъ считалъ Адо спящимъ. — Онъ разсказывалъ своему питомцу объ Святыхъ Страстотерпцахъ Христовыхъ, объ ихъ твердости въ испытаніяхъ и среди мукъ; объ прощеніи обидъ; раскрылъ Писаніе, которое сопровождало его повсюду и даже въ домъ язычника и сталъ читать ему страсти Спасителя по Евангелію отъ Святаго Матѳея. — Мая довольно уже разумѣла языкъ Русскій; она сидѣла на полу у подножія ложа своего родителя: сильно возволновали ее стихи: *Прискорбна есть душа моя до смерти.* — *Отче мой, аще возможно есть, да мимо идетъ мене чаша сія: обаче не яко азъ хощу, но яко же ты;* она взрыдала, когда услышала: *тогда ученицы вси, оставльше его, бѣжаша.*

Адо встрепенулся; Держикрай закрылъ Писаніе.—„Что не продолжаешь?“ спросилъ его тогда больной: „я не спалъ; я слушалъ тебя!“ — Адо выздоровѣлъ; вставъ съ одра, онъ сталъ примѣчать глубокую задумчивость во всѣхъ чертахъ Маиныхъ — и не тоска любви томила ее; она снова была счастливою невѣстою Юрія; дочери Держикраевы уже своими пѣснями нерѣдко при-

водили въ краску дѣвицу, пророчествуя ей близкое празднество брачное.

„Родитель и Господинъ мой!“ — наконецъ она отвѣчала старцу на вопросы его: „дозволь мнѣ умыться водою искупленія; давно уже въ тайнѣ исповѣдую Спасителя! Да присоединюсь къ стаду Божественнаго Пастыря!“

Адо не отвѣчалъ ни слова, но вышелъ и велѣлъ ей за собою слѣдовать. — Робко дѣвица шла за строгимъ отцемъ своимъ: но не колебалася; она готова была умереть за сладостную вѣру Іисусову. — Они вступили въ домъ Держикрая. — „Старикъ!“— вступая, вѣщалъ Адо хозяину: „ты отъялъ у меня дочь мою, мое единственное дитя, мое послѣднее утѣшеніе: но се возми ее, она твоя; омой ее водою крещенія; и я понялъ и на сердцѣ согрѣлъ слова вашего учителя: *любите враги ваши!*“ — Адо въ первый разъ по своемъ прибытіи въ Новгородъ преступилъ чрезъ прагъ дома Держикраева и уже хотѣлъ одинъ, безъ Маи, возвратиться въ сирое свое уединеніе; но вдругъ остановился, пожалъ руку изумленному старцу и едва слышно изрекъ ему: „Но нѣтъ, отецъ Юрія! ты не врагъ мой!“ — Потомъ закрывъ лице руками, онъ вышелъ; Держикрай проводилъ его до дому.— На другой день Мая въ Святомъ Крещеніи назвалась Маріею; на третій былъ дѣвичникъ ея брака съ Юріемъ и сѣнныя дѣ-

вушки пѣли ей между прочими свадебными пѣснями:

Что ты, Машинька, призадумалась?
Что, голубушка, пригорюнилась?
Ахъ! пришла пора тебѣ, Машинька,
Пора бросить житье дѣвичье,
Расплести свои косы черныя,
Домъ покинуть роднаго ботюшки!
Не за тѣмъ ли ты пригорюнилась?
Не на то ли, свѣтъ, призадумалась?

Молодицы отвѣчали краснымъ дѣвушкамъ:

Ужь вы дѣвицы, вы затѣйницы,
Вы, головушки неразумныя!
Что вы шутите надъ невѣстою?
Что смиренницу въ краску вводите?

* * *

Вы за чѣмъ сами льете олово?
Пѣтуха овсомъ за чѣмъ кормите? —
За ворота тѣ, за широкія,
Вы за чѣмъ вечоръ выбѣгаете?

* * *

Имя молодца за чѣмъ просите?
„Разскажи ты намъ, добрый молодецъ!
Какъ зовешься, сударь, по имени?
Какъ по отчеству, сударь, кличешься?

Прошелъ день, прошла недѣля, другая и мѣсяцъ и еще мѣсяцъ: Марія была счастливою женою Юрія; отецъ навѣщалъ ихъ;

часто звалъ къ себѣ и наслаждался ихъ благополучіемъ. Въ Держикраѣ, казалось, воскреснулъ для него другъ его Суръ: и Держикрай былъ отцемъ его Нора, котораго однако же долго не могъ привыкнуть называть Юріемъ. — Недавно Князь Ярославъ Всеволодовичъ въ третій разъ возвратился въ Новгородъ: онъ не забылъ вражды своей къ Нѣмцамъ; нынѣ обстоятельства ему благоприятствовали; онъ объявилъ имъ войну и его дружина Переславская, войско Суздальское, полки Ростовскіе и Владимірскіе, а съ ними вмѣстѣ и Новогородцы двинулись въ Ливонію. — Сердце Адово вспылало: но его уже обезсилила старость; вспылало и сердце Юрія, и онъ однажды вступилъ въ теремъ жены своей въ шлемѣ, покрытый кольчугою, препоясанный мечемъ: „не сѣтуй, Марія!“ сказалъ обнимая ее: „меня зоветъ Отечество; быть можетъ, пробилъ часъ его освобожденія!“

Бѣдный юноша ошибся: несчастія, постигшія Россію цѣлыя пять сотъ лѣтъ, препятствовали ей воздвигнуть народъ, съ которымъ была соединена узами приязни еще до временъ Рюрика.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Спустя потомъ мѣсяцъ, было веселіе въ Новѣгородѣ, но печаль въ дому Адовомъ и въ дому Держикраевомъ. Ярославъ быстро

шагнулъ въ Ливоніи до Юріева; у стѣнъ его сразились Новогородцы съ Рыцарями и вспять побѣгли мужи желѣзные. Съ толпой удальцевъ сынъ Сура ворвался уже во врата; уже водрузилъ знамя свободы на мосту рѣки Аможивы, нарицаемой Германскими пришельцами Ембахомъ: но вдругъ палъ, засыпанъ стрѣлами ихъ. Его дружина пробилась сквозь густыя полчища неприятелей; тѣло же вождя досталось въ добычу Нѣмецкимъ ратникамъ. Пріоръ Дерптскій по заключеніи мира торжественно похоронилъ оное; много сѣтовалъ надъ великодушнымъ своимъ врагомъ и благодѣтелемъ, и въ произнесенной надъ нимъ рѣчи вѣщалъ: „уповаю на Милосердіе Божіе, что чистая „душа сего витязя будетъ принята въ „Царствіе Небесное, хотя онъ и умеръ не „въ нѣдрахъ церкви Римско-Католической!“

Извѣстіе о смерти Юрія поразило тестя его: убѣжденный съ нѣкотораго уже времени въ истинѣ вѣры Христовой, и онъ наконецъ всенародно принялъ ее и въ слѣдъ за тѣмъ подъ именемъ брата Адама постригся въ иночество. Скорбная Марія осталась по мужѣ бремененною: родивъ сына, она прешла отъ сей жизни многосуетной и тлѣнной въ жизнь вѣчную, куда другъ ей предшествовалъ. Держикрай по завѣщанію отца и матери велѣлъ окрестить младенца во имя Святаго Архангела Михаила, въ па-

мять злополучнаго юноши, погибшаго за его родителей.

Увижу ли тебя еще разъ въ жизни, Чудское Озеро? Удастся ли мнѣ бродить по песчанному твоему брегу? Въ восторженныхъ мечтаніяхъ голосъ духовъ, обитателей водъ — услышу ли надъ зеркаломъ Пейпуса?

Можетъ быть мнѣ привидится призракъ Михаила, погибшаго за любовь свою, или тѣнь пришельца отъ холмовъ Некарскихъ, тѣнь пѣвца - странника!

В. Кюхельбекеръ.

XIV.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЕМЫ: ИСКУССТВО ЛЮБИТЬ.

Qui pourra jamais la décrire
Cette ivresse de mes esprits?
Mais qu'importent de vains écrits?
Dans mon coeur ne sais tu pas lire?
Quel Apollon peut garantir
D'éxprimer ce que l'amour inspire?
On à tant d'âme pour sentir
Et si peut d'esprit pour le dire!

BERNARD (EPITRES).

Бернардъ! любимецъ Музъ! дерзну ли безъ искусства
И я тебѣ во слѣдъ пѣть нѣжно, пылко чувство, —
Межь смертныхъ — на землѣ, въ Олимпѣ — у Боговъ
Равно всесильное, священное — любовь?
Нѣтъ! лиры не имѣвъ столь звучной, стройной, страстной,
Я подражать тебѣ оставлю трудъ напрасной!
Ты славенъ сталъ въ вѣкахъ — я славы не ищу:
Не міръ собой плѣнять—одной быть милъ хочу!
Пусть скажетъ, прочитавъ нескладну пѣснь Алина:

„Вотъ вѣрная души и чувствъ его картина!“
И буду награжденъ сверьхъ всѣхъ трудовъ моихъ!
Да лаврами чело вѣнчается другихъ;
Одинъ Алины взоръ, улыбка одобренья:
Вотъ слава вся моя, блаженство, цѣль творенья!
Не къ Фебу духъ паритъ;—достигнуть на Парнассъ,
Увѣренъ твердо я, не можетъ слабый гласъ!
Тебя, другъ милый мой, я мыслью призываю!
Хочу здѣсь все сказать, что въ сердцѣ ощущаю.
Води моимъ перомъ, будь Музою моей
И вѣрно опишу всю силу страсти сей!
Любви палящій огнь есть пламень тотъ священной,
Который Промеѳей рукою дерзновенной
Похитилъ нѣкогда для благъ земныхъ съ небесъ.
Онъ къ намъ безсмертныхъ все съ нимъ счастье перенесъ.
Кто вновь одушевленъ любви волшебной силой,
Въ комъ чувства, мысль — она, кто дышетъ только милой,
У ногъ возлюбленной, восторгомъ упоенъ,
Не смертный счастіемъ, Богамъ подобенъ онъ!
Богамъ — когда дерзнулъ трепещущей рукою
Прижать ее къ груди, сказавъ: счастливъ тобою!
И радость на челѣ стыдливомъ прочиталъ
И перьвый поцѣлуй съ невинныхъ устъ сорвалъ: —
Душа его тогда отъ праха отдѣленна;
Забыта смертныхъ часть, — храмъ счастья — вся вселенна!
Луга зеленые, прозрачный ручеекъ,
Тѣнь рощи, злато нивъ, краса полей — цвѣтокъ,
Все стало для него и близко и прекрасно!
Любимому свѣтлѣй блеститъ и солнце красно,
Сребристѣе луна; — средь самой темноты

Онъ ясно видитъ все! — знакомыя черты
Предмета милаго — его не покидаютъ:
Вездѣ, всегда надъ нимъ, какъ яркій свѣтъ мелькаютъ,
Разсѣяваютъ мракъ кругомъ облегшихъ тучь
И въ душу страстну льютъ златой надежды лучь!

Вас. Головинъ (*).

(Продолженіе будетъ).

(*) Сочинитель сихъ стиховъ просилъ насъ объявить читателямъ, что, какъ по его мнѣнію Г. Головину (печатавшему свои произведенія въ разныхъ изданіяхъ, даже въ Дамскомъ Журналѣ, и еще недавно помѣстившему въ Вѣстникѣ Европы Посланіе къ Князю Шаликову) не пріятно будетъ, если ихъ будутъ принимать одного за другаго, то онъ, чтобъ предупредить всякое недоразумѣніе, отнынѣ станетъ подписываться: Вас. Головинъ.

Изд.

XV.

Къ * * * при посвященіи ей перевода Трагедіи: *Марія Стуартъ.*

Laissez moi peu de gloire et beaucoup de bonheur!

PARNY.

Когда мой переводъ, не славѣ обрѣченный,
Возьмешь въ досуга часъ къ себѣ на строгій судъ,
Быть можетъ, кинувъ взоръ на сей листокъ забвенный,
Съ улыбкой примешь ты мой первый, скромный трудъ.
Вотъ все, чего хочу; я лавровъ не достоинъ!
Мнѣ взора твоего они не замѣнятъ!
И въ неизвѣстности останусь спокоенъ:
Я не отъ свѣта жду, но отъ тебя наградъ!
Пускай другой свой вѣкъ, кончая надъ стихами,
Идетъ съ поклонами невѣждѣ ихъ дарить
И, оскверняя даръ, врученный небесами,
Отъ гордой знатности улыбку испросить:
Нѣтъ, нѣтъ! я не пойду къ надменному вельможѣ;
Я не люблю ласкать спѣсивыхъ богачей.
Наемникъ и Поетъ у многихъ значитъ тоже:
Но цѣль Поезіи возвышеннѣй, святѣй!
Итакъ сей малый даръ — тебѣ, о другъ прелестный!

Что счастье въ мірѣ есть, мнѣ взоръ твой доказалъ:
Пусть имя здѣсь твое осталось неизвѣстно,
Но угадала ты, о комъ я умолчалъ!

Н. Павловъ.

XVI.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПИСЬМА КЪ Е. А. Э.....У.

Плотбище, Августа 6, 1821.

. . . Въ Плотбищѣ (*) мы остановились въ домѣ стараго, зажиточнаго Юкагира *Коркина*.

Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ! — Что было, онъ поставилъ на столъ: не много сушенаго мяса и оленняго жира. Всякій не Русскій удивился бы нерасчетливости нашего хозяина, который, имѣвъ случай отъ насъ попользоваться, кормилъ насъ

(*) Урочище на лѣвомъ берегу Малаго Анюя.

даромъ и при томъ еще лучшимъ кускомъ; но ета нерасчетливость называется отъ Камчатки до Петербурга и отъ Грузіи до Новой Земли — гостепріимствомъ.

Старикъ *Коркинъ* происходилъ отъ *Омоковъ*; только въ семьѣ его сохранился языкъ ихъ; онъ много умѣлъ разсказывать о старинѣ, о своихъ предкахъ, о бывшихъ войнахъ. Еще при Якутскомъ Воеводѣ *Павлутскомъ*, воевавшемъ съ Чукчами въ 17.. году, Омоки были довольно многочисленны; а въ старину, говоритъ преданіе, больше было огней Омонскихъ на берегахъ Колымы, чѣмъ въ ясную ночь звѣздъ на небѣ.

Старикъ *Коркинъ* между прочимъ пѣлъ намъ о походахъ *Павлутскаго* на природномъ своемъ языкѣ, и если бы не суеты оленняго промысла, я бы его заставилъ перевести все: вотъ оригинальная поема!

Она начинается повелѣніемъ дщери солнца (Тырекиримъ) т. е. Императрицы Елисаветы идти Павлутскому противъ Чукчей. — Далѣе: прощаніе его съ женою и дѣтьми. — Пріѣздъ въ Нижнеколымскъ. — Наборъ команды. Потомъ его походъ, сраженія — смерть.

Поема сія была сочинена не однимъ человѣкомъ; и не вдругъ. Всякое извѣстіе давало поводъ къ новымъ пѣснямъ. Поеты у Омоковъ, какъ понынѣ у многихъ кочующихъ народовъ, были женщины.

Вотъ вамъ обращикъ (замѣтьте: и Омоки употребляли рифмы).

„Смотри, какъ черный медвѣдь тамъ по бору идетъ; смотри, какъ всѣ лѣсины предъ нимъ гнутся, валятся; земля дрожитъ; волки и росомахи падаютъ мертвы отъ дыханія его: ето *Павлутскій!* ето Русакъ! — Смотри, какъ за нимъ его славная дружина, его ясные соколы летаютъ и увиваются!

„Но тамъ, что подъ камнемъ чернѣетъ, тамъ въ ущелинѣ той крутой скалы? — То берлога медвѣдя Чукотскаго, славнаго Шамана и Витязя, сильнаго Кочина юрта! — Все Чукотское разбитое воинство въ немъ только видитъ спасеніе.

„Ой! ты славный Русской герой! не въ юртѣ ты меня здѣсь убьешь; не баба я; выду тотъ часъ въ бой! дай надѣну я свой куякъ (панцырь), вооружусь тяжелымъ копьемъ, повяжусь большимъ ножемъ. Успѣхъ рѣшитъ: кто сильнѣй, мои ли духи, твой ли Богъ?“

„И нечистый спускается на свое достояніе, на Кочина. Кровь и огнь брызжутъ изъ глазъ его и рука его уже поднимается, адомъ подкрѣпленная!

„Павлутскій видитъ дерзость адову противъ Всесильнаго Бога, противу воинства Христіанскаго. Вдругъ наморщилося чело его, глаза засверкали такъ, что солнце потеряло свѣтъ; — онъ бросается на Ко-

чна, вырываетъ копье сильнаго, хочетъ поразить его тяжелымъ палашемъ;—Кочинъ уклоняется, исторгаетъ листвень съ корнемъ, взмахиваетъ, да поразитъ ею Русскаго, — но тутъ пуля роковая просвистала славному прямо въ грудь. „Кто изъ васъ осмѣлился отнять славу мою и честь мою? Пусть орлы васъ Чукотски всѣхъ убьютъ.“

„Зашумѣло стадо орлино; съ свистомъ бросилося на Русскихъ. Долго дрались ясны соколы съ орлами мощными; много пало ясныхъ соколовъ — и Русскому стало жаль своихъ! онъ взревѣлъ зычнымъ голосомъ и все стадо разлетѣлося въ разны стороны.“

Нынѣшніе Югагиры, потерявъ языкъ свой, не потеряли охоты къ пѣнію. — Женщины ихъ имѣютъ даръ импровизировать: и нынѣ, не занятыя событіями военными, прославляютъ своихъ любовниковъ. Таковыя пѣсни называются у нихъ *Андыльщинами*, отъ слова *Андыль*, т. е. молодый человѣкъ. — Онѣ поются отъ избытка сердца и рѣдко два раза.

Кажется, я одну помню. — Напѣвъ ея однообразенъ, дикъ, заунывенъ, но можетъ нравиться:

Отправляю любимаго на Большаньку, на рѣку!
Полети мой златоперенькой, чрезъ горы, чрезъ
долы, чрезъ сѣрые камешки!
А гдѣ тебя будетъ, разсокольчикъ, темна ночка
заставать,

Зараночка будетъ вечерняя наступать:
Свивай ты тепло гнѣздышко на сѣромъ камешку,
на сѣромъ сѣровику!
Во гнѣздушкѣ соловушка разжолтенькой воспѣ-
вай:
И златоперенькой на зараночку возгляни:
Тяжело больно вздохни, размилушку слезою по-
мяни!

* * *

Вечерняя заря была забавушка моя:
Ранняя утренняя заря разлукушка моя!

О. М.

XVII.

ЛИСТКИ, ВЫРВАННЫЕ ИЗЪ ПАРНАССКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

(Можетъ быть не всѣмъ извѣстно, что на Парнассѣ издается великое множество Журналовъ и Вѣдомостей. — Сіи журналы получаются, какъ говорятъ, весьма немногими:—да и не мудрено!—при подпискѣ должно платить не деньгами, но основательными познаніями или хорошими стихами. Надобно замѣтить, что ети Журналы на Парнассѣ высоко цѣнятся — не какъ у насъ! — и большая часть подписчиковъ не имѣютъ даже права получать полныхъ нумеровъ, но по нѣскольку только листочковъ. Въ древности, говорятъ, лишь Гомеръ съ Платономъ получали полные Нумера всѣхъ Журналовъ. — Въ новѣйшія времена конечно ихъ многіе получаютъ, но какъ видно содержатъ ето въ тайнѣ, ибо до сихъ поръ еще никто не объявлялъ о томъ.—Изъ моихъ приятелей одинъ только получилъ — за пять лѣтъ—нѣсколько отодранныхъ лоскуточковъ изъ Политической газеты, называемой Парнасскими

Вѣдомостями; онъ сообщилъ мхъ мнѣ, а я— почтеннѣйшей публикѣ.)

ПАРНАССЪ.

Выписка изъ партикулярнаго письма.

. . . . . .

Здѣсь всѣ теперь въ великомъ безпокойствѣ: Аполлонъ не знаетъ, что дѣлать съ *Геніями*. — Повсюду они разводятся въ необыкновенномъ количествѣ: одни выдумываютъ системы и заводятъ расколы; другіе подобно кукушкамъ, забравшися въ чужія, старыя гнѣзда, не думаютъ идти въ даль и съ благородною рѣшительностію ограничиваютъ весь кругъ человѣческихъ познаній — нѣкоторымъ извѣстнымъ числомъ страничекъ. Само собою разумѣется, что послѣдніе гораздо ничтожнѣе первыхъ— но обѣ стороны вмѣстѣ, не смотря на то что другъ друга терпѣть не могутъ, во многомъ согласны между собою и равно грозятъ наукамъ и искусствамъ — совершеннымъ уничтоженіемъ.

Всѣ усилія Тифонова побѣдителя для усмиренія сихъ буйныхъ *радикаловъ* и упрямыхъ *ультровъ* — доселѣ были тщетны.

Недавно еще открыто установленіе новаго скопища Систематиковъ, и перехвачено письмо слѣпаго приверженца къ ста-

рымъ мнѣніямъ. Здѣсь собщаются любопытнѣйшія мѣста изъ того и другаго:

„*Изъ Устава Геніальнаго скопища.*

a). *О Геніѣ и его должности.*—*Геній* есть человѣкъ, одаренный чѣмъ-то *необыкновеннымъ, неизъяснимымъ, новымъ;* для того, чтобъ быть *Геніемъ*, не требуется ни обширныхъ познаній, ни ума высокаго; потребно только, чтобы онъ всѣмъ отъ другихъ былъ отличенъ.

Внезапно пораженный вдохновеніемъ, *Геній* выдумываетъ *Систему*, или другими словами какое-либо мнѣніе, какого до тѣхъ поръ не слыхано было. Для распространенія онаго мнѣнія, *Геній* имѣетъ много сподручниковъ, изъ коихъ первый — *Подъ-Геній.*

b). *О Подъ-Геніѣ и его должности.*—*Подъ-Генію* не позволяется выдумывать своего собственнаго мнѣнія или Системы; онъ долженъ только стараться о распространеніи и приложеніи повсюду мыслей *Генія:* только по окончаніи двухъ-годоваго безсмертія сего послѣдняго, — *Подъ-Геній* можетъ произнести какое либо свое собственное сужденіе. — Сверьхъ того Геній, чрезъ своего Подъ-Генія сообщается съ

c). *Геніяльными писарями*, коихъ должность: читать сочиненія однаго Ге-

нія, объ нихъ только и разсуждать; ихъ только и хвалить; ставить изъ нихъ однихъ ѐпиграфы на своихъ собственныхъ сочиненіяхъ; писать посланія другъ къ другу, въ коихъ выхвалять *однаго Генія*; стараться — поддѣлаться къ его слогу, рабски подражать ему, сверьхъ того не забывать величать его *преобразователемъ языка отечественнаго*, и при малѣйшемъ чьемъ-либо покушеніи на славу его—грозно омокать свои перья въ чернилы! *Геній*-же въ благодарность за сіе, поставитъ себѣ за непремѣнную обязанность, при всякомъ случаѣ, называть своихъ *переписчиковъ — людьми съ дарованіями.*

d). *Геніяльные разсыльщики* составляютъ послѣдній и многолюднѣйшій классъ Геніяльнаго скопища. Они большею частію состоятъ изъ *любителей*, которые ничего не пишутъ, ничего не читаютъ, но какъ скоро Геній почувствуетъ себя беременнымъ— новымъ какимъ-либо твореніемъ, то не медля распускаютъ слухъ о томъ по цѣлому городу; или развозятъ на скоро списанныя отрывки изъ твореній *Генія* и его *переписчиковъ* и съ торжественнымъ видомъ, за тайну показываютъ каждому встрѣчному и поперечному. — Замѣтить должно, что, когда при *разсыльщикахъ* будутъ хвалить кого-либо, только не ихъ Генія, то они должны, сохраняя глубокое молчаніе, хоромъ пожимать плечами, но такать и значительно кивать

головею,—когда дѣло дойдетъ до самаго Генія, и проч. . . . . .“

(*Здѣсь не достаетъ нѣсколько листковъ*).

Въ письмѣ Ультра-Словесника, написанномъ въ совершенно противномъ духѣ, послѣ многихъ цитацій изъ Батте, замѣчательно только окончаніе: „Вѣрь моей опытности пишетъ онъ, что все возможное на свѣтѣ— уже сказано; и что новаго придумать также не льзя, какъ и подвести все подъ правила, я могу служить въ томъ живымъ доказательствомъ; все что ново, то безобразно, и далѣе *учителя моего учителя — никто не пойдетъ!*“

По поводу сихъ открытій, были на Парнассѣ долгія совѣщанія, во время коихъ Полимнія читала ноту, весьма достойную примѣчанія; вотъ она: . . . . . .

(*Также не достаетъ нѣсколько листковъ*).

„Такъ!“ наконецъ она воскликнула, помавая свиткомъ своимъ, на коемъ блистала прекрасная надпись (*): „такъ!— и сіи заблужденія, сіе общее стремленіе къ открытію *новаго*, *необыкновеннаго*, уже показываютъ направленіе духа человѣческаго. Уже настаетъ то время, въ которое мнѣнія поверхностныя, мгновенныя — предадутся забвенію, посрамятся малодуш-

(*) Suadere. Ovid.

ные, отуманенные обвѣтшалыми предразсудками — и новое ясное солнце, восходя отъ страны древнихъ Тевтоновъ, уже начинаетъ лучами выспренняго умозрѣнія — освѣщать безконечную окружность познаній!" — — —

— деск —

XVIII.

МНОГОМѢРЫ

(изъ Жанъ-Поля Рихтера).

1.

Неколебимо, встаетъ надъ сердитой пучиной дуга тишины и мира. — Такъ возвышенъ, стоитъ Богъ надъ вселенной и потоки временъ кипятъ и ниспадаютъ: и надъ землями и солнцами дуга тишины Его и мира.

2.

Въ послѣдней синевѣ неба за солнцами мокотся солнцы; и прошли тысячелѣтія и лучъ ихъ летитъ и не достигъ еще до былинки, до нашей земли!

О Солнце всѣхъ солнцъ и духовъ, о Благостный, Близкій! едва душа человѣка откроетъ зѣницы и ты стоишь передъ нею.

3.

Прелестная весна! и въ мое мрачное, устарѣлое сердце ты проникаешь, не подобно дыханію сладкозвучнаго утренняго неба, молча, какъ грезы, какъ обаяніе лунной полуночи. — Одинокъ, безъ предвѣстницы зари, тихій мѣсяцъ стоитъ надъ горами и стелетъ повсюду мерцанье; но земля объята безмолвіемъ и въ блескѣ ночномъ ходятъ нѣмыя мечты; и взоръ глядитъ на покой, на молчанье и восходитъ къ живительнымъ звѣздамъ; глаза темнѣютъ сладостными слезами, а далѣ и сладостнымъ сномъ. Прелестная весна! растроганъ, съ тихой тоской, гляжу на твои я цвѣты: тишина въ моемъ сердцѣ; близокъ и мой сонъ!

4.

Даръ Генія! ты подобенъ росѣ: роса съ небесъ нисходитъ отъ вечерняго, отъ алаго облака; — невидима и темна черезъ цѣлую звѣздную ночь, она свѣжитъ и питаетъ фіялку; но занялось утро и священное солнце снимаетъ съ фіялки росу.

Даръ Генія! ты подобенъ росѣ: сокрытый въ безмолвной груди, чистъ и прохладенъ, ты живишь; ты окрыляешь; но едва твои лучи отразятся въ свѣтѣ, ты улетаешь и остается усталое сердце!

5.

Блѣдная роза! — Солнце дало тебѣ краску; палящее солнце у тебя ее отнимаетъ: — тебѣ мы подобны. Если тотъ Богъ, отъ котораго рдятся ланиты смертнаго, спустится къ нему ближе и съ большимъ пламенемъ; смертный блѣденъ и отлетѣла душа его — или они въ упоеніи!

6.

Свѣтъ исполненъ былъ болѣзни и страха, люди изъ пылающихъ селеній бѣжали въ опустошенныя; по цвѣтущей землѣ простиралося всюду горе и восходили въ голубое небо облака смерти, дымъ и стенанія; человѣкъ бѣшеный поборалъ человѣка и кровь текла изъ ранъ его! Но посреди сего ада покоилось царство мира: жаворонокъ поднимался въ лазурь свою, соловей и другіе пѣвцы весенніе перекликались за цвѣтущими кустами и рощами или грѣли неоперенныхъ птенцовъ своихъ!

О дѣти Поезіи! и вы поете: живите жь, какъ пернатые, въ веселыхъ пространствахъ высокаго; не въ бѣдномъ, низменномъ мірѣ!

Конецъ первой части.

Изъ Водевиля: к

Музыка А.Н

Andantino

Canto

Piano Forte

серд_це приз_на_ешь пра

даль_цу васъ вле_четъ по_рывъ

девиля: кто братъ? кто сестра?
ыца А. Н. Верстовскаго.

Когда въ васъ

права священ - ны - я вес - часть - я когда въ стра

по - рывъ нѣж - нѣй - ша - го у - - частья ужель мо -

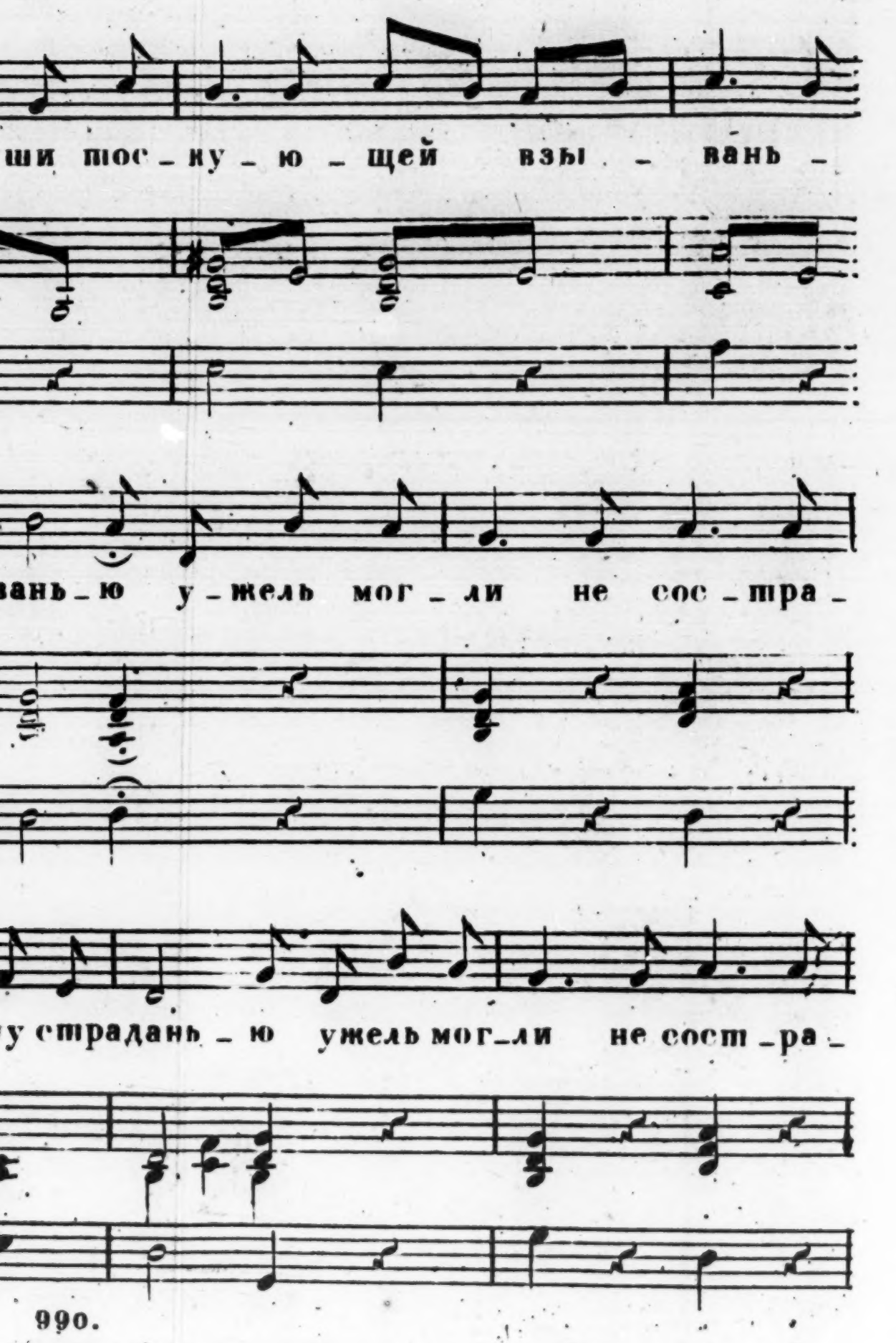
990.

гли вы не вни_мать ду_ши тос_ку

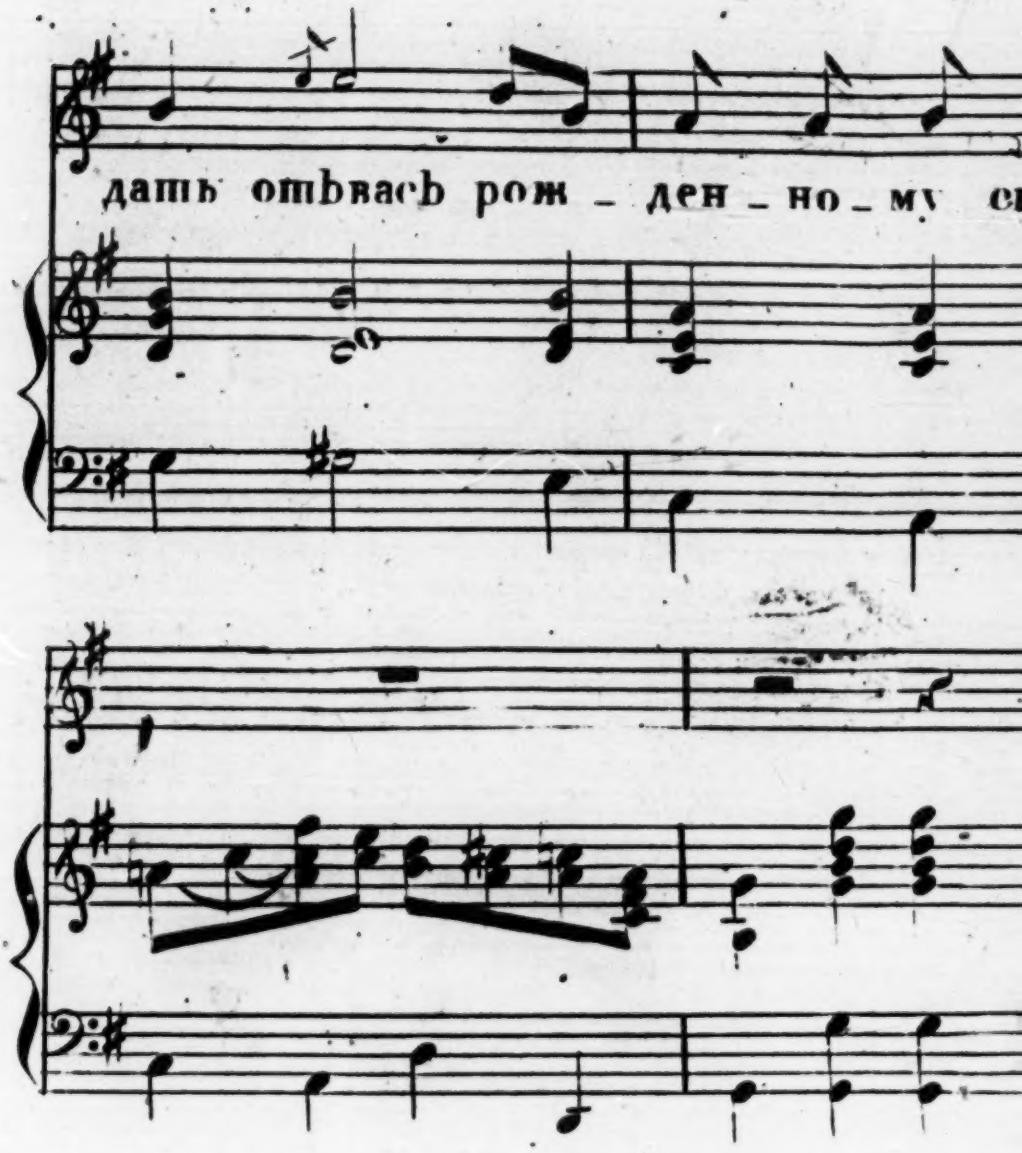
ю ду_ши то_ску_ю_щей взы_вань_ю у_

ritard.

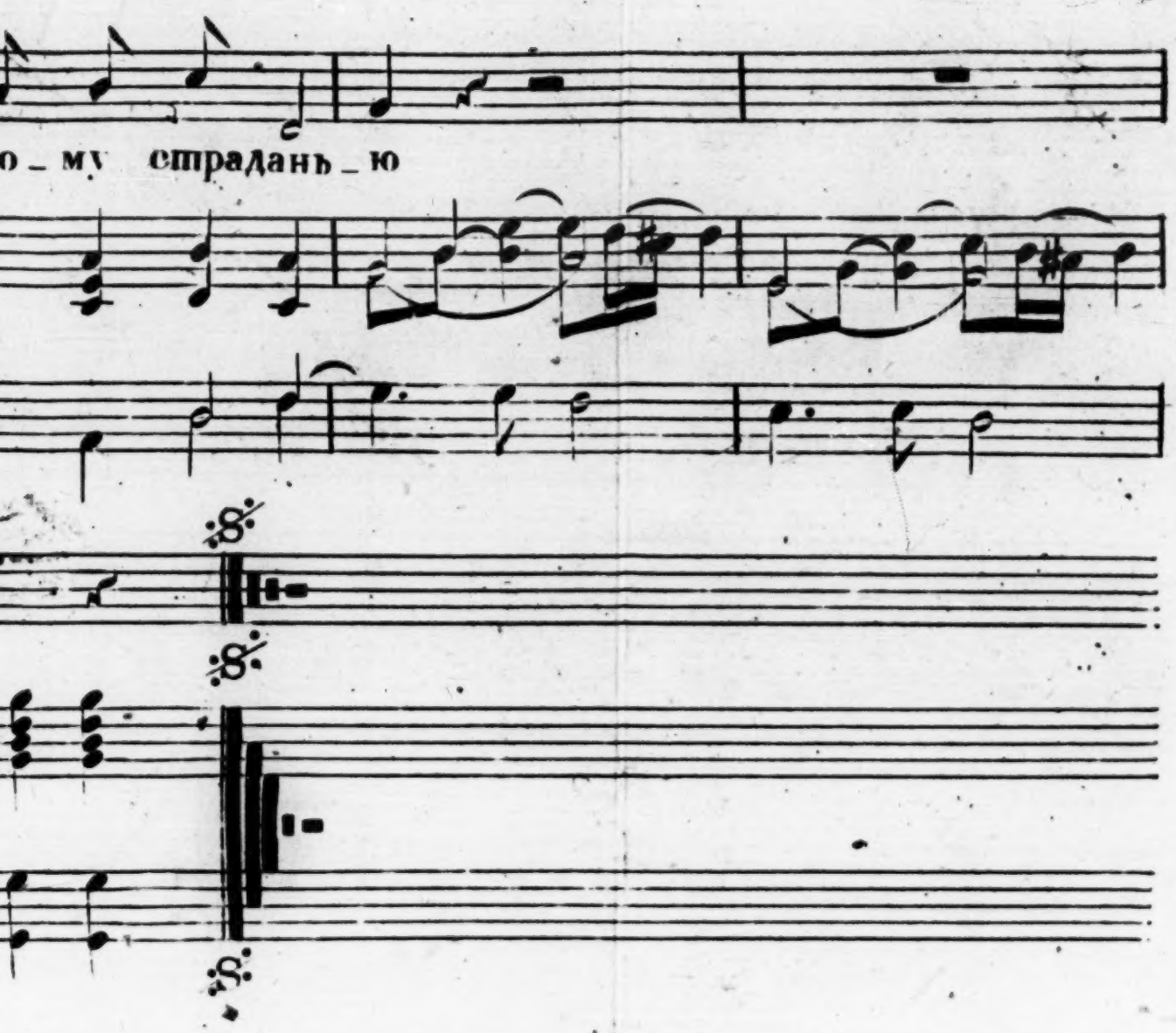
дать отъ васъ рож_ден_но_му страдань_


ши пос - ку - ю - щей взы - вань -
вань - ю у - жель мог - ли не сос - тра -
у страдань - ю ужель мог - ли не сост - ра -

990.



Ахъ нѣтъ! несчас
Кто бѣдность по
Недужнымъ помо
Искусства быст
Но намъ дано му
Гдѣ слѣдъ одинъ
Гдѣ тотъ лишь
Кто самъ виною



о! несчастливѣй не тотъ,
ность получилъ въ наслѣдство;
мъ помощь подаетъ
ва быстрое посредство.
дано мученье знать,
ъ одинъ есть къ упованью,
ъ лишь можетъ сострадать,
ъ виною былъ страданью.

990.

Изъ Водевиля: кто братъ?

Музыка А.Н.Верстов

Andantino

Canto

Piano Forte

Corn.e Fag.V.

я за_боты нѣжности и лас_ки но

cres

е_ти нѣжности не сказ_ки. Жен

я: кто братъ? кто сестра?

А.Н.Верстовскаго.

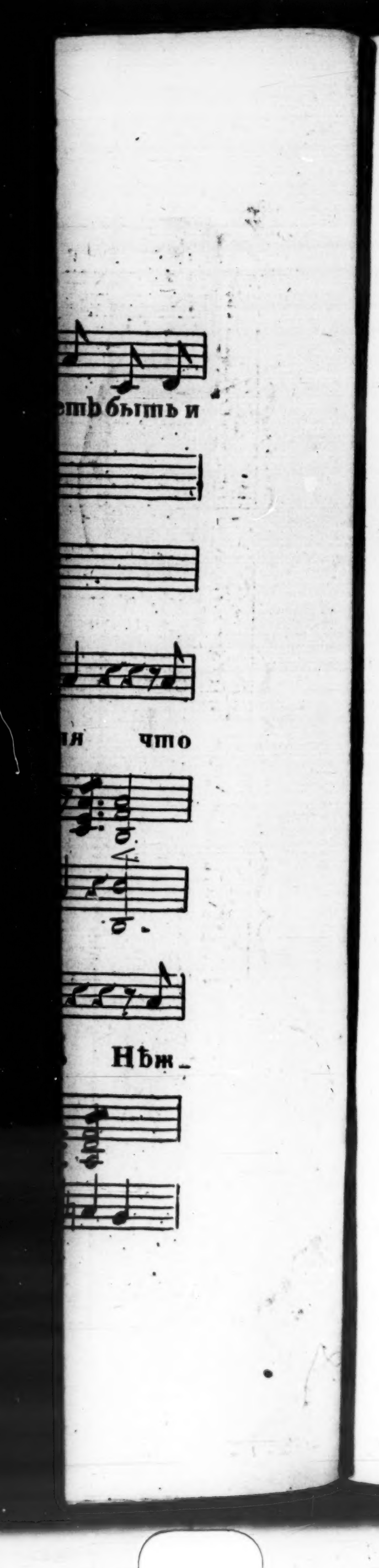
Любилъ бы можетъ быть и

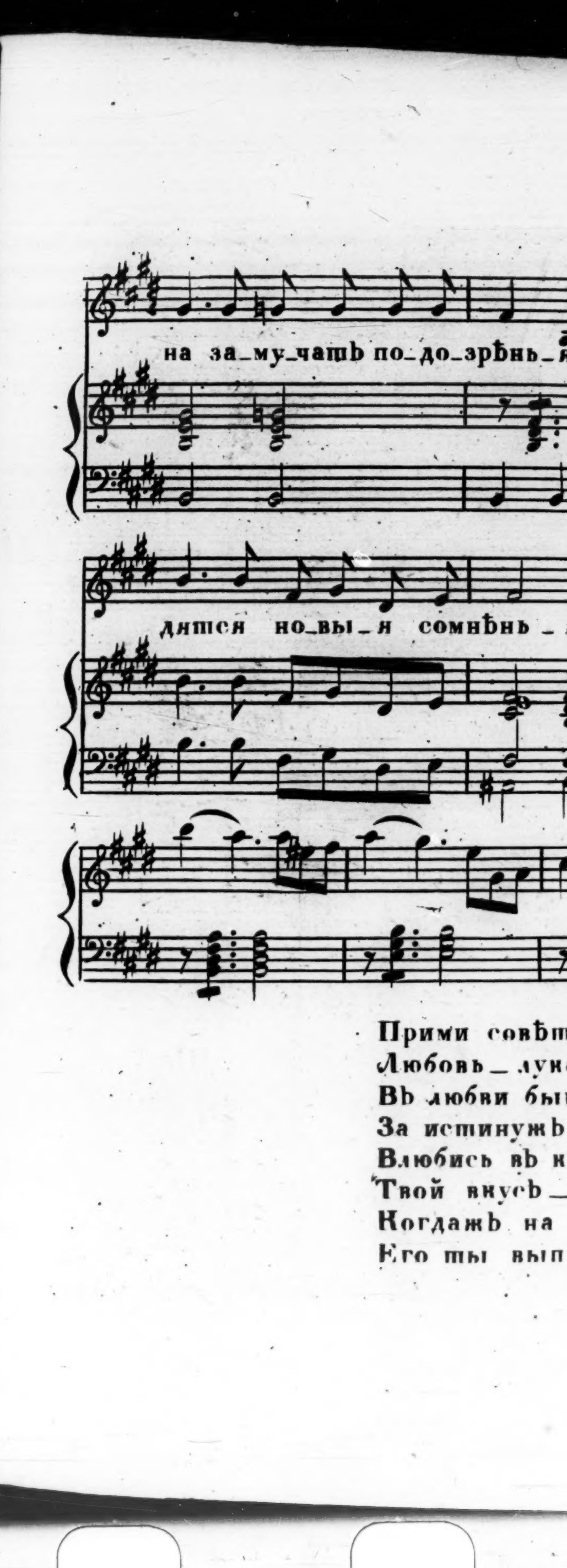
Fag.V.

и лас _ ки но ктобъ у_вѣ_ритъ могъ ме_ня что

я. Жена сердита въ петлю лезъ Нѣж_

990.


ть быть и
ня что
Нѣж_


на за_му_чать по_до_зрѣнь_я
дятся но_вы_я сомнѣнь_
Прими совѣт
Любовь_лу
Въ любви бы
За истинужъ
Влюбись въ к
Твой вкусъ_
Когдажъ на
Его ты вып

рѣнь_я Ро_дят_ся дѣти съ ними здѣсь Ро_

нѣнь_я Ро_дит_ся но_вы_я сомнѣнь_я.

совѣтъ, мой молодежъ!
_лукавая наука:
ви бываетъ часто ложъ,
инужъ вино порука.
ъ въ красотку_не равно
кусъ_приманка заблужденья.
ъ на вкусъ придетъ вино,
выпьешъ безъ сомнѣнья.

990.